Библейско-богословская коллекция
Серия «БИБЛЕИСТИКА»
Золотой фонд русской библеистики

Епископ
МИХАИЛ (Лузин)

БИБЛЕЙСКАЯ НАУКА

книга шестая

СВЯТОЙ ПРОРОК ИСАИЯ И КНИГА ЕГО ПРОРОЧЕСТВ


Кафедра библеистики МДА


Фонд «Серафим»

Москва
2008

Библейская Наука.

КНИГА ШЕСТАЯ.

СВЯТОЙ ПРОРОКЪ ИСАІЯ
и книга его
Пророчествъ.

Академическія чтенія Доктора Богословія, Профессора и Ректора Московской и Кіевской Духовныхъ Академій, автора „Толковаго Евангелія“ и „Толковаго Апостола“,

Епископа Михаила.



Издано подъ редакціей Н. И. Троицкаго.

ТУЛА.
Типографія И. Д. Фортунатова, Кіевская ул., д. Платоновыхъ.
1901.

Святой Пророкъ Исаія

и книга его

Пророчествъ.



Академическія чтенія Доктора Богословія, Профессора и Ректора Московской и Кіевской Духовныхъ Академій,

Епископа Михаила.

VI.

Издано подъ редакціей Н. И. Троицкаго.

ТУЛА.
Типографія И. Д. Фортунатова, Кіевская ул., д. Платоновыхъ.
1901.

Св. Пророкъ Исаія и книга его Пророчествъ.

Епископа Михаила.

Во главѣ Пророковъ, рѣчи которыхъ, собранныя въ отдѣльныя книги и взошедшія въ Ветхо-Завѣтный канонъ, дошли до насъ, стоитъ Пророкъ Исаія, не потому, чтобы онъ жилъ раньше прочихъ пророковъ, писанія которыхъ состоятъ въ канонѣ послѣ его пророчествъ, но по особенной важности его пророческихъ рѣчей, по особенно великому значенію этихъ рѣчей, по величію лица Исаіи, какъ пророка—Евангелиста.

I.

По надписанію книги пророчествъ Исаіи, этотъ Пророкъ проходилъ свое пророческое служеніе при четырехъ царяхъ Іудейскихъ—Озіи или Азаріи, Іоаѳамѣ, Ахазѣ и Езекіи. Чтобы точнѣе опредѣлить, сколько времени дѣйствовалъ въ качествѣ Пророка Исаія, надобно обратить прежде всего вниманіе на то, что при Озіи онъ пророчествовалъ не болѣе года, такъ какъ, по надписанію 6 главы, онъ только въ послѣдній годъ царствованія этого царя былъ призванъ къ пророческому служенію; далѣе Іоаѳамъ царствовалъ 16 лѣтъ (4 Цар. 15, 33); за нимъ Ахазъ царствовалъ также 16 лѣтъ (4 Цар. 16, 2); послѣ него Езекія царствовалъ 29 лѣтъ (4 Цар. 18, 2). Если принять за вѣрное, что въ продолженіе всего этого времени пророчествовалъ Исаія, то выдетъ, что онъ пророчествовалъ всего около 62 лѣтъ. Но вопросъ—во все ли время царствованія послѣдняго изъ помянутыхъ царей проходилъ свое служеніе Исаія? Въ надписаніи говорится, что онъ пророчествовалъ во дни Озіи вообще, а мы знаемъ, что при Озіи онъ былъ пророкомъ всего одинъ послѣдній годъ. Теперь, можно ли думать, что онъ пророчествовалъ въ продолженіе всего времени царствованія Езекіи, или только въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ царствованія этого царя, а не всѣхъ, какъ и при Озіи? По яснымъ даннымъ самой книги Пророкъ дожилъ до 15 года царствованія Езекіи: ибо, по вѣроятнѣйшимъ хронологическимъ заключеніямъ, на этотъ годъ царствованія Езекіи падаетъ посольство къ нему Меродаха

Валадана, царя Вавилонскаго; а описаніемъ этого происшествія оканчивается жизнеописаніе Езекіи, составленное Пророкомъ Исаіею (Ис. 59). Можно думать, что Пророкъ и умеръ въ это время, если принять за вѣрную мысль, что въ случаѣ продолженія его жизни до конца царствованія Езекіи, онъ бы довелъ жизнеописаніе благочестиваго царя до его смерти; а какъ этого нѣтъ, то значитъ, что Пророкъ самъ не дожилъ до этого времени и умеръ около 15 года его царствованія, время, до котораго доведена имъ біографія Езекіи. Новые историки большею частію принимаютъ это мнѣніе. Въ такомъ случаѣ Пророкъ Исаія проходилъ свое пророческое служеніе не около 62, а около 48 лѣтъ—съ 759 (годъ смерти Озіи) по 711 годъ до Рождества Христова. Въ пользу вѣрности этого мнѣнія, выставляютъ, кромѣ высказаннаго уже—неоконченности біографіи Езекіи еще то обстоятельство, что, если пророкъ умеръ не при Езекіи, то значитъ при преемникѣ его Манассіи; а въ такомъ случаѣ, если бы онъ хотя годъ жилъ при Манасіи, имя этого царя было бы въ общемъ надписаніи книги на ряду съ именами прочихъ царей, подобно тому, какъ въ немъ поставлено имя Озіи, хотя пророкъ всего одинъ годъ при немъ проходилъ свое служеніе. А такъ какъ имени Манассіи въ надписаніи нѣтъ, значитъ пророкъ не дожилъ до его царствованія. Заключеніе, по видимому, правдоподобное. Прибавляютъ еще къ этому, что пророкъ былъ бы уже слишкомъ старъ, если бы дожилъ до временъ Манассіи.—Но противъ этого мнѣнія о 48-мъ лѣтнемъ служеніи пророка, до 15 года царствованія Езекіи, говоритъ древнее единодушное преданіе, что пророкъ Исаія дожилъ до временъ Манассіи и при немъ умеръ мученическою смертію, бывъ распиленъ деревянною пилою, по повелѣнію царя. Первоисточникъ письменнаго преданія объ этомъ талмудъ (Cod. Talmud Schammoth dol 49 Col. 2). Въ немъ исторія смерти пророка расказана довольно подробно: царь Манассія осудилъ Исаію и убилъ его. Онъ (царь) сказалъ ему: Моисей, наставникъ твой, сказалъ: никто же узритъ лице мое (Божіе) и живъ будетъ (Исх); а ты говоришь: я видѣлъ Господа, сѣдящаго на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ. Моисей, учитель твой, сказалъ: кто яко Богъ, Господь нашъ, близъ есть всѣмъ призывающимъ его (Втор. 4,7), а ты говоришь: взыщите Господа, да обрящете, призовите его, да приближится къ вамъ. Моисей, учитель твой, сказалъ: исполнено число дней твоихъ; а ты говоришь: и приложу на дни твоя пятьнадесять лѣтъ. Исаія ска-

залъ: я знаю, что ты таковъ, ты не примешь словъ моихъ ежели буду говорить тебѣ, и если отвѣчу тебѣ: ты все-таки будешь гордъ. И такъ онъ призвалъ имя Божіе и окровавленъ былъ деревянною пилою.—Это преданіе повторяютъ почти всѣ древніе писатели, видя указаніе на эту смерть Исаіи и въ словахъ Апостола Павла, когда онъ, перечисляя различные подвиги Ветхозавѣтныхъ праведниковъ, замѣчаетъ: *иніи же претрени быша.* И изъ новыхъ историковъ нѣкоторые держатся этой мысли о времени смерти Исаіи, согласно съ преданіемъ. Съ особенною силою оно выставлено извѣстнымъ Бунзеномъ. Которое же изъ этихъ мнѣній о времени смерти Исаіи вѣрнѣе? Намъ кажется, послѣднее. Если и признать, что сказаніе талмуда о смерти Исаіи украшено вымысломъ: то съ другой стороны все-таки нѣтъ достаточныхъ причинъ отрицать, что основаніемъ этому вымыслу послужилъ историческій фактъ-смерть Исаіи при Манассіи и отъ руки Манассіи. Правда въ историческихъ книгахъ нѣтъ прямаго подтвержденія этому преданію, но сказанія историческихъ книгъ объ этомъ времени большею частію очень кратки, говоря относительно. Въ 4 кн. Цар. (21, 16), впрочемъ, о Манассіи говорится, что онъ пролилъ много невинной крови въ Іерусалимѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это была невинная кровь тѣхъ, кто особенно возставалъ противъ введеннаго царемъ идолопоклонства, слѣдовательно пророковъ. И Іосифъ Флавій дѣйствительно пишетъ, можетъ быть впрочемъ преувеличивая, что Манассія каждый день убивалъ кого нибудь изъ пророковъ и другихъ знаменитыхъ людей. Между ними могъ быть конечно и Исаія, хотя объ немъ прямо и не упоминается, можетъ быть потому, что онъ вѣроятно, по причинѣ своей старости, оставилъ общественную дѣятельность и жилъ, подобно престарѣлому пророку Ахіи, въ уединеніи. Въ пользу этого же мнѣнія—о жизни пророка нѣсколько времени при Манассіи, свидѣтельствуетъ свойство нѣкоторыхъ изъ пророческихъ рѣчей, содержащихся во второй части книги. Въ нихъ содержится нѣчто такое, что можетъ указывать на времена Манассіи, именно жалобы пророка на многобожіе и безбожіе, на жертвоприношенія дѣтей, на худыхъ правителей и пр. На этомъ основаніи не только защитники подлинности второй части книги пророка Исаіи, но даже отвергающіе ее, соглашаются, что нѣкоторыя ея рѣчи (56, 57, 66), указываютъ на время Манассіи. Надобно обратить вниманіе также на приведенныя уже слова Апостола Павла въ посланіи къ Ев-

реямъ, о претреніи пророковъ. Древнее преданіе именно говоритъ, что пророкъ Исаія претренъ былъ деревянною пилою. Почему же не думать, что Апостолъ при этихъ словахъ имѣлъ въ виду именно это мученіе Исаіи, и—значитъ вѣрилъ ему? Что касается до того предположенія, что Исаія не могъ дожить до временъ Манассіи потому, что былъ бы уже слишкомъ старъ: то это предположеніе не заслуживаетъ вѣроятія. Положимъ, что онъ призванъ былъ къ пророческому служенію около 30 лѣтняго возраста, (а извѣстно, что и ранѣе этого возраста призываемы были къ пророческому служенію, напр., Іеремія), проходилъ это служеніе около 62 лѣтъ до Манассіи и при немъ хотя годъ, будетъ около 95 лѣтъ, старость почтенная, но небезпримѣрная, особенно въ тѣ времена; современникъ пророка священникъ Іоддай умеръ 130 лѣтъ, по сказанію 2 кн. Парал. И преданіе говоритъ, что пророкъ Исаія претерпѣлъ мученическую смерть въ глубокой старости. И такъ какъ пророкъ велъ, подобно другимъ своимъ собратіямъ, строгую аскетическую жизнь: то можно думать, что онъ могъ сохранить до глубокой старости крѣпость тѣла и духа.—Но особенно въ пользу этого мнѣнія говоритъ единодушное преданіе всей древности; не могло же въ самомъ дѣлѣ такое согласіе взяться ни съ того, ни съ сего; вѣрно это было постояннымъ преданіемъ въ церкви Іудейской и христіанской.—И такъ, можно думать, что Исаія проходилъ свое пророческое служеніе около 62 лѣтъ 759—697 г. до Рождества Христова. Если Исаія не довелъ до конца біографіи Езекіи: то вѣроятно потому, что послѣ 15-го года его царствованія не случилось ничего особенно замѣчательнаго; и въ книгѣ царствъ и въ книгѣ Парал. тѣмъ же самымъ оканчивается біографія Езекіи; въ послѣдней сказано, что прочія дѣянія Езекіи значатся *въ дневныхъ записяхъ царей Іудейскихъ*, а это значитъ, что въ нихъ не было ничего такого, что могло взойти въ богодухновенныя книги на память будущимъ родамъ. Если въ общемъ надписаніи нѣтъ имени Манассіи: то это могло случиться потому, что пророкъ не долго проходилъ при немъ свое служеніе, или потому, что дѣлавшіе это надписаніе не хотѣли помѣстить въ немъ имени убійцы пророка.

II.

Чтобы яснѣе представить себѣ положеніе пророка Исаіи въ Еврейскомъ обществѣ, среди котораго онъ такъ долго дѣйствовалъ, видѣть причины такой обширной и сильной дѣя-

тельности, а чрезъ то—объяснить объемъ, характеръ и направленіе пророческихъ рѣчей его, надобно обратить вниманіе на положеніе Еврейскаго народа въ это время среди другихъ народовъ и на внутреннее состояніе народа въ теченіе этого періода времени; мы сдѣлаемъ краткій историческій очеркъ того и другаго.

Главную роль въ Западной полосѣ Азіи въ это время занималъ Ассуръ. Это было время новой, второй Ассирійской монархіи, съ главнымъ городомъ Ниневіею. Вавилонія была тогда Ассирійской провинціей, подъ управленіемъ намѣстниковъ, которые также назывались царями. Во время царствованія Озіи Іудейскаго является первый могучій царь этой новой Ассирійской монархіи Фулъ, жестоко наказавшій Израильское царство. Во времена Ахаза - является еще болѣе могучимъ Өелгафелассаръ, опустошавшій Израильское царство и отведшій часть жителей его въ плѣнъ. Во времена Езекіи при Салманассарѣ царство Ассирійское достигло высшей степени своего могущества, этотъ царь окончательно уничтожилъ царство израильское въ началѣ царствованія Езекіи надъ Іудейскимъ царствомъ (ок. 720 г.) Вскорѣ послѣ при Сеннахиримѣ показались первые признаки упадка Ассирійской монархіи. Нѣкоторые народы, напримѣръ, Мидяне отложились и стали независимы. И Іудейское царство, вставшее было въ зависимость отъ Ассиріанъ при Ахазѣ, освободилось при Езекіи отъ этой зависимости, послѣ того, какъ въ одну ночь истреблено было почти все войско ассирійское подъ стѣнами Іерусалима въ числѣ 175000. Сынъ Сеннахирима Асаргаддонъ умѣлъ задержать на нѣкоторое время совершенное паденіе Ассирійскаго царства своей побѣдой надъ Меродахомъ Валаданомъ, его вассаломъ въ Вавилоніи, задумавшимъ отложиться, онъ напомнилъ прежнюю славу Ассиріи, въ его время пострадала отъ руки его и Іудея при Манассіи; но это были послѣднія удачи Ассирійскихъ царей. При преемникахъ Асаргаддона монархія все болѣе и болѣе упадала. Наконецъ, около 630 г. Кіаксаръ Мидійскій, въ союзѣ съ Набополассаромъ Вавилонскимъ, осадили и разрушили Ниневію, явились два царства—Мидійское и Вавилонское, Ассирія съ Ниневіею стала Мидійской провинціей.

Другой сильный народъ, не далеко отъ Палестины, былъ Египетскій народъ. Египтяне впрочемъ не много дѣлали зла. Еврейскому царству въ это время, большею частію они находились въ союзѣ между собою. Евреи часто, не надѣясь

на свою силу и преступно не довѣряя Богу своему Іеговѣ, просили помощи у Египтянъ и вступили съ ними въ союзъ противъ Ассиріанъ и противъ Халдеевъ. За это часто пророки укоряли народъ Еврейскій. Замѣчательно, что оба царства, и Израильское и послѣ Іудейское, пострадали чрезъ Египтянъ, именно чрезъ союзъ съ ними, который всегда раздражалъ враговъ ихъ и былъ причиною гибели того и другаго царства.—Что касается до другихъ окрестныхъ народовъ, напримѣръ Моавитянъ, Аммонитянъ, Едомлянъ, то они продолжали вести себя по прежнему; подъ водительствомъ своихъ старшинъ дѣлали иногда удачные иногда не удачные набѣги на нѣкоторыя области Еврейскаго царства, а иногда помогали имъ въ войнахъ противъ другихъ народовъ. Филистимляне въ это время ослабѣли сравнительно съ прежнимъ временемъ: побѣды Давида и Соломона обезсилили ихъ, и они мало видны въ исторіи разсматриваемаго времени.

Еврейское царство, раздѣлявшееся на два—Іудейское и Израильское, въ разсматриваемый періодъ, вообще было въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, два раздѣленныя родственныя царства [illegible] и во враждебныхъ отношеніяхъ между собою и—лишь рѣдко, на время успокоивались, доколѣ совсѣмъ не пало царство Израильское.

При Озіи Іудейское царство и при современникѣ его Іеровоамѣ II Израильское находились въ возможно хорошемъ положеніи. Объ Озіи писатели книгъ Царствъ и Паралипоменонъ замѣчаютъ, что онъ поступалъ праведно предъ очами Іеговы, точно такъ же какъ поступалъ отецъ его Амасія (4 Цар. 15, 4). Только онъ не разрушалъ высотъ, замѣчается въ книгѣ Паралипом., народъ совершалъ еще жертвы и куренія на высотахъ.—Первоначально, это было, вѣроятно, помѣстное служеніе Іеговѣ, низошедшее мало по малу потомъ до служенія простому символу, образу идолу, по подобію и подъ вліяніемъ Богослуженія Израильтянъ и сосѣднихъ языческихъ народовъ. Не смотря на это, за правду царя Богъ помогалъ ему и во внѣшнихъ войнахъ и въ благоустроеніи внутреннемъ своего государства; онъ сдѣлалъ многое въ Іерусалимѣ (2 Пар. 26, 2—15). Но потомъ онъ возгордился до святотатства, за что и наказанъ былъ проказаю, которой былъ одержимъ до самой смерти своей; по каковому случаю жилъ въ больничномъ домѣ, а дѣлами правилъ сынъ его Іоаѳамъ (2 Пар. 26, 16 д.) Какъ кажется, смыслъ этого сказанія тотъ,

что Озія возбудилъ оппозицію жрецовъ, вздумавъ присвоить себѣ право жертвоприношенія; обычай былъ противъ него и —народъ сталъ на сторону жрецовъ.—Состояніе вѣры и народной нравственности характеризуется замѣчаніемъ, что на высотахъ еще приносили жертвы и куренія,—состояніе далеко не цвѣтущее, хорошее только сравнительно.

Объ Іоаѳамѣ въ книгѣ Царствъ и Паралип. вообще замѣчается, что онъ поступалъ праведно предъ очами Іеговы, точно такъ, какъ и отецъ его Озія, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ не входилъ во храмъ Іеговы съ святотатственною цѣлію, какъ то сдѣлалъ отецъ его. Въ отношеніи къ религіозному и нравственному состоянію народа замѣчается, что еще опять не разрушены были высоты, и народъ приносилъ жертвы и воскуривалъ на нихъ, а въ книгѣ Паралипом. замѣчается, что народъ жилъ грѣховно (2 Пар. 27, 3). Еще болѣе проливаетъ свѣта на жизнь народную въ это время вторая рѣчь Исаіи, которая относится, по вѣроятнымъ соображеніямъ, къ этому времени. Пророкъ сильно жалуется предъ Богомъ на пристрастіе народа къ язычеству, на богатство, роскошь и безнравственность (2, 6– 9), у[illegible] за все это бѣдствіями, и прорекаетъ, что государство подвергнется грозному наказанію за гордость, роскошь, мздоимство начальниковъ и пышность въ одеждѣ. Впрочемъ сравнительно время Іоаѳама было еще счастливо, Богъ помогалъ царю противъ внѣшнихъ враговъ (2 Пар. 27, 5. 6.); онъ сдѣлалъ, такъ же какъ и отецъ его, довольно много для благоустройства государства и Іерусалима (27. 45).

Но преемникъ его Ахазъ былъ не таковъ: онъ не поступалъ праведно предъ очами Іеговы-Бога своего, такъ, какъ поступалъ отецъ его Давидъ; онъ шелъ дорогой царей Израильскихъ; онъ даже сына своего провелъ чрезъ огонь, подражая мерзостямъ народовъ, которыхъ Іегова прогналъ отъ лица сыновъ Израиля: онъ совершалъ жертвы и куренія на высотахъ, и на холмахъ и подъ всякимъ деревомъ зеленымъ (4 Цар. 16, 2—4); за то Богъ и наказывалъ его и народъ Іудейскій Израильтянами и Ассиріанами. Но Ахазъ нечестивый не хотѣлъ внимать гласу Божію, не хотѣлъ чувствовать карающей руки его. И въ тѣсное для себя время, замѣчается въ книгѣ Паралип. (28, 22 - 25), онъ продолжалъ беззаконно поступать предъ Іеговою, онъ—царь Ахазъ; онъ приносилъ жертвы богамъ Дамасскимъ, поражавшимъ его, и говорилъ: боги царей Сирійскихъ помогаютъ имъ; принесу и я имъ

жертву, они помогутъ и мнѣ. Но они были причиной паденія его и всего Израиля. Онъ обобралъ сосуды дома Божія и заперъ двери дома Іеговы и надѣлалъ себѣ жертвенниковъ во всякомъ углу Іерусалима, и по всѣмъ городамъ Іудейскимъ устроилъ высоты для кажденія другимъ богамъ и раздражалъ Бога отцевъ своихъ.—Понятно, какъ такое поведеніе царя отразилось на народѣ, склонномъ къ отпаденію отъ Іеговы своего къ богамъ чужимъ, пристрастномъ къ порокамъ самымъ грубымъ. Если признать, что первая рѣчь Исаіи, помѣщенная въ книгѣ его, относится ко временамъ Ахаза, то можно видѣть, въ какомъ жалкомъ положеніи находилось Іудейское царство въ религіозно-нравственномъ отношеніи. О, народъ грѣшный, отягченный беззаконіями, говоритъ Іегова народу, и пр. 1,4—10. 21—31. Точно также жалуется на народъ современникъ Исаіи пророкъ Михей. Царствованіе это было однимъ изъ самыхъ несчастныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Съ восшествіемъ на престолъ преемника Ахаза, Езекіи, положеніе дѣлъ измѣнилось, онъ поступалъ праведно предъ очами Іеговы, точно такъ, какъ поступалъ отецъ его Давидъ. Писатели книгъ Царствъ и Паралип. съ отрадою останавливаются на подвигахъ благочестія Езекіи и подробно описываютъ его дѣла и внутреннія и внѣшнія. Онъ отмѣнилъ высоты, разбилъ статуи, срубилъ изображеніе Астарты (7 Цар. 18, 3—6). Въ самомъ началѣ царствованія, онъ отворилъ двери дома Іеговы и починилъ ихъ; торжественно возстановилъ нарушенный завѣтъ съ Іеговою, все очистили, все освятили, и всенародно принесли всесожженіе Богу за грѣхи Израиля, и—примирились съ Богомъ, при чемъ народъ покаялся и ликовалъ послѣ примиренія (Пар. 29). Въ тоже время торжественно отпраздновали праздникъ Пасхи, народъ ликовалъ (Пар. 30), послѣ чего снова разбиты были всѣ оставшіяся статуи и изображенія и уничтожены жертвенники по всей землѣ 31, 1). Народъ, въ слѣдъ за царемъ, обратился къ Іеговѣ—Богу своему, и Богъ видимо помогалъ царю и противъ внѣшнихъ враговъ—особенно Сеннахирима. И много сдѣлалъ Іезекія для народа своего, онъ дѣлалъ, по замѣчанію книги Паралип., все доброе, справедливое и истинное, во всѣхъ дѣлахъ своихъ, какія онъ ни начиналъ, онъ дѣйствовалъ отъ всего сердца своего и имѣя успѣхъ (Пар. 31, 20—21). Народъ благоденствовалъ. Послѣ него уже, замѣчаетъ писатель книги Царствъ (18, 5—7), не было такого, какъ онъ изъ всѣхъ царей Іудейскихъ и изъ тѣхъ, которые были прежде него.

Онъ прилѣпился къ Іеговѣ и не отклонялся отъ него, и хранилъ заповѣди его; за то и Іегова былъ съ нимъ.—Это время было лучшимъ временемъ Іудейскаго царства въ теченіе всего этого періода и въ политическомъ и въ религіозно-нравственномъ отношеніяхъ.

Быстрый переворотъ произошелъ въ Еврейскомъ обществѣ со вступленіемъ на престолъ Манассіи. Это былъ одинъ изъ нечестивѣйшихъ царей Іудейскихъ; онъ разрушилъ дѣла Іезекіи и возстановилъ дѣла Ахаза; идолопоклонство развилось въ высшей степени. Къ довершенію всего онъ воздвигъ гоненіе на истинныхъ почитателей Бога—Іеговы и разумѣется прежде всего на пророковъ.—Много невинной крови пролилъ въ Іерусалимѣ Манассія, говоритъ писатель книги Цар. (21, 16), такъ что наполнилъ ею Іерусалимъ отъ края до края, сверхъ своего грѣха, что онъ соблазнилъ Іуду дѣлать непріятное для очей Іеговы. Въ это время, какъ мы видѣли, претерпѣлъ мученическую смерть пророкъ Исаія.

Таково было состояніе Іудейскаго царства во дни служенія пророка Исаіи. Еще хуже было состояніе царства Израильскаго. Во время Іеровоама 2-го, современника Озіи Іудейскаго, царство Израильское въ послѣдній разъ находилось въ довольно хорошихъ политическихъ обстоятельствахъ, а затѣмъ все болѣе и болѣе падало и пало окончательно на глазахъ пр. Исаіи при Езекіи Іудейскомъ (См. пр. Амосъ. Приб. къ Тв. С. О. 11. 17 и д.).

Вотъ въ какое время былъ призванъ и проходилъ свое пророческое служеніе Исаія! Время, когда замѣтно и довольно быстро склонялся къ упадку Еврейскій народъ. Еще на глазахъ Исаіи оба царства—Іудейское при Озіи и Израильское при Іеровоамѣ II находились относительно въ хорошемъ состояніи, и въ продолженіе его пророческаго служенія одно изъ нихъ совершенно погибло, другое сильно склонялось къ паденію; порча нравовъ была замѣтна и для простаго глаза, даже во времена лучшихъ царей—Іоаѳама и Езекіи; не смотря на нѣкоторыя добрыя проявленія, религіозность была болѣе внѣшняя; а для просвѣщеннаго и просвѣтленнаго взгляда пророка эта порча конечно была яснѣе и—должна была казаться странною.

Если мы возмемъ болѣе широкій горизонтъ этого времени: то увидимъ, что это время пророческаго служенія Исаіи было временемъ весьма опаснымъ для внѣшняго даже состоянія теократіи. Это было время борьбы второй Ассирійской монархіи

съ Египетскимъ царствомъ за господство надъ средней полосой передней Азіи, причемъ мелкимъ народамъ, изъ за которыхъ велась эта борьба сильныхъ, приходилось очень тяжело, особенно если и между ними не было согласія. Нуженъ былъ великій правительственный тактъ, чтобы выйти цѣлымъ изъ подобнаго положенія; къ несчастью этого совсѣмъ не было въ Израильскомъ царствѣ, и оно пало, а если Іудейское осталось, то не ошибемся, если припишемъ это пророку Исаіи, дѣйствовавшему отъ лица Божія.—Эта опасность для внѣшняго состоянія теократіи Іудейскаго царства выразилась особенно въ двухъ событіяхъ:—въ союзѣ царей Сирскаго и Израильскаго 730 г. противъ Іудеи при Ахазѣ, и въ нашествіи царя Ассирійскаго Сеннахирима 701 г. на Іудею при Езекіи. Могло ли это маленькое царство противиться этой страшной силѣ?—Но рука Іеговы высока, и голосъ пророковъ его могучъ. Исаія руководитъ дѣлами въ обоихъ этихъ случаяхъ, и къ этимъ именно событіямъ главнымъ образомъ относится его дѣятельность, на нихъ сосредоточивается эта дѣятельность.

По важности времени воздвигнуто было довольно много пророковъ и въ Іудейскомъ и Израильскомъ царствахъ, но первенство между ними безспорно занимаетъ Исаія—великій пророкъ, соотвѣтственно важности времени. Величіе этой личности указывается уже историческими книгами. Обыкновенно въ нихъ немного и кратко говорится о пророкахъ вообще; но объ Исаіи повѣствуется довольно много; участіе его въ дѣлахъ, особенно при благочестивомъ Езекіи, выставляется подробно; въ нихъ онъ представляется спасителемъ отечества. Только о четырехъ пророкахъ такъ много распространяются писатели историческихъ книгъ: о Самуилѣ, Иліи, Елисеѣ и Исаіи. Но все величіе этого пророка открывается изъ книги его пророчествъ. Она свидѣтельствуетъ ясно, что это былъ за пророкъ, что за общественный дѣятель. Всюду и вездѣ, говоритъ Евальдъ, и въ общественной дѣятельности, и въ жизни, и въ воззрѣніяхъ, и предметахъ рѣчей, и въ образѣ выраженія, въ широтѣ и ясности воззрѣнія, въ простотѣ, прелести и величіи образовъ, въ обличительныхъ и утѣшительныхъ рѣчахъ, во всемъ Исаія является царемъ пророковъ. То, что рѣдко соединяется въ одномъ человѣкѣ, глубокое пророческое возбужденіе съ живѣйшимъ, но спокойнымъ воодушевленіемъ, всегда ровная, спокойная, неутомимая и плодотворная дѣятельность, сообразно обстоятельствамъ времени, среди всякихъ

перемѣнъ общественной жизни, и—истинно поэтическая чистота, прелесть, живость, сила и возвышенность рѣчи,—эти свойства высказались въ Исаіи болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ пророкѣ, и изъ нихъ-то составляется величіе этой личности среди другихъ пророковъ и современнаго общества.— Къ тому, мы видимъ, что онъ постоянно дѣйствуетъ въ центрѣ царства Іудейскаго - Іерусалимѣ, близко, особенно во времена Езекіи, стоитъ къ царю и царскому двору, знаетъ потому всѣ важныя событія въ царствѣ Еврейскомъ и сосѣднихъ; отсюда понятно, какъ онъ съ этого виднаго мѣста орлинымъ взоромъ своимъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе пророки, слѣдитъ за всѣми движеніями и внутри и внѣ государства и обнимаетъ своимъ взоромъ все положеніе Еврейскаго общества своего времени, всѣ его отношенія и направленія, какъ происшествія въ теократическомъ царствѣ и внѣ его, многоразличныя обнаруженія паденія или ослабленія религіозно-нравственнаго духа народа обнимаетъ и понимаетъ онъ въ ихъ глубинѣ и самыхъ основаніяхъ; ко всѣмъ сословіямъ народа обращаетъ онъ свою рѣчь, предостерегаетъ, угрожаетъ, утѣшаетъ.— Далѣе его дѣятельность была не скоропроходяща, не ограничивалась немногими годами его жизни не связана была съ неважными только событіями, обстоятельства, очень важныя для широкаго развитія дѣятельности и многосторонняго проявленія ея, подъ непосредственнымъ вліяніемъ и дѣйствіемъ Божественнаго Духа; однимъ словомъ, все соединилось въ Исаіи, чтобы образовать изъ него великаго Пророка, котораго дѣятельность должна быть самая плодотворная какъ для современнаго ему, такъ для будущихъ поколѣній, и которая не должна была забыться, но увѣковѣчиться.

Какъ и всякій другой Пророкъ, Пророкъ Исаія имѣлъ двоякое призваніе—дѣйствовать на современность и освѣщать будущее свѣтомъ истины. Что касается до перваго: то Пророкъ, какъ вѣрный служитель Ветхаго-Завѣта, постоянно имѣетъ въ виду основоположеніе его—законъ и требуетъ отъ всѣхъ строгаго исполненія его. Но какъ служитель духа, закона, а не буквы его, онъ сильно ратуетъ противъ тѣхъ, которые исполненіемъ одной внѣшности закона, формы его и ограничивались, считая уже себя правыми, не заботясь о духѣ и силѣ закона.— Основная мысль, которая проникаетъ всѣ его пророчества, та, что Богу одному нужно приписывать все, а человѣку ничего, кромѣ его грѣховности; что все упованіе должно возлагать не на тварь, а

на одного Творца; что всякая помощь въ тѣлесныхъ и духовныхъ требованіяхъ человѣка, исходитъ единственно отъ Него, что всякая склонность, всякое стремленіе, основанное не на Немъ, а внѣ его—грѣховны. Отсюда у него очень частое предсказаніе погибели всего высокаго и гордаго и надменнаго, отсюда его жаркое ратованіе противъ идолослуженія и вообще всякихъ пороковъ, что̀ все представляется ему неблагодарностію къ Богу, оскорбленіемъ Его величія; отсюда обличенія тѣхъ, которые въ тѣсныхъ обстоятельствахъ Государства искали помощи у чуждыхъ народовъ и отъ союза съ ними ожидали себѣ спасенія отъ враговъ. Всякая помощь исходитъ единственно отъ Бога, Онъ никогда не забываетъ Своего народа и всегда поможетъ ему, если только онъ всѣмъ сердцемъ обратится къ Нему и не станетъ раздражать Его. Пророкъ выясняетъ постоянно выраженную Законодателемъ мысль, что отъ вѣрности народа Богу зависитъ его счастіе, отъ невѣрности—несчастіе; показываетъ, что причиною несчастія народа всегда самъ народъ, а не Іегова Богъ ихъ, который по любви своей всегда готовъ забыть преступленія народа и простить его въ случаѣ обращенія его къ Нему.—При своемъ дѣйствіи на современность, Пророкъ подкрѣплялъ свои рѣчи возвѣщеніемъ будущаго. Предсказанныя—разрушеніе царства Израильскаго, опустошеніе Іудеи Сеннахиримомъ, плѣнъ Вавилонскій и опустошеніе совершенное всей земли и пр. должны были служить къ тому, чтобы подтверждать истину его рѣчей; пророчества объ освобожденіи изъ плѣна и др. бѣдствій должны были утѣшать благочестивыхъ и укрѣплять ихъ въ вѣрности къ Богу. Пророчества о судьбахъ сосѣднихъ народовъ должны были показывать народу всемогущество ихъ Бога и безсиліе всего человѣческаго. Но центръ всѣхъ пророчествъ Исаіи составляютъ пророчества его о временахъ Мессіи, о Его лицѣ и царствѣ. Его книга такъ богата этими пророчествами, Мессія и Его царство изображаются въ такой полнотѣ и подробностяхъ, что цитатами изъ нихъ переполнены Евангелія и прочія апостольскія писанія, и его по справедливости называютъ Ветхо-Завѣтнымъ Евангелистомъ.

Пророкъ Исаія всегда пользовался великимъ уваженіемъ, и—не могло быть иначе; сбывшіяся еще при жизни его пророчества о паденіи напримѣръ Сиріанъ и Израильскаго царства, о продолженіи жизни Езекіи и пр., а равно и чудеса, совершаемыя имъ, не могли не возбуждать глубокаго уваженія

къ посланнику Божію. — Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе сбывались пророчества его, тѣмъ болѣе возрастало уваженіе къ нему и почитаніе его. Сынъ Сираховъ, Филонъ и Флавій съ глубокимъ благоговѣніемъ отзываются о немъ; но особенно уваженіе къ этому пророку возрасло, когда на Іисусѣ Христѣ и Его царствѣ исполнились пророчества его. Новый Завѣтъ испещренъ словами великаго пророка. Учители первыхъ вѣковъ христіанства не находили словъ для восхваленія Пророка. — Аѳанасій называетъ его μεγαλοφωνότατος Евсевій — величайшимъ изъ Пророковъ и чудеснѣйшимъ. — Кириллъ Александрійскій въ предисловіи къ объясненію этого Пророка говоритъ: „мнѣ кажется, что блаженный Исаія весьма много украшенъ не одною благодатію пророчества, но и лѣпотами Апостола: ибо сей Пророкъ есть вмѣстѣ и Апостолъ, и въ семъ писаніи его вы имѣете слова, исполненныя свѣтомъ Евангельской проповѣди.“ Другой толкователь (Іер.) говоритъ: „Исаію должно называть не столько Пророкомъ, сколько Евангелистомъ: ибо онъ такъ ясно описалъ таинства Христа и Церкви, что нельзя почесть его прорекающимъ о будущемъ, но составляющимъ исторію о прошедшемъ. Такія похвалы восписываютъ ему и всѣ древніе толкователи, имѣвшіе случай говорить о немъ.

III.

Рѣчи пророческія, содержащіяся въ книгѣ Пророка Исаіи, расположены ни по хронологическому порядку происхожденія ихъ, ни по сходству предметовъ рѣчей *исключительно* Ни то, ни другое не было *главнымъ* началомъ для распредѣленія рѣчей этихъ; хронологія и сходство предметовъ занимали уже *второстепенное* мѣсто. Главнымъ началомъ для такого именно распредѣленія служила — надобно думать — *постепенность* въ развитіи внутренняго смысла и содержанія пророчествъ, соотвѣтственно извѣстнымъ состояніямъ и потребностямъ народа въ продолжительное время служенія Пророка, состояніямъ и потребностямъ, не постоянно одинаковымъ, но часто, какъ мы видѣли, противоположнымъ. Впрочемъ, вообще надобно замѣтить, что пророки, а равно и составитель ихъ книгъ — въ томъ случаѣ, когда первые не сами это дѣлали — не были систематики, а потому искать строгой системы въ расположеніи ихъ рѣчей до частностей и подробностей — напрасный трудъ, и если мы вообще систематизируемъ ихъ: то только въ общемъ расположеніи ихъ и, при этомъ, систематизація можетъ быть только проблемматическая, имѣющая отно-

сительную или точнѣе предположительную истинность; потому и разные толкователи разно систематизируютъ ихъ.

Вся миссія Пророка имѣетъ главнымъ предметомъ и средоточіемъ своимъ, какъ мы видѣли, два весьма важныя для теократической жизни народа, событія того времени, событія, къ которымъ всѣ другія событія того времени относятся какъ частныя, побочныя, приготовляющія ихъ или необходимо слѣдующія за ними, въ которыхъ сосредоточивается и въ которыхъ выражается историческая сущность, такъ сказать, того времени для Еврейскаго народа. Эти два событія суть: союзъ царей Сирскаго и Израильскаго противъ царя Іудейскаго, при Ахазѣ, и—нашествіе Сеннахирима Ассирійскаго на Іудею при Езекіи. Къ этимъ двумъ событіямъ, сказали мы, относится главнымъ образомъ и дѣятельность Пророка. По этимъ двумъ событіямъ и отдѣльныя рѣчи Пророка распредѣлены на двѣ большія группы, такъ что рѣчи, произнесенныя при этихъ двухъ событіяхъ, составляютъ зерно и средоточный пунктъ этихъ двухъ группъ, а остальныя рѣчи приспособлены къ нимъ и относятся къ нимъ или какъ приготовительныя, или какъ дальнѣйшее развитіе ихъ и развитіе тѣхъ слѣдствій, которыя произошли изъ этихъ двухъ событій для царства Божія, или какъ развитіе тѣхъ воззрѣній и думъ Пророка, какія были возбуждены въ немъ значеніемъ въ жизни Евреевъ этихъ двухъ событій.

1) Первое изъ этихъ событій—союзъ двухъ царствъ противъ Іудеи, говоря *образно*, было—*посланное Богомъ* испытаніе вѣры Іудеевъ вообще и въ частности дома Давидова, или, говоря—прямо будучи слѣдствіемъ извѣстныхъ жизненныхъ, историческихъ причинъ, было само причиною или поводомъ обнаруживанія религіозно-нравственнаго направленія Іудейскаго царя и царства того времени, пробнымъ камнемъ вѣры ихъ въ Бога своего, или же довѣрія себѣ и человѣческимъ силамъ вообще. При этомъ походѣ союзныхъ царей обнаружилось, что Евреи—въ массѣ не слишкомъ богаты были вѣрою и высшими нравственными качествами. Когда разнесся слухъ, что Арамъ стоитъ въ землѣ Евфремовой, чтобы вмѣстѣ съ Израильтянами идти на Іуду: то восколебалось сердце царя и сердце народа его, какъ дерева въ лѣсу колеблются отъ вѣтра (Ис. 7,2). Въ этомъ критическомъ положеніи, когда грозила опасность всему дому Давидову и царству Іудейскому (ибо не могло же это маленькое царство противостоять такому грозному союзу), Исаія является съ словомъ Господнимъ, возвѣщая безопасность отъ этихъ двухъ *огарковъ ды-*

мящихся головень, подъ условіемъ твердой вѣры въ Бога своего – Всемогущаго, и предлагая во свидѣтельство истины слова своего какое угодно знаменіе—на небѣ или на землѣ, и вотъ здѣсь-то оказалась слабость вѣры народа и царя. Вмѣсто безусловнаго довѣрія Богу, Который столько разъ чуднымъ образомъ помогалъ народу Своему, царь обратился за помощью къ царю Ассирійскому, пославъ ему богатые подарки изъ сокровищъ храма и своего дворца. Но за это жестоко поплатились царь и Іудеи: земля Іудейская была опустошена помянутыми двумя царями, и - хотя царь Ассирійскій своей диверсіей на Дамаскъ прекратилъ это опустошеніе, но затѣмъ обратился самъ противъ царя Ахаза и озлоби его (2 Пар. 28, 5—8. 16. 4 Цар. 16, 5—9. 2 Пар. 28, 19. 20). Между тѣмъ и другіе сосѣдніе народы поднялись противъ Іудеи и надѣлали много зла ей, а царь и народъ не имѣли силы вѣры обратиться къ Богу своему, какъ бывало прежде и поступали видимо беззаконнѣйшимъ образомъ; даже жрецы поступали рѣшительно противузаконно, угождая царю (4 Цар. 16, 10—18). Важность факта понятна: въ критическую минуту народъ отвергаетъ Бога своего, т. е. отрицается отъ своего избранія, и склоняется къ язычеству. Къ этому-то факту съ подготовлявшими его обстоятельствами и со всѣми послѣдствіями его для теократической жизни народа и относится первая группа пророческихъ рѣчей, содержащихся въ книгѣ Исаіи въ теперешнемъ ея составѣ (2 гл.—27 гл.). Распредѣленіе пророческихъ рѣчей здѣсь слѣдующее: 1) Зерно или средоточіе всей этой группы составляетъ кругъ рѣчей отъ 2-й по 12-ю гл., центръ котораго описаніе самаго этого событія, въ 7-й главѣ. Описанію этого событія предшествуютъ рѣчи, состоящія изъ предостереженій, увѣщаній и изображеній недобраго религіозно нравственнаго состоянія народа, ближайшимъ образомъ 6-я глава, въ которой вмѣстѣ съ описаніемъ призванія самого Пророка къ пророческому служенію содержится возвѣщеніе о судѣ Божіемъ надъ народомъ за его ослѣпленіе, со всѣми его послѣдствіями; потомъ—рѣчи 2—4 гл. увѣщаніе и напоминаніе Израилю о его истинной славѣ и мнимой, зложной славѣ, которою онъ хвалится, и рѣчь 5-й гл. угроза судомъ и отверженіемъ за жизнь, не согласную съ закономъ теократіи. Къ этому же событію, описанному въ 7 гл., относятся три слѣдующія рѣчи, въ которыхъ изображаются послѣдствія этого событія и пророчества о будущемъ, поводомъ къ которымъ послужило это событіе, о будущемъ всего Из-

раиля, именно: а) V гл. 8—9, 7 рѣчь объ Еммануилѣ, которою примиряется и какъ бы заглаждается противорѣчіе между теперешнимъ паденіемъ Израиля и его славнымъ предопредѣленіемъ, или между идеей избраннаго народа и дѣйствительностью печальной, не соотвѣтствующей этой идеѣ; б) рѣчь 9, 8—10, 4: изображеніе суда какъ полнаго и всецѣлаго очищенія обоихъ народовъ Іудейскаго и Израильскаго, и в) рѣчь 10, 5—12: пророчество о мнимой и ложной всеобщей монархіи въ лицѣ теперешнихъ враговъ народа избраннаго—Ассиріанъ, и объ истинной всемірной монархіи, или пророчество о паденіи Ассирійской монархіи и объ учрежденіи и состояніи новой всемірной монархіи съ Главою изъ царскаго рода Давидова—Отраслью Давида. 2) Какъ дальнѣйшее развитіе этой группы пророческихъ рѣчей, относящихся къ событію союза царей противъ Іуды, въ книгѣ Пророка Исаіи, непосредственно за разсмотрѣннымъ кругомъ рѣчей, составляющихъ основу всей этой группы, слѣдуетъ новый кругъ рѣчей 13—23 гл. Это—рѣчи о языческихъ народахъ; рѣчи, казанныя и написанныя, вѣроятно, по поводу частыхъ нападеній многихъ изъ этихъ народовъ на Іудею въ расматриваемый періодъ дѣятельности Пророка Исаіи. Эти рѣчи имѣютъ главнымъ предметомъ своимъ изображеніе отношеній языческихъ народовъ къ теократіи въ то время и въ будущемъ, именно: возвѣщаютъ грядущій судъ Божій (въ формѣ разумѣется грозныхъ историческихъ событій) надъ Богоборными царствами и народами, городами и частными лицами, и развиваютъ мысль, что всѣ царства земли и весь міръ принуждены будутъ искать и могутъ найти спасеніе себѣ только у Іеговы Бога Израильскаго, а кто этого не сдѣлаетъ—погибнетъ, и что отдаленные и отдаленнѣйшіе народы языческаго міра нѣкогда принесутъ Господу свои дары для созданія его новаго царства. Этотъ кругъ рѣчей чрезвычайно замѣчателенъ по вѣрности изображенія въ нихъ будущей судьбы указываемыхъ здѣсь народовъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Рѣчи открываются „видѣніемъ на Вавилона“, въ то время простую провинцію Ассирійской монархіи, но такую провинцію, которая и въ то время ясно обнаруживала уже силу свою и которой въ послѣдствіи суждено было заступить мѣсто Ассура и быть однимъ изъ могущественныхъ царствъ Востока, наслѣдницей и продолжательницей сильнѣйшаго Ассирійскаго царства (13 и 14 гл.). Затѣмъ рѣчь идетъ о сосѣднихъ съ Іудейскимъ царствомъ народахъ: Филистимлянахъ (14, 28—31), Моавитянахъ (гл. 15 и

16), союзныхъ царяхъ Сирійскомъ и Израильскомъ вмѣстѣ съ Ассирійской военной силой (17 и 18), потомъ о сильномъ тогда государствѣ Египетскомъ и лежащей рядомъ съ нимъ на югъ Еѳіопіи (19 и 20); ѳпять о Вавилонѣ, какъ средоточіи чувственности, роскоши и идолослуженія (21, 1—10), о Едомлянахъ и Аравитянахъ (21 съ 11 ст.); затѣмъ, послѣ обращенія къ Іерусалиму и начальникамъ его (22) рѣчь идетъ о сильной приморской республикѣ—Тирской (23). 3) Вся эта первая группа пророческихъ рѣчей Исаіи заключается длинной рѣчью (24—27), въ которой какъ бы повторяется сущность всего высказаннаго въ этой группѣ пророческихъ рѣчей, и изображается положеніе теократіи въ мірѣ въ это время и въ будущемъ. Основную мысль этой заключительной рѣчи можно выразить кратко такъ: Іудеи, хотя наравнѣ съ языческими народами подлежатъ суду и наказанію, бѣдамъ и отверженію, но не до конца, остановъ послѣ очищенія будетъ сохраненъ и прославленъ въ будущее время, и языческіе народы, послѣ, узнавъ тщету своихъ боговъ и ложь своихъ религій и не нашедши счастія на землѣ при этихъ богахъ и религіяхъ, обратятся къ Іудеямъ и вступятъ съ ними въ общеніе мира, благоденствія, счастія и блаженства при новомъ великомъ Царѣ ихъ изъ дома Давидова.

II) Второе важное для теократической жизни народа событіе во времена пророческой дѣятельности Исаіи, сказали мы, было нашествіе Сеннахирима на Іудею и Іерусалимъ немного спустя послѣ того времени, какъ царство Израильское окончательно пало подъ ударами тѣхъ же Ассиріанъ. Положеніе Іудеевъ было опять въ высшей степени критическое. Страшная сила Ассиріанъ, на которыхъ надѣялся Ахазъ какъ на своихъ защитниковъ, уничтожила Израильское царство совсѣмъ, царство, хотя отступившее отъ Бога и союза, но все-таки родственное Іудеямъ, и которое все-таки было царство избраннаго народа, въ которомъ еще хранилась и истинная религія Іеговы (Во времена Пророка Иліи: 7000 не преклонили колѣнъ Ваалу). Осталось теперь совсѣмъ одинокимъ маленькое царство изъ двухъ колѣнъ; на мѣсто 10 были уже переселены язычники изъ Ассирійскаго царства, а тѣ отведены далеко, далеко и разсѣяны Можетъ быть, подъ вліяніемъ этого грознаго, рѣшительнаго событія предсказаннаго Пророками и, между прочими, недавно Исаіею, добрый по природѣ царь Езекія всѣмъ сердцемъ прилѣпился къ Богу отцовъ своихъ и во имя закона предпринялъ различныя реформы, способство-

вавшія религіозно-нравственному очищенію и возрожденію упавшаго народа, при содѣйствіи великаго Пророка Исаіи. Но вотъ—та же грозная Ассирійская сила, нещадившая ничего въ своемъ грозномъ шествіи, является подъ стѣнами Іерусалима. Этому ли небольшому царству преодолѣть страшную силу? Очевидно, ему грозила та же опасность, какъ и Израильскому царству,—переселеніе, и дому Давидову—гибель, какъ погибъ домъ, царствовавшій въ Израильскомъ царствѣ. Царь хотѣлъ купить миръ съ Ассиріанами, Ассиріане взяли золото и обложили Іерусалимъ силою тяжкою зѣло, и ругались царю Іудейскому и Богу Іудейскому (4 Цар. 18, 73 и дал.). Тогда является опять великій Исаія и говоритъ отъ лица Божія, чтобы не боялись царь и народъ, вѣровали Боту своему, и вотъ въ одну ночь Ассирійское войско было истреблено въ лагерѣ предъ Іерусалимомъ. Къ этому-то великому событію приноровлены, въ расположеніи книги, рѣчи Исаіи, произнесенныя около этого времени и послѣ, и онѣ составляютъ вторую группу рѣчей Пророка въ его книгѣ (28-66 гл.). Въ этомъ фактѣ выразился Божій судъ надъ мірскимъ, внѣ Теократіи стоящимъ и не отъ нея свою силу заимствующимъ, могуществомъ, и—побѣда царства Божія надъ царствомъ міра, и эта мысль со всѣми ея слѣдствіями развивается въ рѣчахъ разсматриваемой группы рѣчей Исаіи.—Расположеніе частныхъ рѣчей въ этой группѣ слѣдующее: а) этому событію тію предшествуетъ, какъ бы подготовляя къ нему, кругъ пророческихъ рѣчей 28—35 гл., именно—1) рядъ рѣчей, произнесенныхъ какъ бы при видѣ этой воинской силы нападающей на Самарію, рѣчей о предстоящемъ бѣдствіи теократіи въ ея борьбѣ съ Ассирійской силой Сеннахирима, о внутренней порчѣ народа, за которую онъ поплатится, и отъ которой онъ очистится бѣдствіями, послѣ чего въ будущемъ времени обѣщается побѣда теократіи надъ всѣми внутренними и внѣшними врагами (28-33 гл.), и 2) рѣчь о судѣ надъ враждебными мірскими силами, представителемъ которыхъ является здѣсь Едомъ, и о славномъ избавленіи отъ этого суда народа Божія (34 и 35); б) Зерно или средоточіе всей этой группы пророческихъ рѣчей составляетъ историческое сказаніе, содержащееся въ 36-39 гл., именно 1) сказаніе о нашествіи Сеннахирима на Іудею съ огромнымъ войскомъ, осадѣ Іерусалима и чудесномъ истребленіи въ продолженіи ночи всего осаднаго войска (36 и 37); 2) слѣдствіе этого чуднаго дѣла и особенная милость Божія къ царю (38), новое испытаніе вѣры ца-

ря, его неосторожность и возвѣщеніе бѣдственнаго времени въ будущемъ (39). c) Заключеніе этой второй группы пророческихъ рѣчей и вмѣстѣ съ тѣмъ и заключеніе всей книги пророчествъ Исаіи составляетъ кругъ величественныхъ рѣчей, содержащихся въ 40-66 гл. книги. Это какъ бы одна величественная рѣчь или, какъ ее называетъ Бунзенъ, пѣснь, раздѣляющаяся одинаковыми заключеніями на три отдѣла, по 9 главъ, и каждый изъ этихъ отдѣловъ содержитъ въ себѣ по три части. Это—составъ рѣчей, въ которыхъ, на основаніи возвѣщеннаго Езекіи отведенія Евреевъ въ плѣнъ въ Вавилонъ, описаннаго въ предыдущей главѣ, раскрывается великая ветхо-завѣтная мысль объ искупленіи Израиля и прославленіи его въ царствѣ Божіемъ вмѣстѣ со всѣми народами земли, желающими участвовать въ этомъ царствѣ. Пророкъ переносится совершенно духомъ во время плѣна, и созерцая въ немъ временное бѣдствіе Іудеевъ, какъ послѣднее сильное средство очищенія ихъ, созерцаетъ въ духѣ освобожденіе народа изъ плѣна, его духовное возроженіе въ продолженіе этого времени, отвращеніе отъ всего языческаго, привязанность къ своему родному, истинному, святому, возстановленіе завѣта съ Богомъ и—благоденствіе относительное народа подъ возобновленной теократіей, что и дѣйствительно видимъ мы послѣ плѣна—изъ историческихъ книгъ того времени.—Но все это изображается въ такихъ чертахъ, изъ коихъ многія никакъ не приложимы къ послѣ-плѣнному состоянію Евреевъ, и указываютъ на нѣчто другое—а на что именно, это показываютъ Апостолы, испещрившіе свои писанія цитатами изъ этой части рѣчей пророка, какъ пророчествами о Христѣ и Его Церкви. Видно, что избавленіе изъ предвозвѣщеннаго имъ же плѣна Вавилонскаго, было для Пророка только образомъ другаго—духовнаго избавленія человѣчества или примиренія его съ Богомъ. Видно, что на отдаленныхъ частяхъ этой картины Пророкъ за царемъ Персидскимъ, временнымъ избавителемъ и благодѣтелемъ народа Еврейскаго, видѣлъ другаго избавителя и благодѣтеля всего человѣчества, и когда взоръ его обращается на эту сторону картины, рѣчь его дѣлается возвышеннѣе, восторженнѣе, образы принимаютъ особенную легкость и прозрачность и изъ рѣчи выливается чистая, святая пѣснь сердца.

Первый изъ этихъ трехъ отдѣловъ этой великой пѣсни (40—48) изображаетъ отношенія теократіи къ язычеству вообще, и, взявъ за образъ освобожденіе Евреевъ *рабомъ Божіимъ* Ки-

ромъ изъ плѣна, пророкъ развиваетъ торжество побѣды теократіи надъ богами и силой языческаго міра въ будущемъ, въ лицѣ великаго *раба Іеговы* и устрояемаго имъ общества. Второе отдѣленіе пѣсни (49—57) представляетъ Израиля, какъ средоточіе искупленія всего міра, развивая въ подробности мысль, что какъ Корешъ (Киръ) (44,28) освободитъ Евреевъ изъ плѣна, такъ истинный рабъ Іеговы своими искупительными страданіями и смертью изгладитъ грѣхи народа и завѣтный народъ возвеличитъ истинною славою, и сдѣлаетъ его средоточіемъ искупленія и свободы духа для всего міра. Наконецъ въ третьемъ и послѣднемъ отдѣленіи — заключительномъ (58—66) рядомъ возвышеннѣйшихъ образовъ и изображеній описывается новое царство Божіе на землѣ, совершеннѣйшее прославленіе теократіи съ новымъ небомъ и новою землею.

Вотъ составъ и расположеніе книги пророчествъ Исаіи. Первая глава содержитъ пророческую рѣчь къ современникамъ, на которую надобно смотрѣть, кажется, какъ на общее введеніе къ цѣлому собранію рѣчей этого пророка. Съ этимъ изложеннымъ планомъ расположенія пророческихъ рѣчей вполнѣ согласуются и частныя надписанія надъ нѣкоторыми отдѣленіями, поелику они постоянно встрѣчаются тамъ, гдѣ не достаетъ связи при внутреннемъ органическомъ развитіи рѣчи. Надписаніе первой главы 1, 1. составляетъ надписаніе книги, какъ это видно изъ того, что въ ней упоминается о четырехъ царяхъ, при которыхъ Исаія проходилъ свое пророческое служеніе (ср. Ос. 1, 1. Мих. 1, 1). Со второй главы собственно начинается органическое распредѣленіе пророческихъ рѣчей въ одномъ составѣ, и потому здѣсь новое надписаніе. Кромѣ этихъ, надписанія встрѣчаются собственно въ кругу пророческихъ рѣчей объ иноземныхъ народахъ, рѣчей, которыя здѣсь сопоставлены не по внутренней послѣдовательности мыслей, но какъ отдѣльныя рѣчи объ отдѣльныхъ народахъ, изъ которыхъ каждую можно поставить на мѣстѣ другой.

Обращаемся къ разбору пророческихъ рѣчей Исаіи. Первая рѣчь Пророка, сказали мы, составляетъ нѣчто въ родѣ введенія во всю книгу пророчествъ Исаіи и *типически* выражаетъ состояніе религіозно-нравственное Еврейскаго народа или частнѣе и точнѣе Іудейскаго царства во все время прохожденія Исаіей пророческаго служенія. Вотъ почему намъ кажется вѣроятнѣйшимъ то мнѣніе, что эта рѣчь относится по приложенію самаго изображенія религіозно-нравственнаго

состоянія народа не ко времени Озіи или Іоаѳама или Ахаза или Езекіи, а ко всему этому времени и писана послѣ, когда пророческія рѣчи были уже сопоставлены въ одной книгѣ, т. е. во времена Манассіи. Народъ упрекается въ вѣроломствѣ относительно Бога своего, въ глубокой нравственной порчѣ, такъ что нѣтъ цѣлаго--здороваго мѣста во всемъ организмѣ народа (2—6. 21—23); исполненіе закона ограничивается одною только внѣшнею формальностію церемоній, противною въ очахъ Божіихъ (11—15); если бы не остатокъ истинно благочестивыхъ людей: то земля Іудейская была бы то же, что Содомъ и Гоморра (9—10); за то и опустошена вся земля и Сіонъ остался, какъ одинокая куща въ виноградникѣ, какъ шалашъ въ огородѣ, какъ осажденный городъ среди опустошенной земли (7—8). Таково было въ сущности вообще состояніе народа Іудейскаго въ продолженіе всего времени пророческой дѣятельности Исаіи, не смотря на временное обращеніе его къ Іеговѣ своему при Іоаѳамѣ и даже благочестивомъ и добромъ Езекіи. Каково было это обращеніе народа къ Богу своему, видно уже изъ того, что произволъ Ахаза и Манассіи въ нѣсколько лѣтъ вдругъ уничтожилъ все дѣло Іоаѳама и Езекіи, народъ вмѣстѣ съ царемъ оставлялъ Бога и законъ, видно, не глубоко же было обращеніе его, внѣшне исполненіе закона и не искренне или, покрайней мѣрѣ, поверхностно; за то и наказываема была земля опустошеніями со стороны сосѣднихъ народовъ. Богъ призываетъ къ раскаянію народъ свой и обѣщаетъ простить его и водворить благоденствіе въ землѣ, въ противномъ случаѣ грозитъ новыми и ужаснѣйшими бѣдствіями, которыми очистится земля и городъ, которыми отдѣлится шелуха отъ ядра, и царство будетъ подходить къ идеалу теократическаго царства, когда негодные члены будутъ отсѣчены и погибнутъ (16—20. 25—31). Это, какъ увидимъ, служитъ однимъ изъ обыкновеннѣйшихъ и часто употребляемыхъ предметовъ рѣчей Пророка; отъ темныхъ сторонъ теократіи въ настоящемъ его мысль часто обращается къ свѣтлой сторонѣ будущей теократіи временъ послѣ плѣнныхъ и—особенно Мессіанскимъ. Изображеніе этого будущаго, впрочемъ, какъ видно, держится въ сферѣ общаго, такъ что исполненія его можно искать и находить въ нѣсколькихъ событіяхъ Еврейской исторіи послѣ Исаіи,—послѣ плѣна и во времена Мессіанскія. Такимъ образомъ въ этой вступительной рѣчи выражается сущность пророческаго созерцанія всей книги пророчествъ Исаіи и от-

носительно настоящаго и относительно будущаго состоянія царства Божія на землѣ и—даже тѣхъ средствъ, какими устрояется и совершается оно, —судъ и наказаніе, какъ средство очищенія.

Со 2-й главы, сказали мы, начинается собственно развитіе болѣе частныхъ предметовъ пророческаго созерцанія, и съ этихъ поръ становится возможнымъ опредѣлять съ большею вѣроятностью частное отношеніе рѣчи къ тому или другому событію, къ тому или другому времени, къ тому или другому состоянію народа и теократіи, настоящему или будущему.

Вторая рѣчь Пророка, начинаясь со 2-й главы, обнимаетъ третью и четвертую главы; это одна связная и послѣдовательная рѣчь, произнесенная или записанная, по всей вѣроятности, въ одно время, и это время, къ которому она относится, кажется, можно опредѣлить безошибочно или, по крайней мѣрѣ, съ большой вѣроятностью. Государство изображается въ ней по внѣшности въ цвѣтущемъ состояніи сравнительно, воинственнымъ и хорошо вооруженнымъ, богатымъ; въ слѣдствіе богатства явилась въ народѣ изнѣженность и роскошь; были въ почтеніи идолы, чародѣи и кудесники; были административныя злоупотребленія (2, 6. 7. 3, 12. 16—26). Эти черты, особенно богатство, вооруженіе и роскошь прямо указываютъ на времена Озіи и Іоаѳама; въ такомъ состояніи находилось государство при нихъ по показаніямъ историческихъ книгъ—Царствъ и Паралипоменонъ. Теперь, при Озіи эта пророческая рѣчь едва ли могла быть произнесена, частію потому, что пророческая дѣятельность Исаіи только что началась въ послѣдній годъ царствованія этого царя, частію потому, что Исаія, какъ кажется, имѣлъ при этомъ въ виду подобную же пророческую рѣчь Михея (4, 1–3), выступившаго въ качествѣ пророка при Іоаѳамѣ. Еще менѣе происхожденіе этой рѣчи можно относить къ царствованію Ахаза; время его правленія было временемъ бѣдъ для Іудейскаго царства—постоянныхъ войнъ съ сосѣдними народами, войнъ, истощающихъ народное богатство, когда не до роскоши и изнѣженности небольшому государству. Поэтому время происхожденія этой рѣчи нужно отнести къ царствованію Іоаѳама, и изображеніе состоянія государства отнести именно къ его времени, какъ полагаетъ большая часть толкователей.

Вся эта рѣчь раздѣляется на три части:

Въ первыхъ четырехъ стихахъ 2-й главы (кромѣ надписанія) Пророкъ изображаетъ счастливое и блаженное время,

имѣющее наступить въ послѣдствіи—въ будущемъ, когда теократія, теперь ограниченная однимъ небольшимъ народомъ и притомъ многократно унижаемая и презираемая, возобладаетъ и распространится надъ всѣми народами, истинная религія распространится отъ Іерусалима, и послѣ того какъ всѣ народы добровольно подчинятся власти Бога—Іеговы, наступятъ времена мирныя и спокойныя, когда не будетъ браней и войнъ.

Во второй части рѣчи (2, 5—4, 1) содержатся предостереженія, изображеніе господствующей порчи народа и правителей его и угроза Божественнымъ судомъ и наказаніемъ (разумѣется въ области историческихъ фактовъ). Такъ какъ Пророкъ своему изображенію предпослалъ изображеніе счастливаго будущаго, чтобы сдѣлать народъ воспріимчивѣе для предостереженія своего: то теперь обращаетъ онъ взоръ свой, чтобы смирить противящихся Богу и оживить ревнителей по закону, на другую картину, на картину суда, по которому не цѣлый народъ будетъ участвовать въ помянутомъ счастливомъ будущемъ, но только избранные, а большая часть будетъ устранена и отвергнута. Переходомъ къ этому изображенію служитъ содержащееся въ 5 ст. предостереженіе народу—ходить во свѣтѣ Іеговы, т. е., по чистотѣ своего сердца и совѣсти сдѣлаться достойными участія въ этомъ счастливомъ будущемъ, при чемъ попеременно изображается то господствующій упадокъ и порча нравовъ, то вынужденный ими Божественный судъ и наказанія (2, 6—4, 1). Изображеніе суда и здѣсь держится болѣе въ сферѣ общаго, такъ что его можно считать лишь развитіемъ того общаго теократическаго закона, что порча нравственная необходимо со временемъ наказывается, что все гордое и самонадѣянное смиряется Богомъ, все высокое уничижается, и—можно видѣть исполненіе этой угрозы во многихъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ народа послѣ временъ Іоаѳама. Ближайшими изъ нихъ были походъ противъ Іудеи двухъ союзныхъ царей, Сирскаго и Израильскаго при Ахазѣ и грозное нашествіе Ассиріанъ при Сеннахиримѣ, равно и частые набѣги мелкихъ сосѣднихъ народовъ. Рѣчь оканчивается тѣмъ же изображеніемъ счастливаго будущаго, которымъ начата она (4, 2 - 6). Судъ и наказаніе есть средство очищенія и исправленія. Послѣ этого Божьяго суда, тѣ, которые останутся вѣрными Богу, и тѣ, которые обратятся къ нему, вразумленные судомъ, будутъ прославлены дѣйствіемъ потомка Давидова—отраслью Давида; свято будетъ

тогда общество Божіе, между тѣмъ какъ доселѣ въ немъ были и нечистые. Какъ нѣкогда общество Еврейское, при выходѣ изъ Египта, руководимо было видимыми знаками Божественнаго присутствія среди народа, такъ и новое общество Божіе будетъ созерцать видимые знаки благодатнаго присутствія среди него Бога своего и—охраняться тѣмъ отъ всякой опасности.

Остановимся нѣсколько подольше на первой и третьей изъ этихъ частей пророческой рѣчи.

Ст. 2. „Гора дома Іеговы будетъ поставлена во главу горъ и возвысится надъ холмами". Рѣчь, очевидно, образная: гора дома Іеговы—это или холмъ Моріахъ, на которомъ собственно былъ созданъ храмъ Іерусалимскій, или вообще гора Сіонъ, которой часть только составлялъ холмъ Моріахъ и которая вся называлась обыкновенно горой Божіей или горой дома Божія, почему и говорилось, напримѣръ, что Богъ обитаетъ на Сіонѣ. Эта гора, по пророческому видѣнію будетъ поставлена во главу или на-верху горъ и надъ холмами, такъ что будетъ видна со всѣхъ концевъ земли для всѣхъ народовъ. Очевидно—рѣчь метафорическая. Что же значитъ образъ? „Сіонъ"—мѣсто присутствія Іеговы, есть образъ теократіи вообще; „возвышеніе"—образъ прославленія, возвеличенія, торжества. Смыслъ образа, по снесенію съ послѣдующими словами, будетъ такой: теократія, ограничивавшаяся прежде однимъ народомъ и бывшая прежде не вѣдомою и не видимою для многихъ народовъ, со временемъ—нѣкогда возвеличится, будетъ усмотрѣна—понята другими народами; которые пожелаютъ приступить къ ней и—она распространится надъ всѣми народами. Это будетъ въ послѣдніе дни—*ахаритъ гайомимъ*.—Этимъ выраженіемъ обозначается всякое еще не наступившее извѣстное время, далеко ли еще оно или близко, послѣдующее имѣющее еще наступить время. Въ этомъ значеніи оно встрѣчается, напримѣръ, Быт. 49, 1. Дан. 2, 28. Въ пророческихъ рѣчахъ о будущемъ это выраженіе получило болѣе частное значеніе; оно было terminus technicus для обозначенія временъ Мессіанскихъ. Примѣровъ на это множество, такъ что не нужно и указывать ихъ. Пророки пользовались этимъ не совсѣмъ точнымъ и опредѣленнымъ выраженіемъ, безъ сомнѣнія, потому, что сами въ точности не знали времени и часа наступленія этихъ событій, какъ говоритъ Апостолъ Петръ (1 Петр. 1, 11) и прор. Захарія (14, 6).

Ст. 2—3. Продолжая ту же образную рѣчь видѣнія, пророкъ говоритъ: „и потекутъ къ этой горѣ, по высотѣ своей видимой отвсюду, всѣ народы и выступятъ народы великіе и скажутъ: пойдемъ и взойдемъ на гору Іеговы, въ домъ Бога Іаковлева".—Образъ взятъ отъ обычая Израильтянъ—ежегодно являться предъ Господомъ во храмѣ, чтобы свидѣтельствовать предъ Нимъ свою покорность и благоговѣніе и научаться ходить по пути Его, т. е. по закону Его. Только въ послѣдующее время, о которомъ говоритъ Пророкъ, не одинъ Еврейскій народъ, а всѣ народы земли, и великіе и малые, пойдутъ поспѣшно къ мѣсту присутствія истиннаго Бога, или, разоблачая мысль отъ теократическаго образа, всѣ народы земли обратятся къ познанію и почитанію одного истиннаго Бога, будутъ исповѣдывать одну откровенную религію, которая изъ Іерусалима будетъ проповѣдана всѣмъ народамъ. Эта мысль выражается и въ словахъ—„чтобы Онъ указалъ намъ пути свои и будемъ ходить стезями Его". Путь Іеговы, путь, по которому Богъ хочетъ, чтобы всѣ ходили, есть путь Его закона откровеннаго, или жизнь, сообразная съ закономъ откровеннымъ, что противополагается обыкновенно пути—своему собственному—человѣка, хожденію по стезямъ своимъ или жизни по своей волѣ и произволу. Языческіе народы, по видѣнію принявъ откровенную религію, и будутъ ходить по пути ея, т. е. жить по ея требованіямъ, законамъ и предписаніямъ. Послѣднія слова: „ибо отъ Сіона произойдетъ законъ и слово Іеговы изъ Іерусалима"—не продолженіе рѣчи народовъ языческихъ, а пояснительное замѣчаніе самого Пророка—почему народы такъ спѣшатъ въ Іерусалимъ.

Ст. 4. „Тогда Онъ будетъ судить".... Судить и управлять—принадлежности полнаго господства надъ народами. Дѣйствіемъ этого господства будетъ миръ на землѣ, прекращеніе вражды между народами, т. е. господство любви. Смыслъ: тогда какъ народы прежде, каждый преслѣдуя лишь свои личные интересы, силою притѣснялъ или старался притѣснять другаго, послѣ, когда, Іегова будетъ владычествовать надъ ними, будетъ руководиться уже не столько самолюбіемъ, сколько любовію, слѣдствіемъ чего будетъ прекращеніе войнъ, всеобщій миръ и покой.

Таковъ смыслъ этого видѣнія, если разоблачить его отъ образности чисто теократической. Откровенная религія изъ Іерусалима нѣкогда распространится между всѣми народами земли и—дѣйствіемъ ея будетъ всеобщій миръ на землѣ. Гдѣ

же осуществленіе этого въ исторіи? Къ чему относится это пророческое изображеніе будущаго?

Двѣ черты въ этомъ изображеніи не могутъ быть приложимы ни къ какому времени изъ всей исторіи Еврейскаго народа послѣ Исаіи: — всеобщее распространеніе религіи Іеговы откровенной по всей землѣ, и — всеобщій миръ. Этими двумя чертами какъ у другихъ пророковъ, такъ, въ частности, у того же пророка Исаіи характеризуется время царства Мессіи, т. е. время христіанства вообще — отъ его появленія до конца. Первое напримѣръ, 9, 6. 11, 10. 42. 49. 60. Псал. 21, 28. Второе: 9, 7. 11, 6—9. Пс. 71, 3. Зах. 9, 10 и др.

Въ этомъ пророчествѣ не упоминается о лицѣ Мессіи, а только о свойствахъ Его царства. Мы уже замѣчали во введеніи къ пророческимъ книгамъ, что изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, будто пророкъ свои надежды и чаянія не соединялъ съ однимъ главнымъ лицемъ, т. е. Мессіею и что, слѣдовательно, не о времени Его царства здѣсь рѣчь Мы замѣтили, что это одна изъ особенностей пророческихъ рѣчей, необходимо проистекающая изъ способа сообщенія пророку откровеній. Поэтому мы никакъ не можемъ принять, въ отношеніи къ разсматриваемому мѣсту пророческой рѣчи, того мнѣнія (Гезенія), будто пророкъ здѣсь представлялъ, что обращеніе язычниковъ послѣдуетъ посредствомъ дѣятельности пророковъ; ибо а) представленіе, что пророки будутъ посредниками и при новомъ завѣтѣ, объемлющемъ и языческіе народы, совершенно чуждо не только Исаіи, но и всѣмъ пророкамъ, писанія которыхъ дошли до насъ; б) тѣже самыя черты состоянія царства находятся и въ тѣхъ пророчествахъ Исаіи, гдѣ рѣчь идетъ прямо о лицѣ Мессіи; в) всѣ надежды на счастливое будущее царство у всѣхъ пророковъ, и во всемъ Ветхозавѣтномъ откровеніи, соединяются съ лицемъ одного царя изъ царскаго рода Давидова, и въ этой же самой рѣчи пророка говорится о лицѣ одного Мессіи, когда далѣе описывается его время нѣсколькими сходными съ разсматриваемыми чертами.

Іудеи и не Іудеи противъ исполненія этого пророчества во времена Мессіи - Христа говорятъ, что съ явленіемъ христіанства вовсе не настало этого возвѣщеннаго пророкомъ мира, что съ тѣхъ поръ и доселѣ также, если не болѣе, ведутся войны на землѣ въ самомъ христіанскомъ мірѣ. Это возраженіе сильно затрудняло нѣкогда и затрудняетъ, можетъ быть, теперь толкователей. Но эти затрудненія происходили и происходятъ отъ того, что думали видѣть совершеннѣйшее, все-

цѣлое исполненіе пророчества этого или въ первыхъ временахъ христіанства, какъ толкователи первыхъ вѣковъ, или — только доселѣ. Многіе древніе толкователи, напримѣръ, относятъ это пророчество ко внѣшнему миру, какой былъ въ Римскомъ государствѣ около времени перваго появленія христіанства. Но это очень не счастливое предположеніе, потому что изображаемый миръ не есть дѣйствіе внѣшнихъ, постороннихъ причинъ, но слѣдствіе принятія народами истинной религіи. Ближе къ истинѣ толкованіе тѣхъ, которые думаютъ, что пророкъ изображаетъ не столько внѣшній фактъ,—имѣющее случиться и быть, сколько то, что по самому свойству и духу Евангелія и христіанства должно бы быть и бываетъ дѣйствительно, между истинно вѣрующими, такъ какъ основаніе, сущность христіанства есть любовь ко всѣмъ. Но и это объясненіе не совсѣмъ удовлетворительно, хотя и есть въ немъ правда. Дѣло въ томъ: постоянное, всѣ книги пророковъ проникающее ученіе - то, что послѣ побѣды царства Божія надъ всѣмъ противоположнымъ и враждебно относящимся къ нему, должно наступить блаженное состояніе, при чемъ миръ, который внутренно ощущали всѣ истинно вѣрующіе, долженъ проявиться и вовнѣ, въ цѣломъ человѣчествѣ, даже и въ неразумной природѣ, когда всякое нестроеніе, привзошедшее на землю вмѣстѣ съ грѣхомъ, должно прекратиться. Ср. напримѣръ 11, 6. 7.—Къ этому то и относится въ высшемъ своемъ смыслѣ и разсматриваемое пророчество. Исполнилось оно и доселѣ исполняется постоянно со времени явленія христіанства, потолику, поколику каждый истинный членъ царства Христова, въ силу любви ко всѣмъ до самоотверженія, носитъ въ себѣ зародышъ—сѣмя мира, обнаруживая его при всякомъ случаѣ; и христіанство воздѣйствовало и дѣйствуетъ на цѣлые народы, исторгая ихъ изъ состоянія прежней дикости. Но главное — Пророкъ созерцаетъ здѣсь все временное развитіе Мессіанскаго царства, и—какъ обычно это у пророковъ — начало и окончаніе его сопоставляетъ неразрывно въ одно цѣлое изображеніе. Такъ это и въ изображеніи обращенія всѣхъ языческихъ народовъ въ этой же самой пророческой рѣчи: представляется, что всѣ народы какъ бы вдругъ обращаются къ откровенной религіи, между тѣмъ какъ это дѣлается постепенно въ продолженіе длиннаго періода времени, и —окончательное исполненіе этого еще въ будущемъ. Такъ точно и относительно исполненія этого пророчества о всеобщемъ мирѣ; полное осуществленіе его еще въ будущемъ.

Наконецъ, надо обратить вниманіе и на то, что духовный взоръ Пророка обращенъ здѣсь видимо на одну лишь сторону картины; другая оставлена такъ. Это, какъ мы видѣли, также особенность пророческой рѣчи, происходящая отъ особенности способа сообщенія ему откровеній, неполнота и частичность. По ученію и пророковъ и Новаго Завѣта большая часть людей будетъ относиться враждебно къ истинѣ христіанства, которая будетъ прежде окончательнаго прославленія его истреблена дѣйствіемъ Божественнаго суда. Это и находится въ другихъ пророческихъ изображеніяхъ, гдѣ говорится о браняхъ и войнахъ, о судѣ и наказаніи противниковъ, а здѣсь одна свѣтлая сторона картины—всеобщій миръ и блаженство. Тоже должно сказать и о другой здѣсь указанной чертѣ—всеобщ ности распространенія откровенной религіи между всѣми народами. Исполненіе ея относится ко всему времени христіанства.

Рѣчь пророка оканчивается тѣмъ же, чѣмъ начата—изображеніемъ свѣтлаго будущаго. Судъ и наказаніе—описанные въ средней части рѣчи—суть средства очищенія народа, послѣ чего должно наступить счастливое время для избранныхъ и оставшихся.—Ст. 2. Въ тотъ же день... *байомъ гагу* поставлено, какъ и въ другихъ нѣкоторыхъ прор. рѣчахъ въ смыслѣ общаго неопредѣленнаго обозначенія времени, тогда, т. е. уже послѣ суда и наказанія, изображеннаго въ предшествующей части рѣчи (ср. 10, 20. Зах. 14, 6). Пророкъ созерцаетъ все въ одной общей картинѣ, и особенность въ пророческихъ рѣчахъ употребленія такихъ переходныхъ частицъ неопредѣленныхъ, проистекающая отсюда, понятна. Рѣчь въ этихъ случахъ идетъ не столько о точной послѣдовательности событій, сколько объ ихъ дѣйствительности. Далѣе опять рѣчь почти исключительно образная. Отрасль Іеговы будетъ красотою и славою, и—плодъ земли величіемъ и честію спасшихся сыновъ Израиля. Отрасль Іеговы—что такое, кто такъ называется? Разумѣютъ подъ этимъ названіемъ новое поколѣніе народа; смыслъ: послѣ суда и наказанія новое поколѣніе народа Іеговы будетъ прекрасно и славно; и плоды земли обильны для этого останка Израиля. Плоды земли понимаются здѣсь въ собственномъ смыслѣ. Но противъ этого объясненія говоритъ слѣдующее: а) такое значеніе выраженія отрасль Іеговы—*Цема Іеговахъ*, не имѣетъ за себя ни одного параллельнаго мѣста, и, слѣдовательно, словоупотребленіе не дозволяетъ понимать его такъ; б) вездѣ, гдѣ употребляется это выраженіе о лицахъ, не встрѣчается оно въ

смыслѣ обозначенія имъ собирательнаго понятія, но всегда— объ одной индивидуальной личности: в) это выраженіе одинаково съ выраженіемъ отрасль Давида *Цема Давидъ*; какъ послѣднимъ всегда указывается на одно лицо изъ царственнаго рода Давидова, такъ и этимъ должно указываться одно лицо, стоящее въ особенномъ отношеніи къ Іеговѣ, какъ Сынъ Божій, точно также какъ *Цема Давидъ* замѣняется иногда выраженіемъ *бенъ Давидъ*. Халдейскій Парафрастъ, потомъ всѣ церковные толкователи первохристіанства, имѣвшіе случай говорить объ этомъ, позднѣйшіе раввины, какъ, напримѣръ Кимхи и множество позднѣйшихъ христіанскихъ толкователей принимаютъ, что этимъ именемъ обозначается самъ Мессія, и это объясненіе имѣетъ все за себя. Изображеніе Мессіи подъ образомъ отрасли или вѣтви весьма обыкновенно у пророковъ, слѣдовательно за такое пониманіе говоритъ словоупотребленіе: у того же пророка въ этомъ смыслѣ встрѣчается это слово въ 11, 1. 53, 2. ср. Іерем. 23, 5. 33, 15. Зах. 3, 8. 6, 12. Что и Ново завѣтные писатели такъ понимали это выраженіе это видно изъ словоупотребленія, напримѣръ, въ Апокалипсисѣ, гдѣ Мессія называется—*ςιζα Δαβιό*—5, 5, что одинаково съ выраженіемъ *ςιζα Κοροο*. Такимъ образомъ, Отрасль Іеговы есть наименованіе Мессіи.—Плодъ или плоды земли образъ обилія духовныхъ даровъ. Смыслъ цѣлаго стиха будетъ такой: послѣ того, какъ народъ потерпитъ наказаніе и судъ какъ очищеніе, которымъ истребится худая часть народа, останется не большой останокъ спасшихся сыновъ Израиля, для котораго Отрасль Іеговы Мессія будетъ красотой и славой и дары Духа—величіемъ и честію, или что тоже—Мессія даруетъ славу, величіе и честь и блаженство этому останку Израиля.

Ст. 3... Сіонъ и Іерусалимъ, если мы почитаемъ Мессіанскимъ все изображеніе, очевидно—образы; какъ образы Теократіи эти названія означаютъ весь завѣтный народъ, который въ созерцаніи пророка не отдѣляется и не отдѣлимъ отъ главнаго мѣста Теократіи. Что это ограниченіе мѣстное не было въ мысли и намѣреніи пророка, это очевидно изъ слѣдующаго стиха, гдѣ вмѣстѣ съ Іерусалимомъ разумѣются другіе города, и понятіе завѣтнаго народа выражено слѣдовательно гораздо въ большомъ объемѣ. *Назовутся*, по idіотизму словоупотребленія Исаіи, значитъ—*будетъ*. *Праведный*— чистый непорочный предъ Богомъ. Это существенное отличіе Мессіанскаго царства отъ прежней Теократіи. Это не-

измѣнное ученіе пророковъ (ср. 11, 4.). Основаніе этой святости и этого освященія указано въ 53 гл. того же пророка: великій Рабъ и Сынъ Іеговы, который, по изображенію настоящей рѣчи, долженъ быть и будетъ красою и славою, своими искупительными страданіями изгладитъ грѣхи падшаго человѣчества и оправдаетъ предъ Богомъ. Іеремія и Іезекіиль возвѣщаютъ, что въ Мессіанскія времена, вмѣсто прежняго каменнаго сердца Богъ дастъ новое плотяное. Въ послѣднихъ словахъ разсматриваемаго стиха всѣ вписанные для жизни въ Іерусалимѣ будутъ святы — образъ заимствованный отъ обычая—записывать въ книгу имена жителей мѣста ср. Іезек. 13, 9. Такая книга записей образно приписывается въ другихъ мѣстахъ Писанія самому Богу или ангеламъ Его. Внести имя кого-либо въ эту книгу—значитъ опредѣлить его къ вѣчной жизни, какъ нравственно совершеннаго; истребить имя изъ книги или не вносить имя въ книгу —значитъ опредѣлить того къ вѣчной смерти, какъ нравственно не совершеннаго. Исх. 32, 32. ср. Пс. 68, 29. 138, 16. Слѣдовательно, вписанные для жизни въ Іерусалимѣ ближайшимъ образомъ тѣже, что оставшіеся и уцѣлѣвшіе, о которыхъ говорится въ предыдущемъ стихѣ, и смыслъ стиха такой: вѣрные Іеговѣ, которые уцѣлѣютъ отъ суда и наказанія, будутъ святы и составляютъ это святое сѣмя, о которомъ упоминается послѣ, а равно и въ другихъ книгахъ Ветхаго и Новаго завѣта.

Ст. 4. Это блаженное состояніе избранныхъ наступитъ тогда, когда Іегова омоетъ... *дщерей* Сіона и внутренность Іерусалима, т. е. Іерусалимъ и всѣ прочіе города. Образъ взятъ отъ Восточнаго обыкновенія называть главный городъ земли матерью, и прочіе—сынами или дочерьми. *Обмоетъ*—образъ духовнаго очищенія, взятый отъ обычнаго на Востокѣ тѣлеснаго омовенія. Это очищеніе или омовеніе совершится духомъ суда и жженія, судящей волею Бога, очищающей подобно огню: образъ взятъ отъ очищенія металла огнемъ: какъ огонь отдѣляетъ изгарь отъ металла, такъ духъ суда—бѣдствія и наказанія отдѣлятъ совершенныхъ нравственно отъ несовершенныхъ; образъ очень употребительный. Іезек. 22, 20. Мал. 3, 2. 3. Мѳ. 3, 11.—Смыслъ: это прославленіе оставшихся вѣрныхъ совершится тогда, когда Богъ судомъ Своимъ въ видѣ грозныхъ историческихъ событій отдѣлитъ совершенныхъ и приметъ въ Свое царство первыхъ.

Ст. 5. *И будетъ...* образъ взятъ изъ событій во время путешествія Евреевъ изъ Египта въ Палестину по пустынѣ. Въ продолженіе этого путешествія Израильтяне руководимы и охраняемы были видимымъ знакомъ Божественнаго присутствія среди народа, шехина, какъ называлъ это самъ народъ: ночью—столпъ огненный, блестящій, днемъ облако. Это явленіе было а) основывающійся на потребности младенчествующаго чувственнаго народа знакъ Божественнаго присутствія, который послѣ видимъ былъ надъ кивотомъ завѣта. Это было мѣсто особеннаго присутствія Іеговы, отъ котораго исходили Его повелѣнія и отвѣты вопрошавшимъ; б) это явленіе было руководительнымъ для Израильтянъ и вмѣстѣ было покровомъ и защитою. Оно указывало путь, которымъ Израильтяне должны были идти при переходѣ чрезъ малоизвѣстную пустыню. При переходѣ чрезъ рукавъ моря, оно служило оградою для Евреевъ отъ враговъ, ставъ между двумя лагерями, такъ что одному не видно было другаго. Днемъ оно служило защитою отъ страшныхъ на Востокѣ жаровъ солнечныхъ. Подобное явленіе, конечно, въ области духа, должно быть по явленіи Мессіанскаго царства для участниковъ этого царства—избранныхъ. Образъ, очевидно, содержитъ въ себѣ два дѣйствія: Божественное присутствіе среди избранныхъ и защиту ихъ.—Относя исполненіе ихъ ко временамъ Мессіи, мы находимъ, что въ немъ видимо между людьми обиталъ Богъ: *Слово плоть бысть и вселися въ ны,* обитало между нами, и *видѣхомъ славу Его*, и по Его прославленіи Духъ Его обитаетъ въ обществѣ и охраняетъ его отъ опасности и враждебной силы, такъ что и врата адова не одолѣютъ церковь Его. Послѣднія слова: *ибо покровъ надъ всякою славою*—опять образъ, заимствованный изъ обычая покрывать всякую драгоцѣнную вещь, чтобы къ ней не прикасалось ничто, могущее повредить ее. Этотъ покровъ есть внѣшность историческихъ явленій, сквозь которую нужно прозрѣвать самое сокровище, т. е. духъ и силу или смыслъ событія, безъ котораго событіе не имѣетъ для насъ значенія, какъ непонимаемое.

Ст. 6... Образъ послѣдняго стихотворенія прозраченъ: Богъ бережетъ свое избранное общество отъ опасности. Все враждебное можетъ ему столько же вредить, какъ зной, непогоды и дожди человѣку въ палаткѣ. То, что оберегаетъ—общество отъ опасностей, есть присутствіе среди его Бога, какъ видно это изъ связи съ предшествующими стихами. Не-

чего говорить, что все это надобно видѣть въ историческихъ фактахъ, а не останавливаться на простомъ образѣ, и ждать буквально исполненія его: буква убиваетъ, духъ животворитъ. Пользуемся этимъ пророчествомъ, какъ случаемъ напомянуть еще, что на частныя Мессіанскія пророчества нужно смотрѣть, какъ на отрывки или части одной общей великой картины, которые восполняются одинъ другимъ,—какъ и въ разсмотрѣнной рѣчи: рѣчь о свойствахъ царства Мессіи восполняется рѣчью о Его лицѣ и отношеніи Его къ обществу Его избранныхъ, искупленныхъ.

Пророческая рѣчь, содержащаяся въ 5-й главѣ, по изображенію религіозно нравственной жизни народа, совершенно сходна съ предшествующей рѣчью, гдѣ изображается тоже состояніе народа. Поэтому почти единогласно полагаютъ толкователи, что она относится по своему происхожденію и приложенію къ тому же времени, какъ и предшествующая, т. е. ко времени Іоаѳама, или, по крайней мѣрѣ, къ первымъ годамъ Ахазова правленія. Еврейскій народъ представляется подъ образомъ виноградника, который обработывалъ Вертоградарь Богъ, далъ ему всѣ условія и средства для произращенія добрыхъ плодовъ и—ждалъ отъ него этихъ добрыхъ плодовъ, но когда приспѣло время плодовъ—оказалось терніе: 5, 1—2. 7. Что же оставалось дѣлать съ виноградникомъ, обращается Богъ ко внутреннему сознанію самаго народа? бросить его, отнять всѣ условія для произращенія добрыхъ плодовъ, пусть онъ гибнетъ: 3—6. Затѣмъ, оставивъ метафорическую рѣчь, пророкъ прямо возвѣщаетъ бѣду, судъ и наказаніе—разумѣется, опять въ формѣ грозныхъ для Іудеевъ историческихъ событій страны, горе а) притѣснителямъ бѣдныхъ, 8—10; б) безпечно веселымъ, вѣчно пиршествующимъ и невнимающимъ тѣмъ событіямъ, какія совершаются вокругъ, въ которыхъ видна рука Божія (11—12); за то и будетъ опустошена земля, 13—17; в.) бѣда дерзкимъ, не вѣрующимъ въ непреложность грознаго Божественнаго слова, 18—19; г) горе извратившимъ законы совѣсти своей, 21—22. За то всѣмъ будетъ бѣда, особенно отъ нашествія сильныхъ народовъ языческихъ (особенно Ассиріанъ) 14—30.

Въ 6-й главѣ описывается призваніе пророка къ пророческому служенію—въ видѣніи. Основная мысль выражена въ словахъ Бога къ пророку при опредѣленіи задачи его пророческаго служенія въ народѣ Еврейскомъ: возвѣщеніе грозныхъ су-

довъ Божіихъ народу за его ослѣпленіе,—счастія и блаженства для останка 9—13. Образы собственно видѣнія взяты отъ присутствія Божія во святомъ святыхъ, въ Іерусалимскомъ храмѣ, и не требуютъ подробнаго объясненія. Не надо только опускать изъ виду, что это видѣніе—въ духѣ.

Историческое повѣствованіе въ 7-й главѣ и двѣ непосредственно затѣмъ слѣдующія рѣчи (по 12-ю гл.) составляютъ, сказали мы, самое средоточіе всей этой группы пророческихъ рѣчей 1-й части книги пророка. Припомнимъ положеніе дѣлъ: соединенныя войска царей Сирскаго и Израильскаго идутъ на Іудею, чтобы покорить ее и перемѣнить въ ней царствующую династію Давидову. Ахазъ, не надѣясь на помощь свыше, посылаетъ подарки къ могущественному царю Ассирійскому и проситъ его покровительства Ассирійскій царь военнымъ походомъ на столицу Сирскаго царства Дамаскъ заставляетъ союзныя войска выступить изъ опустошаемой ими Іудеи, но самъ, по какому-то, необъяснимому ни въ историческихъ книгахъ, ни у пророка, поводу, нападаетъ на Іудею и производитъ въ ней опустошеніе, не смотря на крайнее униженіе предъ нимъ Ахаза, отправившагося къ нему въ Дамаскъ на поклонъ съ дарами, святотатственно взятыми имъ изъ храма. Вотъ событія, при которыхъ произнесены разсматриваемыя рѣчи.

Въ 7-й главѣ кратко описываются сначала обстоятельства похода союзныхъ войскъ на Іерусалимъ и дѣйствія по сему случаю пророка Исаіи (1—16). Затѣмъ пророкъ предрекаетъ, что за невѣріе царя и народа будетъ для земли Іудейской великая бѣда именно отъ того царя Ассирійскаго, покровительство котораго думалъ купить Ахазъ подарками и путешествіемъ на поклонъ; да и не отъ одного только царя Ассирійскаго будетъ бѣда землѣ Іудейской, но и отъ другихъ сосѣднихъ народовъ (17—25), особенно же отъ Египтянъ. Въ удостовѣреніе истинности своего предсказанія о разореніи Дамаска и Самаріи, т. е. царствъ Сирскаго и Израильскаго, покусившихся на разореніе Іудеи и перемѣну царствующей въ ней династіи, пророкъ получаетъ отъ Бога два повелѣнія: 1) на большомъ свиткѣ начертать слова—*магер-шелал-хаш-базъ*, и засвидѣтельствовать то чрезъ двухъ вѣрныхъ свидѣтелей (4 цар. 16, 10. 2 Пар. 29, 13); 2) наименовать тѣмъ же символическимъ именемъ новорожденнаго сына пророка Исаіи, во свидѣтельство того, что прежде чѣмъ это дитя будетъ умѣть называть отца и мать, послѣдуетъ

разореніе помянутыхъ царствъ (8, 1—4). Это исполнилось отчасти въ дѣйствіяхъ царя Ассирійскаго противъ союзныхъ царей, которыхъ онъ разореніемъ Дамаска принудилъ прекратить разореніе Іудеи (4 Цар. 16, 9), отчасти во вскорѣ послѣдовавшемъ разореніи Ассиріанами всего царства Израильскаго, когда положенъ былъ и конецъ ему (въ началѣ царствованія Езекіи).

Непосредственно за тѣмъ слѣдующая рѣчь (8, 5—10, 4) произнесена тогда же и по тому же поводу (ст. 6), какъ и рѣчь въ 7-й главѣ. Пророкъ „продолжаетъ" возвѣщать и изображать наступленіе грядущихъ бѣдствій отъ Ассура, который, сокрушивъ теперешнихъ враговъ царства Іудейскаго, обрушится на Іудею самую (5 - 8). Но взоръ пророка снова обращается здѣсь на другую сторону картины, и угроза грядущими бѣдствіями снова смягчается здѣсь утѣшительнымъ обѣтованіемъ о томъ же Еммануилѣ: Іудея не должна и не можетъ погибнуть, снова удостовѣряетъ пророкъ, ибо она — земля Еммануила, и потому тщетны покушенія всѣхъ враждебныхъ народовъ на разрушеніе ея (ст. 9—10). Но для того, чтобы такое утѣшительное обѣтованіе о Еммануилѣ, какъ Спасителѣ Іудеи, не произвело въ комъ-либо чувства безпечной самоувѣренности, пророкъ прерываетъ свое утѣшительное благовѣстіе о спасеніи и Спасителѣ и излагаетъ условія, съ которыми соединено самое полученіе спасенія и вмѣстѣ съ симъ угрозы для тѣхъ, кто не исполнитъ таковыхъ условій. Для этой цѣли пророкъ сперва излагаетъ свою таинственную бесѣду съ Богомъ, Который научилъ его, что не должно страшиться земныхъ враговъ и человѣческаго могущества, какъ поступаетъ невѣрующая часть народа (11—12), но должно свято чтить Господа, ибо Онъ—страхъ и трепетъ для людей въ грозной правотѣ своей (13); какъ для доброй и чистой части народа Онъ будетъ Спасителемъ вѣрнымъ, такъ для худыхъ невѣрующихъ въ обоихъ домахъ Израилевыхъ Онъ будетъ петлею и сѣтію, т. е. строгимъ судіею мстителемъ (14—15). Затѣмъ пророкъ самъ лично обращается къ народу: выражая свою твердую вѣру въ Бога, Который не погубитъ совсѣмъ народъ Свой, наказываемый бѣдствіями, и указывая на знаменательныя имена свои и дѣтей своихъ (Исаія—спасеніе Іеговы; Шеар-яшувъ—остатокъ обратится. Мегар-шелал-шах-базъ—спѣшитъ грабежъ, ускоряетъ добыча), пророкъ увѣщеваетъ добрую часть народа не поступать подобно тѣмъ, которые обращаются къ волшебникамъ и гадате-

лямъ для узнанія будущаго, но прибѣгать къ одному только Богу, твердо держась закона и откровенія (17—20). Наконецъ, онъ возвѣщаетъ, что въ противномъ случаѣ не избѣжно для нихъ наступленіе тяжкихъ несчастій: наступитъ время, когда они въ отчаяніи будутъ хулить царя и Бога своего,—время страха и тьмы (20—22). Этимъ кончается часть рѣчи о необходимыхъ условіяхъ полученія спасенія и неизбѣжныхъ слѣдствіяхъ неисполненія ихъ, и прерванное пророчество о грядущемъ спасеніи начинается снова. За картиною бѣдствій является свѣтлая картина временъ благодатныхъ и пророкъ снова обращаетъ взоръ свой къ видѣнію Отрочати—Еммануила. Въ предшествующемъ своемъ видѣніи онъ созерцалъ Дѣву—матерь Еммануила; здѣсь изображаетъ самаго Еммануила, какъ Отроча уже родившееся; тамъ онъ видитъ чудное рожденіе Его отъ Дѣвы; здѣсь самыя свойства Его существа, великія божественныя, тамъ Еммануилъ является ему, какъ знаменіе спасенія отъ враговъ Іудеи, здѣсь—какъ вѣчный царь безпредѣльнаго царства мира. Именно: пророкъ возвѣщаетъ, что не всегда будетъ мракъ надъ этою землею, поражаемою теперь бѣдствіями, и нѣкогда наступитъ для самой уничиженной страны Израиля, именно для области Галилейской, время необыкновеннаго прославленія; народъ, живущій въ этой землѣ мрака смертнаго, увидитъ свѣтъ великій; этотъ просвѣщенный народъ будетъ веселиться, какъ веселятся во время жатвы, какъ радуются при дѣлежѣ добычи (9, 1—3); причина этой радости и веселія есть освобожденіе отъ ига и бѣдствій, дотолѣ тяготѣвшихъ надъ народомъ, истребленіе враговъ, дотолѣ угнетавшихъ его (ст. 4); миръ и довольство будутъ царствовать тамъ, гдѣ были бѣдствія и скорби (5). Виновникъ этихъ благъ и предметъ радости народа есть чудное, великое Отроча, которое нѣкогда родится въ домѣ Давидовѣ, Отроча, которое называется многознаменательными именами—(ст. 6), и будетъ великимъ царемъ въ славномъ царствѣ своемъ (ст. 7). „Это вѣрно, увѣряетъ пророкъ, ибо ревность Господа Саваоѳа содѣлаетъ это“. Евангелистъ Матѳей (4, 13—14) относитъ начало этой пророческой рѣчи, а слѣдовательно, и дальнѣйшее изображеніе, ко Христу, а за нимъ—и вся христіанская Церковь. И дѣйствительно, черты изображенія ни къ кому иному приложимы быть не могутъ.

Въ удостовѣреніе истинности пророчества о разореніи Дамаска и Самаріи, т. е., царствъ Сирійскаго и Израильскаго,

покусившихся на разореніе Іудеи, пророкъ получаетъ отъ Бога два повелѣнія: а) на *большомъ свиткѣ* написать простонародными письменными знаками: *магеръ-шелалъ-хаш-базъ* т. е. „спѣшатъ на добычу, бѣгутъ на разграбленіе“, это значитъ, что время разоренія Дамаска и Самаріи близко. Чтобы удостовѣрить современниковъ въ истинности этого пророчества и чтобы отстранить всякое подозрѣніе въ позднѣйшемъ происхожденіи его, уже послѣ событія, — пророкъ, по тому же повелѣнію Божію, призываетъ во свидѣтели священника Урію и левита Захарію (4 Цар. 16, 10. 2. Пар. 29, 13); б) второе повелѣніе—наименовать символическимъ именемъ новорожденнаго сына Исаіи: потому что прежде, чѣмъ это дитя будетъ умѣть называть отца или мать, послѣдуетъ раззореніе помянутыхъ царствъ. Это, какъ мы видѣли, исполнилось въ разореніи Дамаска и Самаріи Ѳелгафелассаромъ при Ахазѣ же.—Послѣ того, пророкъ снова повторяетъ высказанную въ предшествующей главѣ угрозу, что не только Самарія, но и Іуда, за свое невѣріе подвергнутся нашествію Ассиріанъ; враги опустошатъ всю землю; но Еммануилъ, о которомъ идетъ рѣчь во всей этой рѣчи пророческой, не попуститъ окончательно погибнуть народу Своему отъ этихъ нашествій, сколько бы ни было злоумышленій на народъ Божій (5—10). Очевидно, что въ пророческомъ восторгѣ пророкъ, по извѣстной намъ уже особенности пророческаго созерцанія, соединяетъ освобожденіе народа отъ внѣшнихъ бѣдъ съ духовнымъ освобожденіемъ теократическаго народа, т. е., своего царства отъ духовныхъ золъ. Это еще яснѣе видно изъ продолженія рѣчи пророка. Въ восторгѣ видитъ онъ Бога, открывающаго Свои тайны объ отношеніи освобождаемыхъ къ своему освободителю. Въ удостовѣреніе истинности сего откровенія пророкъ опять получаетъ повелѣніе запечатлѣть свитокъ, на которомъ оно записано, при свидѣтеляхъ (16). Съ своей стороны, пророкъ выражаетъ полную надежду на Іегову и на спасеніе Имъ народа Своего отъ предрекаемыхъ бѣдствій, во увѣреніе чего ссылается на символическое значеніе своего имени и имени своихъ дѣтей (17—18). Только нужно при этомъ возлагать надежду на Бога, обращаться къ Нему и Его слову, а не къ другимъ средствамъ—узнавать сокровенное. Въ противномъ случаѣ, народъ будетъ несчастливъ, и несчастіе его будетъ велико (19—22). Впрочемъ, замѣчаетъ пророкъ, не всегда будетъ мракъ „тамъ, гдѣ нынѣ скорбь“, и вслѣдъ за этимъ рисуетъ картину счастли-

ваго будущаго подъ владычествомъ имѣющаго родиться Отрока—Царя, имѣющаго царствовать вѣчно.

Ст. 1. Прежде всего замѣтимъ, что приморскими землями, берегами Іордана, Галилеею языческою (о которыхъ говорится во второмъ полустишіи) называются земля Завулонова и земля Неѳалимова (перваго полустишія). Колѣно Завулоново прилегало къ Геннисаретскому морю съ запада, Неѳалимово—съ сѣвера, значитъ,—земли приморскія, оба колѣна граничились Іорданомъ, оттого называются землями у Іордана. Въ чемъ же состояло безславіе и уничиженіе этихъ колѣнъ сравнительно съ другими, о которомъ говоритъ пророкъ? Кажется, что пророкъ имѣетъ въ виду, съ одной стороны, внѣшнее униженіе, съ другой—нравственное безславіе обитателей этихъ странъ. Колѣно Завулоново и Неѳалимово были колѣнами пограничными съ языческими царствами и потому почти всегда первые подвержены были нападеніямъ враговъ—язычниковъ съ сѣвера и востока. Такъ, при Асѣ они первыя подвергались жестокому нападенію со стороны Венадада Сирійскаго (3 Цар. 15, 20). Во времена Исаіи они въ особенности пострадали отъ Ѳелгафелассара.—Хотя этого послѣдняго и не случалось еще въ то время, когда произнесена была эта рѣчь; но въ предшествующихъ рѣчахъ пророкъ уже предрекъ его, какъ непремѣнно имѣющее придти въ исполненіе, и—пророчество, какъ мы видѣли, дѣйствительно исполнилось; слѣдовательно, пророкъ, говоря о будущемъ избавленіи этихъ колѣнъ, имѣющемъ послѣдовать послѣ нашествія Ѳелгафелассара, могъ уже говорить объ этомъ послѣднемъ, какъ уже о случившемся.—Далѣе, Галилеяне, т. е., помянутыя колѣна жили не только въ сосѣдствѣ съ язычниками, но между ними даже всегда было множество язычниковъ, со времени завоеванія Палестины (Суд. 1, 30—35). Соломонъ подарилъ Хираму, царю Тирскому, 20 Галилейскихъ городовъ (3 Цар. 9, 11), а Финикіяне, съ которыми жители этихъ городовъ должны были по этому случаю смѣшаться, были язычники по преимуществу въ это время изъ народовъ окрестныхъ.—Послѣ переселенія десяти колѣнъ, въ землю ихъ переселено было много язычниковъ,—о чемъ пророкъ могъ уже говорить по высказанной причинѣ. Что въ этомъ особенно видитъ пророкъ безславіе и униженіе колѣнъ Завулонова и Неѳалимова, можно заключить изъ самаго названія—Галилея языческая. Ко всему этому присоединялась еще дальность отъ Іерусалима, въ которомъ все-таки сосредото-

чивалась религіозная жизнь народа.—Отъ всѣхъ этихъ причинъ зависѣло это униженіе народа Галилейскаго,—это презрѣніе, которому подвергался онъ даже отъ самыхъ Іудеевъ около временъ Христовыхъ.—Въ чемъ состоитъ прославленіе этихъ колѣнъ въ будущемъ, о которомъ говоритъ пророкъ? Отвѣтъ на это находимъ мы у Евангелиста Матѳея. Приводя пророчество, содержащееся въ этомъ и послѣдующемъ стихѣ, онъ говоритъ, что это пророчество исполнилось, когда Христосъ-Мессія избралъ мѣстомъ Своего пребыванія Капернаумъ Галилейскій, на границахъ колѣнъ Завулонова и Нефѳалимова. Извѣстно, что Спаситель проводилъ большую часть времени Своей общественной дѣятельности въ Галилеѣ, а Капернаумъ былъ мѣстомъ Его жительства; изъ Галилеи происходили и въ Галилеѣ были избраны весьма многіе изъ Его учениковъ; въ Галилеѣ совершилъ Онъ большую часть чудесъ; въ Галилеѣ болѣе распространялъ Онъ ученіе Свое, и тамъ оно болѣе нашло себѣ послѣдователей. Въ прежнее, до появленія Христа, время нельзя искать предсказываемаго пророкомъ прославленія и возвеличенія Галилеи, потому что она не наслаждалась никакимъ особеннымъ счастьемъ и ничѣмъ не прославилась и не прославлялась. Это пророчество подобно Михееву (5, 1). Какъ по этому послѣднему, ничѣмъ не прославившійся, бѣдный, забытый Виѳлеемъ возвеличится и прославится рожденіемъ въ немъ Мессіи, такъ по разсматриваемому пророчеству Исаіи, безславная Галилея, о которой Іудеи говорили, что отъ нея добраго ничего нельзя ждать, что изъ нея ни пророкъ, ни Христосъ не можетъ произойти, эта Галилея прославится явленіемъ въ ней Мессіи съ Своею проповѣдію. Приведенное мѣсто Евангелиста Матѳея проливаетъ ясный свѣтъ на все это пророчество, такъ что Мессіанское значеніе его не можетъ быть подвергнуто ни малѣйшему сомнѣнію, и—пророчество и исполненіе его становится ясными для всякаго.

Ст. 2. Эта земля Галилейская представляется пророку во внутреннемъ созерцаніи покрытою тьмою, которая вдругъ осіявается яснымъ свѣтомъ. Свѣтъ и тьма у восточныхъ народовъ были двузначущимъ образомъ,—образомъ физическаго добра и зла, счастія и несчастія, и образомъ нравственнаго, духовнаго добра и зла, правды и истины, грѣха и заблужденія. Въ этихъ значеніяхъ употребляются эти образы и въ Ветхо-завѣтныхъ книгахъ (Іов. 18, 18. Ис. 42, 6).—Распространеніе истинной религіи Мессіею между язычески-

ми народами представляется въ св. книгахъ подъ образомъ просвѣщенія этихъ послѣднихъ свѣтомъ, или подъ образомъ вступленія ихъ изъ тьмы въ свѣтъ. Спрашивается, какое значеніе этого образа здѣсь? Если въ предшествующемъ стихѣ— униженіе Галилеи приняли мы въ двоякомъ смыслѣ, и внѣшнемъ и внутреннемъ: то и здѣсь образъ должны принять такъ, же въ двоякомъ значеніи, и внѣшняго и внутренняго возвеличенія и просвѣщенія. И внѣшне и духовно бѣдный народъ явленіемъ Мессіи освободится отъ униженія и просвѣтится.

Ст. 3. Продолжая изображать возвеличеніе и просвѣщеніе народа Божія Мессіею, начавшееся съ бѣдныхъ колѣнъ Завулонова и Нефѳалимова, пророкъ говоритъ: *ты умножишь народъ*.. Подъ образомъ умноженія народа, соотвѣтственно другимъ мѣстамъ подобнымъ, надобно разумѣть распространеніе царствъ Мессіи принятіемъ въ него язычниковъ. *Будутъ веселиться*... Это образъ величайшей радости: собираніе жатвы въ Палестинѣ, особенно, когда урожай былъ, сопровождалось ликованіями и пѣснями, большею частію, священными, благодарственными: ибо урожай былъ знакомъ особенной милости Божіей; это было время великой радости и веселія; точно тоже было у воинственныхъ народовъ востока, когда они дѣлили взятую добычу.

Ст. 4. Причина такой радости —та, что будетъ снятъ яремъ, тяготившій народъ, какъ въ день Мадіама. Воспоминается побѣда надъ Мадіамлянами во времена Гедеона—безъ оружія, не человѣческою силою: Іегова избавилъ народъ Свой— нечеловѣческою силою. Это избавленіе представлено подъ образомъ избавленія отъ внѣшнихъ враговъ, каковыми были тогда Ассиріяне, послѣ Вавилоняне. Но не объ этомъ внѣшнемъ избавленіи говоритъ пророкъ, такъ какъ освободитель изображается далѣе княземъ мира, котораго царство есть царство мира, который избавляетъ не человѣческой силой, слѣдовательно, разумѣется духовное избавленіе церкви отъ духовнаго ига, котораго образомъ служитъ внѣшнее избавленіе народа Божія отъ враговъ. Эта мысль объ избавленіи раскрывается далѣе (ст. 5) подъ особымъ образомъ. Этотъ образъ заимствованъ, кажется, отъ обыкновенія восточныхъ народовъ—послѣ войны сожигать одежду, на которой остались слѣды войны. Мысль образа та, что во времена Мессіи будетъ миръ; царство Его будетъ царствомъ мира. Это свойство царства Мессіи мы раскрывали при обозрѣніи 2-й главы. Послѣ этого изображается самое лицо Спасителя народа, и

изображается въ такихъ чертахъ, которыя не приложимы ни къ кому, кромѣ Мессіи (ст. 6. и 7).

Отъ этой свѣтлой картины будущаго взоръ пророческій снова падаетъ на картину настоящаго печальнаго состоянія еврейскаго общества. и пророкъ грозитъ ему бѣдами: за гордость и надменіе, происходящія отъ непониманія истиннаго смысла совершающихся передъ его глазами событій,—бѣда совнѣ (8—12); за оставленіе закона и непокорность Іеговѣ—бѣда внутренняя—всеобщее ослѣпленіе (13—17); за нравственный развратъ вообще,—бѣды извнѣ и извнутри—междоусобіе (18—21); за несправедливость во взаимныхъ отношеніяхъ, особенно въ отношеніяхъ къ бѣднымъ, – безпомощность народа (10, 1 - 4).

Взоръ пророка видитъ и далѣе—бѣда грозитъ Іудѣ отъ Ассура главнымъ образомъ, и это въ точности исполнилось лѣтъ черезъ 20, при Езекіи отъ Сеннахирима. Но что дальше? Ассуръ, по прозрѣнію пророка, не понялъ собственнаго положенія. Онъ не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ Іеговы для временнаго наказанія Іуды и окрестныхъ народовъ, а Ассуръ загордился и самонадѣянно мечтаетъ, что онъ чрезвычайно силенъ и можетъ по своей волѣ дѣлать все, что ему захочется (5—11); между тѣмъ, какъ такія самоувѣренность и тщеславіе такъ же безсмысленны, какъ если бы пила или сѣкира стали величаться предъ тѣмъ, кто дѣйствуетъ ими (12—15). И не знаетъ гордый Ассуръ, что ему предстоитъ ужасное бѣдствіе и именно отъ Іудеи, отъ этого маленькаго царства, что это маленькое царство будетъ скоро причиною гибели этой монархіи—великана (16—27). Съ поразительною ясностію начертавъ путь военныхъ движеній Ассиріанъ (28—32), пророкъ заключаетъ, что Господь сокрушитъ высокое могущество Ассиріанъ, а домъ Давидовъ, какъ бы ни былъ униженъ, не погибнетъ, а напротивъ, нѣкогда произойдетъ изъ него великій и славный Царь (33—11, 1 и д.). Вскорѣ послѣ гибели войска Сеннахирима подъ стѣнами Іерусалима, этотъ грозный воитель былъ убитъ своими дѣтьми, а затѣмъ, недолго послѣ, Ассирійская монархія пала подъ ударами возмутившейся провинціи своей Вавилоніи и сама сдѣлалась провинціей вавилонской монархіи.

Эта гибель Ассирійскаго осаднаго войска подъ стѣнами Іерусалима, а затѣмъ гибель самой ассирійской монархіи представляется пророку, какъ образъ побѣды вообще истинной религіи надъ ложью язычества, и вотъ пророкъ на даль-

немъ фонѣ картины созерцаетъ еще болѣе великую побѣду истины надъ ложью и изображаетъ Виновника этой будущей побѣды подъ тѣмъ же образомъ, подъ которымъ изобразилъ паденіе этой могучей съ виду языческой лжи (10, 33—41, 1 и дал.). Пророкъ созерцаетъ необыкновеннаго Потомка дома Іессеева подъ образомъ отрасли, возникающей изъ сухаго, посѣченнаго корня и расцвѣтающей вѣтви (11, 1); на немъ почіетъ Духъ Іеговы, исполняющій Его особенно высокими дарами благодати (ст. 2). Исполненный этими дарами, царственный Потомокъ Іессея будетъ судить людей не по наружнымъ ихъ качествамъ, но по правдѣ; будетъ судить смиренныхъ и съ кротостію разбирать дѣла бѣдныхъ земли (3 и 4 а.). Въ отношеніи ко врагамъ своего царства Онъ будетъ такъ могуществен, что одно слово, одно дыханіе устъ Его будетъ поражать землю и умерщвлять нечестивыхъ (4 б.); правда служитъ препоясаніемъ чреслъ Его и поясомъ, которымъ обвиты ребра Его (ст. 5). Состояніе царства подъ управленіемъ этого царя, обильно исполненнаго Духомъ Іеговы, правосуднаго и необъятно могущественнаго, пророкъ созерцаетъ подъ слѣдующими образами: въ царствѣ неразумныхъ животныхъ прекратится всякая вражда и водворится миръ; хищные и кровожадные звѣри не только прекратятъ свои враждебныя отношенія другъ къ другу, но даже перемѣнятъ свои природныя свойства: левъ будетъ питаться сѣномъ, ядовитые аспидъ и василискъ будутъ безвредны даже для малаго дитяти (6—8). Во всемъ царствѣ великаго Потомка Іессея не будетъ ни зла, ни погибели, потому что въ немъ разольется познаніе Іеговы такъ же обильно, какъ вода въ морѣ (ст. 9). Этотъ великій царь представляется воздвигнутымъ въ знаменіе для народовъ, и язычники съ довѣріемъ и надеждою будутъ стекаться подъ Его знамя, и такимъ образомъ мѣстопребываніе Его прославится (10). Во дни Его Іегова прострет руку свою для собранія изъ различныхъ странъ земли разсѣянныхъ сыновъ Израиля, подниметъ знамя для народовъ и созоветъ скитальцевъ Іуды отъ четырехъ вѣтровъ земли (11—12). Тогда между племенами Іуды и Ефрема прекратится всякая взаимная зависть и вражда (13), соединенные духомъ согласія и мира, они полетятъ на побѣду враждебныхъ народовъ—Едома, Моава, Аммона (ст. 14). Іегова чудеснымъ образомъ будетъ содѣйствовать возвращенію ихъ изъ разсѣянія и облегчитъ путь ихъ возвращенія (15—16). Все это изо-

браженіе такого рода, что ни къ кому и ни къ чему не можетъ быть приложено, кромѣ христіанства и его Основателя.

Заключеніе этой рѣчи, а вмѣстѣ и всего этого круга рѣчей составляетъ побѣдная пѣснь побѣдителей своему Началовождю (гл. 12).

Пророчества Исаіи объ иноземныхъ народахъ (гл. 13—24).

а) *О Вавилонянахъ.*

Приступая къ разбору пророчествъ объ иноземныхъ народахъ, въ особенности о Вавилонянахъ, мы хотимъ напомнить въ краткомъ очеркѣ тогдашнее положеніе этихъ народовъ и ихъ послѣдующую судьбу, какъ изображаетъ ихъ гражданская исторія.

Незадолго до призванія къ пророческому служенію Исаіи (по лѣтосчисленію Бунзена, за годъ), въ обширнѣйшемъ и сильномъ тогда царствѣ Ассирійскомъ, котораго столицею была Ниневія—на правомъ берегу Тигра, произошла очень важная, по своимъ послѣдствіямъ, перемѣна. Фуломъ, который покорилъ царство Израильское, обложилъ его данью и вывезъ огромныя богатства, кончилась династія такъ называемыхъ Ниніадовъ, и на престолъ сѣлъ могучій царь другой династіи, великій въ исторіи Востока Саргонъ или Саргана. Важнымъ слѣдствіемъ этой перемѣны было то, что Вавилонская провинція, не имѣвшая доселѣ никакихъ особенныхъ правъ, сравнительно съ другими провинціями Ассирійской монархіи, стала вицекоролевствомъ, съ своимъ особеннымъ царемъ, который хотя и былъ подвластенъ царю Ассирійскому, но во многомъ былъ и самостоятеленъ. Первымъ вицекоролемъ въ этой провинціи былъ Набонассаръ, смѣлый и энергическій Халдей. Видно, что Халдеи, составлявшіе зерно Вавилонской провинціи, сильно стремились къ независимости: не даромъ же могучій царь Ассирійскій далъ имъ своего царя. Въ слѣдующемъ же году Вавилонъ усиленъ былъ новымъ переселеніемъ въ него Халдеевъ изъ сѣверныхъ странъ Ассиріи. Позднѣйшій историкъ, стоя во свѣтѣ фактовъ совершившихся и переносясь мыслью въ тѣ времена, видитъ, что энергическій Вавилонъ со временемъ будетъ страшенъ не только для Ассиріи, особенно если цари тамъ будутъ слабы, но и для всего Востока. При могучемъ Саргонѣ Ассирійскомъ, Вавилону трудно было сдѣлать что-нибудь для своей самостоятельности; это былъ

страшный царь, покорившій чрезъ своихъ полководцевъ Өелгафелассара и Салманассара всю переднюю Азію, кромѣ Іудеи (при Ахазѣ и Езекіи). Но какъ скоро Саргонъ умеръ, Вавилонъ попыталъ отложиться и объявилъ себя независимымъ. Но было еще рано. Сеннахиримъ, преемникъ Саргона на Ассирійскомъ престолѣ, былъ силенъ не менѣе самого Саргона. Тотчасъ же по вступленіи на престолъ отправился онъ съ войскомъ противъ возмутившагося вицекороля своего въ Вавилонѣ, Меродаха-Валадана II-го и привелъ его въ прежнія отношенія зависимости; но, какъ видно, не могъ сдѣлать ничего болѣе: въ Вавилонѣ остались пока вицекороли Ассирійскіе, но не изъ Ассирійской династіи. Между тѣмъ, при Саргонѣ еще, пыталась было отложиться другая провинція Ассиріи, Мидійская, населенная Мидянами и отчасти Персами; но при Саргонѣ подобныя попытки не могли кончиться благополучно, и Мидія снова приведена была въ прежнее положеніе. Дейонъ, новоизбранный царь Мидянъ, оставался въ такихъ же отношеніяхъ къ Ассирійскому монарху, какъ и правитель Вавилонской провинціи. Таково было положеніе дѣлъ въ Ассирійской монархіи въ то время, когда въ Іудеѣ царствовали Ахазъ, Езекія и частію Маналія, и когда проходилъ свое пророческое служеніе Исаія. Огромное Ассирійское царство было не надежно; Вавилоняне и Мидяне добьются своего, и, можетъ быть, на развалинахъ Ассирійскаго царства будутъ бороться между собою изъ-за первенства и власти и оснуютъ новыя царства. Сеннахиримъ усмирилъ возстаніе и въ Мидіи и въ Вавилоніи и въ послѣдней сдѣлалъ вицекоролемъ сына своего Ассагардона; но по смертм его, снова являются правители Вавилона изъ халдейской династіи. И Мидяне и Персы рѣшительно стремились къ самостоятельности и выжидали лишь удобнаго случая. Лѣтъ черезъ сто отъ начала Ассирійской монархіи Саргона, въ то время, когда на престолъ Іудейскій вступилъ Іосія—правнукъ Езекіи, Фраортъ Мидійскій, преемникъ Дейока, увидѣлъ возможность достигнуть самостоятельности, возсталъ противъ царя Ассирійскаго Сарданапала II-го, но былъ разбитъ и убитъ. Сынъ его Кіаксаръ не палъ духомъ, но поддерживалъ возстаніе и, наконецъ, отложился при Сарданапалѣ III-мъ. Въ то же время правителемъ Вавилоніи явился смѣлый и рѣшительный халдей Набополассаръ и прямо отложился отъ Ассиріи. Слабый Сарданапалъ не могъ противиться ни Мидянамъ, ни Вавилонянамъ, и тѣ, соединившись, штурмомъ взяли Ниневію.

Ассирійское церство кончилось; на сценѣ исторіи являются Мидійское и Вавилонское царства, въ составъ коихъ взошли всѣ владѣнія бывшаго Ассирійскаго царства. Это было около 150 лѣтъ спустя послѣ основанія Ассирійскаго царства Саргономъ, годъ спустя послѣ смерти Іосіи Іудейскаго, когда на престолѣ Давидовомъ былъ несчастный Іоакимъ.

Какая судьба ждетъ эти новыя царства? Что съ ними станется? Пророкъ Іеговы Исаія провидѣлъ въ духѣ и предсказалъ бѣду Ассирійскому царству еще при Ахазѣ или въ первые годы Езекіи (10, 5—34). Около этого же времени произнесены рѣчи о Вавилонѣ, содержащіяся въ 13, 14 и 21 гл., рѣчи, въ которыхъ изображена будущая судьба Вавилона. Что первая изъ этихъ рѣчей (13 и 14) произнесена въ это именно время, это несомнѣнно изъ указаній самой рѣчи. Изъ 25 ст. 14 гл. видно, что она произнесена была еще въ то время, когда Ассирійское царство было еще цѣло и крѣпко и страшно для Іудеи. Мы не ошибемся, если то, что говорится въ этомъ стихѣ, отнесемъ къ пораженію Сеннахирима подъ стѣнами Іерусалима, потому что послѣ этого Ассиріане, занятые своими дѣлами съ Вавилоніей и Мидіей, не бывали въ Іудеѣ; а это пораженіе Сеннахирима было въ 14 годъ царствованія Езекіи; слѣдовательно, рѣчь эта на Вавилонъ произнесена раньше этого событія, такъ какъ о немъ говорится еще въ будущемъ. Дополнительная рѣчь, содержащаяся въ 21 гл. и совершенно одинаковая по содержанію съ этой рѣчью, относится, вѣроятно, къ тому же времени. Предрекая паденіе Ассиріи, пророкъ тѣмъ самымъ предрекъ возвышеніе и величіе Вавилона и Мидіи. Что же теперь станется съ этими царствами? Что станется съ Вавилонскимъ пророкъ и говоритъ въ подлежащей разсмотрѣнію рѣчи. Сущность этой пророческой рѣчи состоитъ въ томъ, что Вавилонское царство будетъ разрушено Мидянами вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими народами и—наконецъ не останется даже и слѣда отъ Вавилона—красы и гордости Востока. Пророкъ живо переносится духомъ въ то время и созерцаетъ событіе, какъ бы совершающимся уже предъ его глазами (13, 2—22). Созерцая въ духѣ паденіе Вавилона, пророкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, созерцаетъ и освобожденіе Евреевъ изъ подъ ига его и возвращеніе ихъ въ землю свою (14, 1—2). Затѣмъ отъ лица освобожденныхъ пророкъ изрекаетъ замѣчательную притчу о царѣ Вавилонскомъ (3—20) и, наконецъ, съ клятвой отъ лица Божія повторяетъ рѣчь о конечномъ разруше-

нiи Вавилона, какъ вскорѣ послѣдуетъ и конечное разрушенiе Ассирiйскаго царства (21—27). Припомнимъ ту особенность пророческихъ рѣчей, по которой въ нихъ въ одной картинѣ изображаются будущiя отдаленныя и отдаленнѣйшiя событiя, по которой то, что въ исторiи совершается съ постепенностiю, въ нихъ изображается въ общей сущности, каждый предметъ, каждое событiе рисуется лишь въ ихъ конечномъ совершенiи и окончанiи, и покажемъ изумительное исполненiе этого пророчества.

Со времени Набопалассара, съ котораго въ древности считали новую эру, особенно при его сынѣ и преемникѣ Навуходоносорѣ, новое царство Вавилонское быстро достигло невѣроятнаго могущества. Вся передняя Азiя покорена имъ и—царство Давидово рушилось, какъ предсказывалъ Исаiя Езекiи. Подчинивъ своему владычеству все пространство отъ Тигра до Средиземнаго моря, Навуходоносоръ укрѣпилъ и украсилъ Вавилонъ, такъ что онъ сталъ гордою красою Халдеевъ, всюду славимымъ мѣстомъ, какъ выражается пророкъ. На случай наводненiя велѣлъ онъ вырыть выше Вавилона большой водоемъ; заложилъ на восточной сторонѣ Евфрата новый городъ и дворецъ, обезопасилъ все это и украсилъ высокими стѣнами и безчисленными башнями, воротами и храмами. Преемники его еще болѣе укрѣпили городъ, такъ что онъ сталъ дивомъ для всего Востока. Но вотъ прошло лѣтъ 70 со времени Набопалассара, и странная, не ожиданная судьба постигла этотъ чудный городъ. Еще живъ былъ самъ великiй Навуходоносоръ, когда родился на свѣтъ будущiй побѣдитель его могучаго, гордаго, роскошнаго Вавилона. Воинственный горный народъ Персы, отличавшiйся наѣздничествомъ и мѣткой стрѣльбой изъ лука, цѣлые вѣка пасъ по древнему обычаю свои стада, охотился и междоусобничалъ въ прекрасной странѣ коней—Форсистанѣ, въ подданствѣ Мидiйскаго царя, когда, въ 6-мъ столѣтiи до Рождества Христова, появился среди него человѣкъ, который царственнымъ величiемъ и героизмомъ сталъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Это былъ Киръ, одинъ изъ тѣхъ сильныхъ мiра, которые однимъ своимъ появленiемъ увлекаютъ за собой несмѣтныя толпы и, совершивъ великiе перевороты, прiобрѣтаютъ у народовъ значенiе избранныхъ орудiй Промысла. Дивными путями избѣгъ онъ опасности, какую готовилъ ему подозрительный дѣдъ его Астiагъ, царь Мидiйскiй, возмутилъ Персовъ противъ Мидянъ, свергъ съ престола своего врага—дѣда Астiага, сча-

стливо одолѣлъ и покорилъ Мидянъ и сталъ основателемъ такой монархіи, которая обнимала почти всѣ образованныя страны Азіи. Во главѣ преданнаго ему Мидійскаго войска, онъ пошелъ воевать переднюю Азію, покорилъ множество не больших народцевъ, покорилъ довольно большое и сильное царство Лидійское (въ малой Азіи), съ царемъ его Крезомъ, и въ своихъ завоевательныхъ планахъ столкнулся съ Вавилономъ. Вавилонъ былъ помѣхой его владычеству надъ передней Азіей, и кто нибудь изъ нихъ долженъ былъ пасть: двоимъ имъ тѣсно было жить вмѣстѣ. Съ большимъ войскомъ изъ покоренныхъ народовъ, средоточіемъ коего были преданные ему Мидяне, Киръ съ своихъ высокихъ горъ, какъ буря устремился въ плоскости Вавилоніи. Побѣжденные въ полѣ, Вавилоняне затворились въ своемъ укрѣпленномъ городѣ, гдѣ ихъ царь Набоннетъ собралъ огромные запасы провіанта, и съ высоты стѣнъ издѣвались надъ войсками Кира, считая себя внѣ опасности. Эта увѣренность въ безопасности была такъ сильна, что они безпечно отправляли праздникъ свой по восточному. Но въ эту именно ночь праздника Персы ворвались въ городъ съ той стороны, откуда ихъ вовсе не ждали, именно по дну Евфрата, отведши его воды въ большое искусственное озеро, и очистивъ такимъ образомъ себѣ проходъ подъ стѣною, перекинутою чрезъ Евфратъ. Вавилонъ палъ.

Киръ великодушно поступилъ съ побѣжденными; городъ остался неразореннымъ, великолѣпныя постройки его и даже укрѣпленія пощажены; Набоннету далъ область въ Караманіи. Но царство Вавилонское не могло уже оправиться отъ этого удара. Дважды возставалъ Вавилонъ противъ Дарія Истаспа; 20 мѣсяцевъ выдержалъ онъ въ первый разъ осаду; но былъ взятъ, и съ тѣхъ поръ началось его разрушеніе, Дарій разрушилъ стѣны и разломалъ ворота и распялъ на крестахъ 3000 важнѣйшихъ гражданъ въ наказаніе и для страха. Послѣ втораго возстанія, быстро усмиреннаго, Вавилонъ еще болѣе потерпѣлъ разрушенія. Еще разъ попытался Вавилонъ возстать при Ксерксѣ, послѣ несчастнаго похода его въ Грецію, но возстаніе, также какъ и въ предшествующій разъ, быстро было подавлено, и Вавилонъ еще поплатился разными укрѣпленіями и украшеніями, и съ тѣхъ поръ палъ Вивилонъ совершенно, и не было уже ни одной попытки его къ независимости. Слово Іеговы Израилева непреложно.

б) *О Филистимлянахъ* (14, 28—32). *О Египтянахъ* (гл. 19—20).

При изложеніи пророческой рѣчи о Египтѣ мы такъ же можемъ пользоваться достовѣрными посторонними свидѣтельствами исторіи, потому что народъ этотъ игралъ долго очень важную историческую роль, наравнѣ съ великими сѣверо-восточными азіатскими государствами, и объ его исторіи осталось довольно много достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ Греческихъ, и—чаще объ немъ упоминается въ книгахъ Библейскихъ. Это былъ, какъ извѣстно, исконный врагъ Евреевъ, не опускавшій удобнаго случая повоевать съ ними, подчинить ихъ себѣ или покрайней мѣрѣ повредить имъ, особенно въ то время, когда у него шелъ споръ о первенствѣ или преобладаніи въ Азіи съ Ассиріей, а потомъ съ Вавилономъ. То коварство и хитрость, то явное насиліе и право сильнаго употребляла политика Фараоновъ въ отношеніи къ Іудеѣ, и сами Евреи часто, полагаясь на силу Египта, въ виду грозившихъ бѣдствій со стороны сѣверныхъ враговъ, искали защиты у него и даже переселялись многіе туда, особенно во времена отпаденія народа отъ Бога въ слѣдъ за царями. Такъ было напримѣръ во время самого пророка Исаіи—при Ахазѣ и въ началѣ царствованія Езекіи, при видѣ грозныхъ событій въ Израильскомъ и Іудейскомъ царствахъ, когда тутъ неистовствовали Ассиріане. Пророкъ, ратовавшій за вѣру единственно въ Бога своего, въ которой единственно народъ долженъ искать спасенія своего, а не полагаться на покровительство другихъ народовъ языческихъ, предрекаетъ народу о судьбѣ этихъ языческихъ царствъ, судьбѣ грозной, въ числѣ другихъ и о Египтѣ.—Ближайшимъ поводомъ къ этимъ пророческимъ рѣчамъ о судьбѣ Египта, было, кажется, именно бѣгство нѣсколькихъ Евреевъ въ Египетъ, гдѣ они надѣялись найти убѣжище надежное отъ сѣверныхъ враговъ (20, 6) при ихъ нашествіи на Самарію и Іудею при Ѳелгафелассарѣ, и при разореніи Самаріи Салманассаромъ. Рѣчей противъ Египта двѣ: одна обнимаетъ собою общую судьбу Египта въ отношеніи къ Теократіи въ далекомъ будущемъ, подобно пророчествамъ о Ниневіи и Вавилонѣ (19); другая касается одного частнаго будущаго событія въ Египтѣ (20).—Что касается до времени происхожденія этихъ рѣчей, то можно опредѣлить его точно, на основаніи самыхъ рѣчей, если признать, что онѣ явились въ одно время. Это былъ годъ

осады Азота Тартаномъ, полководцемъ Ассирійскаго царя Саргона (20, 1), а этотъ годъ, по лѣтосчисленію Бунзена, есть годъ взятія Самаріи Салманассаромъ, 6-й годъ Езекіи.

Пророческая рѣчь о судьбѣ Египта вообще (19) раздѣляется на двѣ части: сначала рѣчь идетъ о судѣ надъ Египтомъ (1—15), потомъ о слѣдствіяхъ этого суда (16—25). Прочитаемъ самыя рѣчи и покажемъ исполненіе пророчества, неопуская изъ виду, что и здѣсь, какъ и въ другихъ пророческихъ рѣчахъ, то, что въ исторіи совершается съ необходимой строгой постепенностью, изображено въ одной общей картинѣ,—представленіе событій въ ихъ сущности и полномъ совершеніи.

а) Картина суда: явленіе Іеговы въ Египтѣ; междоусобія, покорность грозному царю и—бѣдствія. Послѣ взятія Ассиріанами Азота событія въ Египтѣ слѣдовали такъ: лѣтъ черезъ 20—въ предпослѣдній годъ царствованія Езекіи, нижній Египетъ отложился отъ верхняго и избралъ себѣ новаго царя Саита—Стефината, котораго никакъ не могли снова подчинить себѣ Египетскіе цари изъ Еѳіопской династіи, захватившей тогда тронъ Египетскій. Правда, со смертію Стефината покоренъ былъ нижній Египетъ, но вскорѣ опять возсталъ и свергъ совсѣмъ съ престола Еѳіопскую династію. Настала совершенная анархія, продолжавшаяся, по словамъ Діодора Сицилійскаго, два года. Она прекращена была нѣсколько правленіемъ 12-ти, такъ называемой Додекархіей. Нѣкоторые военачальники и высшіе сановники, вѣроятно тѣ, которые преимущественно руководили народною борьбою, утвердились въ нѣкоторыхъ главныхъ городахъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи ихъ провинцій и правили самостоятельно; ихъ было 12. Конецъ этой додекархіи черезъ 15 лѣтъ положилъ Псамметихъ великій, захватившій въ свои руки царскую власть въ Египтѣ въ 35 г. царствованія Манассіи Іудейскаго, черезъ 58 лѣтъ значитъ послѣ появленія разсматриваемаго пророчества. Но бѣда была для Египта еще впереди. Въ царствованіе Псамметиха и преемниковъ изъ его фамиліи Египетъ нѣсколько отдохнулъ и даже началъ было опять спорить съ сѣверо-восточными монархіями о передней Азіи, какъ вдругъ страшное пораженіе Египта Навуходоносоромъ при Кархемисѣ (на Евфратѣ) положило навсегда конецъ завоевательнымъ планамъ Египта и унизило его. Дни его были сочтены. Когда явился великій Киръ, Египетъ унижался предъ нимъ, и деньгами и подарками покупая расположеніе страш-

наго завоевателя, и—не безъ успѣха; но сынъ его Камбизъ окончательно подчинилъ Египетъ себѣ, и съ того времени Персы господствовали надъ Египтомъ 200 лѣтъ до Александра Македонскаго. Незадолго до Александра Египетъ завоевалъ было себѣ независимость, но Дарій Кодоманъ снова подчинилъ его себѣ и уже не выпускалъ изъ рукъ своихъ. Это время подчиненія Египта Персамъ было тяжелымъ временемъ для него, очень тяжелымъ. Персидскіе цари, особенно первый изъ нихъ Камбизъ, рѣшительно неистовствовали противъ Египтянъ и именно противъ того, что всего дороже для народа, противъ обычаевъ, учрежденій и религіозныхъ обрядовъ. Въ ужасъ привелъ онъ Египтянъ, когда, по случаю празднества ихъ въ честь Аписа, подозрѣвая въ этомъ манифестацію противъ себя, онъ безъ разбору повелѣлъ убивать всѣхъ участвовавшихъ въ празднествѣ,—и жрецовъ и вельможей и народъ, насмѣхался надъ ихъ Богомъ—быкомъ и велѣлъ наконецъ въ храмѣ убить его. Съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ онъ обычаи и религіозные обряды Египтянъ, считая ихъ суевѣріемъ и стараясь оперсить Египтянъ. Земля стонала подъ игомъ и не имѣла возможности свергнуть его. И предалъ Египтянъ въ руки государя жестокаго...

Слѣдствіе и плоды суда Божія надъ Египтомъ (17—25) познаніе Египтянами Іеговы, поклоненіе Ему и единеніе Ассура, Египта и Іудеи.—Чтобы найти въ исторіи исполненіе этого пророчества, нужно узнать, кто это Спаситель и Великій, коихъ Богъ обѣщаетъ послать Египтянамъ для избавленія ихъ изъ бѣдственнаго состоянія. Изъ исторіи извѣстно, что Египетъ избавленъ отъ тягостнаго ига Персидскаго Александромъ Македонскимъ, Великимъ, и что Египетское царство возстановлено и спасено Птоломеемъ Сотеромъ. Нельзя не подивиться чудному ясновидѣнію пророка, который за нѣсколько вѣковъ назвалъ этихъ мужей тѣми отличительными именами, подъ которыми они стали потомъ извѣстны всему міру.—Принявъ это, мы можемъ такъ перевести идеальное изображеніе пророческое на языкъ историческихъ событій. Томясь подъ игомъ Персидскимъ, Египтяне ближе примкнутъ къ Евреямъ и болѣе и задушевнѣе познакомятся съ ихъ религіею и вѣрованіями. Евреевъ тогда уже очень много было въ Египтѣ; переселеніе ихъ туда было особенно велико со времени взятія Іерусалима Навуходоносоромъ; туда, какъ извѣстно, ушелъ и великій страдалецъ за народъ Іеремія съ ученикомъ и другомъ своимъ Варухомъ и здѣсь, проповѣдуя

Египетскимъ и Вавилонскимъ своимъ соотечественникамъ, умеръ. Не можетъ быть, чтобы пламенная проповѣдь его осталась безъ слѣда, не обративъ вниманія не только Евреевъ Египетскихъ, но и самыхъ Египтянъ. Съ тѣхъ поръ мы видимъ постепенное усиленіе Еврейской колонизаціи въ Египтѣ. Покровительствуемые Птоломеями, Евреи такъ усилились и распространились въ Египтѣ, что Онія первосвященникъ создалъ тамъ храмъ и жертвенникъ Богу Іеговѣ, повсюду учреждены были Синагоги, и Библейскія книги переложены тамъ съ Еврейскаго на Греческій языкъ. Слава Бога Іаковлева распространилась тамъ. Но такъ какъ пророкъ излагаетъ событія въ ихъ конечномъ совершеніи: то окончательнаго исполненія пророчества этого надобно искать во времена уже Новозавѣтныя, въ вѣкъ Апостоловъ, когда Египетъ просвѣтился свѣтомъ истиннаго Богопознанія и—вступилъ, вмѣстѣ съ Ассуромъ, т. е. языческимъ міромъ, въ одно стадо великаго пастыреначальника, стадо, надъ которымъ почивало особое благословеніе Божіе.—Такъ, въ продолженіе 700 лѣтъ постепенно исполнялось великое слово пророка о судьбѣ Египта въ отношеніи его къ теократіи.

Вторая проповѣдь къ Египтянамъ (20), имѣетъ предметомъ своимъ частный случай изъ исторіи Египта, и имѣетъ цѣлію обличить убѣжавшихъ изъ своей земли Евреевъ, искавшихъ защиты и покровительства у Египтянъ. Что касается до исполненія этого пророчества: то ни гражданская, ни библейская исторія не даютъ средствъ видѣть его въ точности; нигдѣ нѣтъ замѣчаній объ этомъ. Извѣстно только то, что Тартанъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ взялъ Азотъ, выгналъ изъ земли Филистимской Египтянъ, овладѣвшихъ было этой страной. Само собою разумѣется, что при этомъ были и плѣнники изъ Египетскихъ и Еѳіопскихъ войскъ, и на это вѣроятно указываетъ пророкъ въ ст. 4.

Бремя Идумеи (21, 11—12).—*Аравіи* (21, 13—17).—*Долины видѣній* (22).

Отъ созерцанія судьбы окружающихъ народовъ въ ихъ отношеніи къ теократіи, взоръ пророческій обращается къ созерцанію судьбы Іерусалима—центра теократіи. Кругомъ бѣда: земля треснула, земля рухнула, земля шатается, какъ говоритъ пророкъ ниже, созерцая въ сущности состояніе тогдашняго міра, въ которомъ происходилъ одинъ изъ зна-

менательныхъ кризисовъ. Что же съ тобой, городъ—центръ истинной теократіи, вѣдущій Бога истиннаго, Который колеблетъ вселенную ради высокихъ цѣлей, сосредоточенныхъ въ тебѣ же, ради торжества вѣчнаго и истиннаго надъ временнымъ и ложнымъ? Что съ тобой, что ты весь взошелъ на крыши. Легкомысліе, беззаботность и трусость И за тѣмъ предсказаніе объ осадѣ Іерусалима Сеннахиримомъ. Кажется, эта рѣчь явилась въ то время, когда Самарія была разрушена и—грозила опасность Іудеѣ.

Бремя Тира. (23).

И здѣсь имѣемъ мы внѣшнія историческія свидѣтельства объ исполненіи пророчества, самомъ точномъ. Во время Исаіи этотъ городъ осаждалъ Салманасаръ, но городъ оказывалъ ему рѣшительное сопротивленіе. Онъ отражалъ всѣ нападенія врага и подъ защитой крѣпкаго своего положенія, цѣлыя пять лѣтъ отстаивалъ свою независимость, хотя жители, недопускаемые непріятелями ни къ рѣкѣ, ни къ водопроводамъ, могли лишь съ трудомъ доставить скудное количество прѣсной воды изъ цистернъ и колодцевъ; городъ не сдался, и Салманасаръ оставилъ его. Но бѣда была для Тира впереди и—слово пророческое сбылось. Навуходоносоръ употребилъ страшныя усилія, чтобы взять городъ (Іезек. 26), и достигъ цѣли; городъ сдался. Тиръ былъ ослабленъ страшно; этотъ ударъ сломилъ его силу. Когда вскорѣ потомъ Персы покорили себѣ верхне-азіятскія области, тогда и Тиръ утратилъ свою независимость; Финикія стала Персидскою областью; именитые роды и старинныя купеческія фирмы переселились большею частію въ безопасную и цвѣтущую колонію его Карѳагенъ. Тѣмъ не менѣе однако же въ продолженіе персидскаго владычества Тиръ обстроился, возсталъ изъ развалинъ и велъ весьма значительную торговлю. Но въ половинѣ 3 в. до Рождества Христова гнетъ чуждыхъ намѣстниковъ породилъ общее возстаніе въ Финикіи, во главѣ котораго стоялъ Сидонъ. Оно не удалось. Сидонъ подпалъ власти Персидскаго царя Оха, и когда побѣдитель велѣлъ казнить знатнѣйшихъ гражданъ, жители сами зажгли городъ и сгорѣли въ немъ съ своими сокровищами. Тиръ просуществовалъ нѣсколько далѣе. Но когда Александръ Македонскій разрушилъ Персидское царство, и—Тиръ вспомянувъ свое прежнее величіе, отважился противустать побѣдителю, онъ

послѣ 7 мѣсячной осады взялъ городъ и раззорилъ его въ конецъ. Тиръ Никогда уже болѣе не возставалъ; торговля его перешла въ Александрію.

Рѣчь пророческая, содержащаяся въ 24—27 глл., составляетъ значительную рѣчь первой части книги пророка Исаіи, въ которой, какъ мы замѣтили, собраны рѣчи, сказанныя по случаю критическаго положенія Еврейскаго царства, въ какое поставлено было оно союзомъ двухъ царей противъ него и—относящихся болѣе или менѣе къ этому событію. Въ этой заключительной рѣчи изложена въ формѣ большею частію лирической пѣсни сущность всего того, что сказалъ пророкъ въ рѣчахъ этой первой части болѣе или менѣе подробно, сообразно съ своею цѣлію. Въ первомъ кругѣ рѣчей этой части пророкъ далъ отвѣтъ на современные ему запросы о настоящемъ и будущемъ самой теократіи, ея свойствахъ и характерѣ; во второмъ кругѣ—показалъ ея положеніе среди міра, среди сильныхъ языческихъ монархій, или отношеніе этихъ послѣднихъ къ ней. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ, мы видѣли, пророкъ печально смотритъ на настоящее—современное ему состояніе Еврейскаго царства, тревожно смотритъ на ближайшее будущее, которое должно принести съ собою судъ Божій и надъ Іудеею и надъ языческими царствами, и—только на отдаленномъ будущемъ съ отрадою и радостію останавливаетъ взоръ свой на томъ благодатномъ времени, когда явится великій потомокъ Іессея, чудное отроча, котораго царство вѣчное, Еммануилъ, имѣющій родиться отъ Дѣвы. Характеръ заключительной рѣчи или вѣрнѣе пѣсни—тотъ же самый. Отъ печальнаго настоящаго пророческій взоръ переносится тревожно на еще болѣе печальное будущее—и вотъ земля Іудейская ему представляется пустынею (1—13). Среди этой пустыни, останокъ Израиля—сѣмя святое, какъ называетъ его въ другомъ мѣстѣ пророкъ, славословитъ великаго Бога и праведнаго судью земли (13—16); но эта свѣтлая точка опять заслонена общею бѣдою, какъ страшной тучею уже надъ всей землей, т. е. надъ всѣми домашними царствами, какія имѣетъ въ виду пророкъ. Ни одинъ свѣтлый лучъ не пробивается сквозь эту тьму и мракъ, сквозь эту бурю бѣдъ и несчастій, и только въ далекомъ будущемъ рисуется свѣтлая картина, когда Іегова снова со славою воцарится на святомъ Сіонѣ Своемъ (16—23). Рѣчь идетъ не-

сомнѣнно о будущемъ освобожденіи Евреевъ изъ бѣдственнаго состоянія и возстановленіи древней теократіи; но это изображено такими чертами, которыя не могутъ быть вполнѣ приложимы ко времени послѣплѣнному, и указываетъ, что это освобожденіе въ очахъ пророка есть только образъ другаго, высшаго, духовнаго освобожденія человѣчества и возстановленія древней теократіи въ новомъ видѣ (25).

Рѣчью, начинающейся съ 28 главы книги пророка Исаіи, начинается новый кругъ пророческихъ рѣчей великаго пророка. Изучающій книгу пророка, при чтеніи этихъ рѣчей, чувствуетъ себя въ другой сферѣ, имѣющей, правда, тѣсную связь со сферою прежнихъ рѣчей, но вмѣстѣ и характеристически отличной отъ нея. Видно, что совершилось нѣчто очень важное въ историческихъ судьбахъ теократическаго царства, давшее большую рѣшительность относительно судьбы этого царства; вліяніе этого совершившагося факта живо чувствуется, а пророческій взоръ еще предвидитъ важное событіе и указываетъ это царямъ и народу, предостерегаетъ, грозитъ и утѣшаетъ. Это совершившееся событіе есть паденіе Израильскаго царства. Богъ наказалъ это царство отверженіемъ за невѣрность себѣ; но невѣрность и невѣріе часто и рѣзко проявлялись и въ Іудейскомъ царствѣ того времени, несмотря на нѣкоторыя религіозныя реформы Езекіи. Должно же и царство Іудейское понесть за это наказаніе, долженъ и надъ нимъ совершиться судъ Божій, какъ совершился онъ надъ Израильскимъ царствомъ, если только Іудейское царство будетъ также идти по пути нечестія и разврата. А оно быстро шло по этому пути; этого нельзя было не замѣтить просвѣщенному пророческому взору. Страшное тогда царство Ассирійское, положившее конецъ царству Израильскому, должно было быть предметомъ опасенія и страха и для царства Іудейскаго, какъ орудіе Божественной кары. Но царство Ассирійское не долго будетъ сильно, какъ предвидѣлъ и предсказалъ это пророкъ. Пророческій взоръ предвидѣлъ за ослабленіемъ этой силы явленіе новой силы, еще болѣе страшной и опасной для Евреевъ, силы Вавилонскаго царства, и—на этомъ то останавливается теперь преимущественно пророческій взоръ его; бѣда отсюда грозитъ небольшому царству, измѣнявшему Богу своему; бѣда идетъ, бѣда идетъ, бѣда идетъ, вопіетъ пророкъ, и—такая бѣда, въ сравненіи съ которой

маловажна бѣда, угрожавшая Іудеѣ со стороны Ассиріи. Но не навсегда же отвергнетъ Богъ возлюбленный народъ свой; онъ долженъ достигнуть предопредѣленнаго ему высокаго назначенія; слѣдовательно и эта бѣда ему отъ Вавилона есть временное наказаніе народа, такое же по сущности своей, какъ и всѣ прежнія подобныя наказанія, только несравненно тягостнѣйшее, по тяжести грѣховъ народа, по силѣ его нравственнаго развращенія и отступленія отъ Бога, по силѣ порчи его во всѣхъ отношеніяхъ. Потому за этой величайшей бѣдой пророческій взоръ предвидитъ радость освобожденія изъ этой бѣды. Но эта радость и торжество есть только отблескъ той высокой радости и торжества духовнаго; да и самое освобожденіе есть только отблескъ или отобразъ того духовнаго освобожденія не только народа Божія, но и всего человѣчества, какія настанутъ въ то предопредѣленное время, когда высокая идея, носителемъ которой былъ еврейскій народъ, осуществится въ самомъ явленіи, или когда онъ достигнетъ цѣли своего историческаго бытія, однимъ словомъ, когда явится обѣтованный издавна Мессія—Еммануилъ и основетъ царство свое благодатное, освободивъ человѣчество изъ тьмы невѣдѣнія истины и учредивъ царство совершеннѣйшаго нравственнаго единенія человѣческаго съ Божественнымъ. Радостный видъ этой торжественной картины омрачается, правда, страданіями, какія потребны для основанія этого царства единенія человѣческаго съ Божественнымъ, со стороны человѣческаго; но эта печальная картина опять смѣняется свѣтлой стороной этого единенія.—Этотъ характеръ *типологіи*, т. е. представленія одного событія ближайшаго и низшаго образомъ другаго дальнѣйшаго и высшаго, выдерживается во всей картинѣ, начертанной въ пророческихъ рѣчахъ всей второй части книги Исаіи, которую мы начинаемъ съ 28-й гл. и—мимоходомъ сказать—мы не мало изумлены бываемъ, когда случается видѣть, что люди, отрицающіе подлинность отдѣленія книги съ 40 гл. до конца, въ то же время признаютъ рѣчь, содержащуюся въ глл. отъ 28 по 33 подлинно Исаіиною, когда эта послѣдняя рѣчь составляетъ resumé, всего того, что изображено въ этомъ отдѣленіи книги отъ 40-й гл. до конца. Это какая-то странная несообразность, изъясняемая развѣ теоріей школъ, или безотчетнымъ и безусловнымъ подражаніемъ, а можетъ быть ученой рутиной, которой не чужды бываютъ и мыслящіе люди партій. Точка зрѣнія пророка на ближайшія и отдаленныя будущія

событія, какъ въ этой рѣчи отъ 28-й гл., такъ и во всемъ отдѣленіи отъ 40-й гл. до конца, одна и та же.

Средоточіемъ пророческихъ рѣчей, сопоставленныхъ въ этой части книги пророка Исаіи, служитъ, какъ сказали мы, въ свое время, историческое описаніе одного изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи разваливавшагося Еврейскаго царства предплѣннаго времени, событія нашествія Ассиріанъ подъ предводительствомъ Сеннахирима на Еврейское царство при Езекіи, опустошенія Іудеи, осады Іерусалима и страннаго поспѣшнаго бѣгства ихъ изъ-подъ стѣнъ осажденнаго города, и—за тѣмъ посольства Вавилонскаго царя Меродаха—Валадана, по случаю болѣзни Езекіи, подавшаго поводъ пророку Исаіи предсказать Езекіи прямо и открыто плѣнъ Вавилонскій. Это описаніе историческое помѣщено отъ 34 по 39 гл. книги. Первая рѣчь отъ 28 гл. составляетъ какъ бы вступленіе или предварительныя думы и откровенія пророка, по поводу этого событія, или вообще тогдашнихъ обстоятельствъ Іудейскаго царства. Рѣчи, отъ 40-й гл.—дополненіе къ этому, или думы и откровенія пророка послѣ уже этого событія по поводу его. Это событіе было въ 14-е лѣто царствованія Езекіи, 8 лѣтъ спустя послѣ разрушенія Израильскаго царства Салманассаромъ. На это время отъ разрушенія Самаріи до осады Іерусалима Сеннахиримомъ падаетъ время происхожденія первой рѣчи, которой открывается вторая часть книги пророка отъ 28 по 33 глл. Въ ней, какъ увидимъ, царство Израильское представляется уже падшимъ отъ руки Ассиріанъ, и предрекается печальная будущность Іудейскому царству отъ нихъ же, но предрекается также и паденіе Ассиріанъ. Не отъ нихъ главная бѣда, бѣда отъ будущихъ страшныхъ Вавилонянъ и—плѣнъ Вавилонскій прямо предсказывается пророкомъ по случаю болѣзни Езекіи (39).

Предварительная рѣчь пророка начинается сѣтованіемъ его горькимъ о печальной судьбѣ Израильскаго царства, которое за нечестіе свое разрушено язычниками, и—образнымъ изображеніемъ самаго разрушенія (28, 1—4). Это событіе имѣло, по рѣчи пророка, благотворное дѣйствіе на остатокъ народа Божія, избранныхъ изъ царства Іудейскаго, въ отношеніи къ справедливости и нравственному мужеству и крѣпости ихъ (5—6); но это не для всѣхъ: цѣлое общество Іудейское въ общемъ составѣ своемъ, испорчено, исполнено не только тупымъ нравственнымъ невѣжествомъ и нечестіемъ, но сознательной дерзостью и упорствомъ противъ Іеговы и его пред-

ставителей—пророковъ; и это не только народъ, но и представители его—священники и выдающіе себя за пророковъ; какъ будто смыслъ у всѣхъ помраченъ, говорятъ что-то странное, обманываютъ себя и народъ, и глупо и дерзко относятся къ истиннымъ представителямъ чистой теократіи—пророкамъ (7—10). За то-то или потому-то они не поймутъ этихъ истинныхъ представителей чистой теократіи, и не слушаясь ихъ, впадутъ въ ту яму, которую сами себѣ выкопали, подвергнутся всей тяжести мелочныхъ правилъ и предписаній ложныхъ руководителей своихъ, т. е. лишатся всякой религіозно-нравственной свободы, и сами попадутся въ сѣти бѣдъ, соединенныхъ съ подобнымъ положеніемъ своимъ (11—13). Внутренно не довѣряя себѣ, при похвальбѣ своимъ невѣріемъ и дерзостью противъ пророковъ Іеговы, они надѣялись на поддержку со стороны Египта, на помощь того, кто не упускалъ случая повредить имъ и былъ не надеженъ не только для нихъ, но и для всѣхъ союзниковъ своихъ, какъ прямо и открыто говорили это, кромѣ Исаіи, и полководцы царя Ассирійскаго. Пророкъ говоритъ, что эта надежда ничтожна и приведетъ только къ гибели, поелику это - мятежъ противъ Іеговы, Который во гнѣвѣ Своемъ уничтожитъ всякую надежду и произведетъ грозный судъ Свой такъ, что ни днемъ, ни ночью не будетъ покоя: ибо всякая надежда суетна, кромѣ одной только надежды, надежды на того, кто составляетъ истинное основоположеніе Ветхозавѣтной теократіи, истинное основаніе народной жизни, безъ котораго вся эта жизнь была бы только миражемъ, мечтой, пустотой наконецъ,—основаніе, на которомъ только и зиждется вся экономія народной жизни въ средѣ другихъ народовъ человѣчества (14—21). За тѣмъ пророкъ убѣдительно обращается къ этимъ заблуждающимъ съ вразумленіемъ, что всему свое время и мѣсто, и все въ сильной десницѣ Іеговы, который научаетъ всѣхъ всему и дѣйствуетъ милосердо, пусть же пользуются Его милосердіемъ и правдою, пока есть время, и – Онъ помилуетъ еще ихъ (22—29). Дивны судьбы Его, велика премудрость Его, заключаетъ пророкъ, какъ заключаетъ и Апостолъ Павелъ рѣчь свою о чудныхъ судьбахъ Божіихъ въ призваніи людей въ царство благодати своей, и—язычниковъ нѣкогда непокорныхъ и—Іудеевъ, нѣкогда возлюбленныхъ и избранныхъ, но потомъ отвергшихся. Созерцая эту чудную премудрость и эти дивныя судьбы, пророческій взоръ опять обращается къ городу, въ которомъ положено столько надеждъ, который дол-

женъ быть средоточіемъ этихъ дивныхъ судебъ и выраженіемъ этой премудрости, понятнымъ для міра.—Что же съ тобой будетъ, городъ, при твоемъ нравственномъ нестроеніи, при гнѣвѣ Іеговы, городъ, гдѣ нѣкогда былъ Давидъ, великій представитель чистой теократіи? Пойдетъ и для него время своимъ обычнымъ чередомъ и праздники—мѣрило времени для тѣхъ, кто любитъ праздники не ради празднества въ честь Бога, а ради другихъ цѣлей, болѣе сродныхъ съ тѣмъ нравственно-религіознымъ состояніемъ, въ какомъ находился тогда Іерусалимъ, время пойдетъ обычнымъ чередомъ; но рука Іеговы простерта надъ нимъ, и бѣда грозитъ ему близко, онъ упадетъ, глубоко упадетъ, голосъ его будетъ какъ голосъ мертвеца изъ подъ земли, когда найдетъ на него страшное войско Ассирійское и обложитъ его со всѣхъ сторонъ (29, 1—4). Но Іегова покажетъ еще разъ силу Свою надъ врагами Своего царства для вразумленія народа Своего, нѣчто чудное совершитъ Онъ надъ осаждающими, они ничего не возьмутъ и исчезнутъ (5—8). Но не менѣе чудное дѣло сдѣлается и въ самомъ народѣ; надъ нимъ сбудется то, что говорилъ еще задолго самъ Исаія: слухомъ услышатъ и—не уразумѣютъ; видя увидятъ и не разсмотрятъ и проч. какъ будто пьяные, все имъ представляется не такъ, какъ есть на самомъ дѣлѣ, силы событія они не поймутъ, значенія рѣчи пророческой не уразумѣютъ, какъ запечатанную книгу не прочтетъ умѣющій читать, потому что она запечатана, а не умѣющій—потому, что не умѣетъ (9—72). Видимое дѣло, что если этотъ народъ и обращается по видимому къ Богу своему (намекъ, кажется на реформы Езекіи): то внѣшне, устами, а не сердцемъ. Вотъ еще будетъ у нихъ чудо, диво, поймутъ ли они? Нѣтъ, у нихъ разумъ отнимется и смыслъ помрачится; они будутъ думать и говорить, что это невозможно; а между тѣмъ это будетъ ясно, такъ ясно, что глухіе будутъ слышать тогда слова запечатанной книги событій и пророчествъ о нихъ, и слѣпые изъ тьмы и мрака невѣдѣнія прозрятъ, потому что факты будутъ очевидны для всякаго не ослѣпленнаго (13—24).

Какъ видно, великаго пророка сильно тревожило это довѣріе къ чужой помощи Египта и недовѣріе къ Богу своему и собственнымъ силамъ; да впрочемъ и не могло не тревожить: вся сила Евреевъ была именно въ этой вѣрѣ въ Бога своего и въ свои силы, укрѣпляемыя этой вѣрой.—Пророкъ длинную рѣчь ведетъ о сущности этой надежды на чужую помощь; она напрасна, она только приведетъ къ гибели, гово-

ритъ пророкъ (30, 1—7). Въ удостовѣреніе этого пророкъ получаетъ повелѣніе записать это на память и во свидѣтельство будущимъ родамъ, потому что современные пророку Евреи—народъ упорный, тупо отвергающій всякое разумное слово, даже слово пророка, желающій слушать только лестное имъ и угодное; пусть же вразумятся тогда покрайней мѣрѣ, когда слово сбудется, когда пророчество исполнится, а оно сбудется и исполнится, потому что опора ихъ—опора слабая, хрупкая, какъ глиняный сосудъ, разобьется такъ, что не будетъ и порядочнаго черепка (8—14). Надежда и спасеніе Евреевъ—единственно въ обращеніи къ Богу своему и спокойномъ упованіи на Него; но нѣтъ, они не вѣрятъ этому, а надѣются на чужую помощь, за то и посрамятся (15—17). Рѣчь идетъ уже о бѣдѣ не отъ Ассиріанъ, которыхъ чудное пораженіе уже предсказалъ пророкъ, но отъ кого-то другаго, послѣ; пророкъ не упоминаетъ отъ кого, но позднѣйшему историку, предъ которымъ осязательные факты, видно отъ кого. Рѣчь идетъ о бѣдѣ отъ Вавилонянъ, послѣ нашествія которыхъ останокъ Израиля въ землѣ своей былъ дѣйствительно какъ вѣхи на горѣ своей, какъ знамя одинокое на холмѣ. Но Іегова не покончитъ этимъ съ народомъ Своимъ; нѣтъ, Онъ помилуетъ его и—въ свѣтлыхъ образахъ рисуетъ пророкъ это освобожденіе, и, по его изображенію, опять это только отблескъ, тѣнь, образъ другаго освобожденія, другой радости, изображеніе, рѣшительно господствующее во всей этой части книги, рѣшительно преслѣдующее пророка или преслѣдуемое пророкомъ (18—26).

Но отъ далекой еще грозы и отъ далекаго еще благословенія пророческій взоръ обращается опять къ ближайшей бѣдѣ и, слѣдующей за нею радостной минутѣ, кроткой, но отрадной тѣмъ болѣе, что эта радостная минута есть опять отблескъ и отвѣтъ той радостной минуты, которая обѣщана и предречена въ далекой еще будущности. Теперь предъ глазами—грозное Ассирійское нашествіе, при видѣ котораго трусливые и не вѣрующіе Евреи побѣжали въ Египетъ. Но напрасно, Іегова еще самъ сразится съ врагами за народъ Свой, а Египтяне вѣдь человѣки, и кони ихъ—плоть, а не духъ; они не помогутъ, Богъ одинъ поможетъ, и такъ поможетъ, что грозные враги Его обратятся въ прахъ. Величественно это изображеніе борьбы Іеговы съ Ассуромъ; трудно представить что-нибудь великолѣпнѣе (27—31, 9).

И взоръ пророческій опять затѣмъ переносится къ свѣтлой сторонѣ картины, опять это благословеніе въ будущемъ, благословеніе высшее и благоденствіе духовное, опять обычный у пророка образъ царства, основаннаго потомкомъ Іессея, чуднымъ отрочатей—Еммануиломъ (32, 1—8). Еще разъ обращеніе къ бѣдѣ, и опять свѣтлая картина временъ Мессіи (9—20).

Рѣчь 33-й гл. произнесена, какъ кажется, тогда, какъ войска Сеннахирима стояли уже подъ стѣнами Іерусалима (ст. 7); предметъ ея тотъ же—освобожденіе отъ опасности но это освобожденіе опять, представляется какъ образъ другаго высшаго освобожденія, точно такъ же какъ и въ рѣчи въ 34 и 35 гл., направленной въ частности противъ Идумеи вѣроятно по тому поводу, что Едомляне въ виду стѣсненнаго положенія Іудеи отъ Сеннахирима и сами дѣлали набѣги на южныя границы Палестины.

1) При чтеніи, а особенно по прочтеніи отдѣленія книги пророчествъ Исаіи отъ 40 по 66-ю гл., невозможно не замѣтить, прежде всего, что это—стройный съ высокой искусственностію расположенный рядъ пророческихъ рѣчей, составляющихъ въ этомъ сопоставленіи одно цѣльное твореніе, съ которымъ, по высокой искусственности изложенія, изъ всѣхъ Ветхо-Завѣтныхъ книгъ, можно сравнить только Книгу Іова, Пѣснь Пѣсней и Плачъ Іереміевъ. Это, какъ говоритъ Бунзенъ, одна художественно сложенная пѣснь о спасеніи Израиля его Вѣчнымъ—Іеговою, пѣснь, въ которой одна основная мысль развивается въ ея частныхъ моментахъ съ высокой постепенностію въ общемъ и частномъ, во всей полнотѣ и со всѣми оттѣнками ея.

Вся эта пророческая рѣчь, или пѣснь, раздѣляется на три главныхъ отдѣла, которые оканчиваются одинаковымъ изреченіемъ, какъ бы припѣвомъ: „нѣтъ мира беззаконнымъ"; въ заключеніе послѣдняго отдѣла эта мысль или этотъ припѣвъ выраженъ съ особою силою и энергіей: „червь ихъ (беззаконниковъ) не умираетъ и огонь ихъ не угаснетъ, и будутъ они отвратительны для всякой плоти". Эти три одинаковыхъ заключенія стоятъ подъ глл. 48-й, 57-й и 66-й. Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ трехъ отдѣловъ одной великой пѣсни заключаетъ въ себѣ по 9 главъ по нашему раздѣленію, и, слѣдовательно, по объему своему они одинаковы. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ, какъ видимъ, основная мысль всей рѣчи раскрывается съ извѣстной новой стороны, въ новомъ сопо-

ставленіи частныхъ понятій общаго воззрѣнія, при внутренней и внѣшней ихъ соразмѣрности. Вникая затѣмъ въ составъ этихъ трехъ главныхъ отдѣловъ, видимъ опять симметрію въ расположеніи частей и—симметрію весьма строгую: каждый изъ этихъ отдѣловъ состоитъ опять изъ трехъ частей, главы по двѣ, индѣ по три, по нашему раздѣленію эти части не раздѣляются одна отъ другой какими-либо одинаковыми заключительными или начальными формулами, но легко распознаются по удивительной симметріи въ раскрытіи частныхъ мыслей, по переходамъ отъ раскрытія одной частной мысли къ другой, по господствующему синтезу и антитезу или параллелизму мыслей. Въ каждой изъ этихъ частей мысль цѣлаго отдѣла раскрывается съ извѣстныхъ частныхъ сторонъ, въ строгой раздѣльности и послѣдовательности, такъ что каждая часть есть какъ бы особая пѣснь, особая рѣчь, съ своимъ частнымъ опредѣленнымъ, строго отличающимся отъ другихъ содержаніемъ, или основной частной мыслью, но такъ, что одна часть отъ другой пріобрѣтаетъ свою полноту и законченность, и только всѣ три вмѣстѣ содержатъ всестороннее раскрытіе лежащей въ основаніи цѣлаго отдѣленія мысли. Разбирая, наконецъ, составъ этихъ частей, и въ нихъ мы находимъ нѣкоторую искусственную симметрію въ послѣдовательности мыслей, антитезовъ и параллелизмовъ, такъ что, повторяемъ, все это отдѣленіе отъ 40 по 66 гл. есть одна рѣчь или одна пѣснь, составленная съ высокой искусственностію въ общемъ и частномъ.

Основная мысль всей этой рѣчи или пѣсни—избавленіе теократіи отъ предстоящаго или уже тяготѣющаго суда надъ нею. Частные моменты въ раскрытіи этой общей мысли, составляющіе основную тему трехъ частныхъ отдѣловъ пѣсни, суть: а) Божественное опредѣленіе объ избавленіи, б) самое совершеніе этого избавленія и в) слѣдствіе этого избавленія—новое царство Божіе на землѣ. Эти три частные момента одного общаго созерцанія обозначены въ первыхъ 11 стихахъ 40-й гл., которые составляютъ, выражаясь школьнымъ языкомъ, нѣчто въ родѣ вступленія во все это отдѣленіе, составляя въ то же время необходимую и существенную часть первой рѣчи. Именно: здѣсь обозначена прежде всего общая мысль всей рѣчи—избавленіе теократіи отъ тяготѣющаго надъ нею суда, почему и возвѣщается угнетеніе или радость народу, которая и составляетъ основной тонъ всей этой рѣчи (1, 2). Это утѣшеніе относится, какъ видно изъ всего состава

рѣчи, прежде всего къ избавленію Израиля изъ плѣна Вавилонскаго при Кирѣ, избавленію, основанному со стороны Бога—единственно на Его милости, со стороны Іудеевъ—на ихъ обращеніи отъ грѣха къ правдѣ (3—5). Это голосъ первый. Утѣшеніе втораго голоса относится къ избавленію народа отъ привлекшаго на него судъ грѣха, избавленіе, основывающееся единственно на благости Божіей, отпущающей грѣшнику грѣхъ его при покаяніи въ немъ (6—8). Утѣшеніе третьяго голоса относится къ славѣ я величію новаго царства Божія на землѣ, имѣющаго настать вмѣстѣ съ этимъ избавленіемъ народа отъ грѣха, когда по отдѣленіи и истребленіи нечестія, будетъ правда и святость въ этомъ новомъ царствѣ съ новымъ небомъ и новою землею (9—11). Въ предметахъ утѣшенія этихъ трехъ утѣшающихъ голосовъ выражены, говоримъ, главные предметы, раскрывающіеся въ трехъ главныхъ отдѣлахъ этой пѣсни, общій предметъ которой—избавленіе народа отъ суда. Замѣтимъ еще, въ поясненіе общей характеристики этихъ трехъ отдѣловъ—прежде, чѣмъ приступимъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію ихъ состава, что рѣчь въ нихъ вообще и въ частности постоянно развивается чрезъ противопоставленіе Іеговы—истиннаго Бога богамъ ложнымъ—идоламъ и противопоставленіе Израиля, какъ носителя истины, и язычниковъ, представителей ложнаго міросозерцанія; во второмъ отдѣленіи—противопоставленіе страданій Раба Іеговы въ настоящемъ и прославленія его въ будущемъ; въ третьемъ—противопоставленіе противоположностей въ самой искупленной теократіи—бѣды нечестивыхъ съ одной стороны, славы и величія вѣрныхъ и добрыхъ съ другой.

2) При чтеніи всего этого отдѣленія книги отъ 40 по 66 гл., нельзя незамѣтить также въ отношеніи къ *внутреннему* характеру рѣчи, что рѣчь здѣсь въ общемъ—въ сущности имѣетъ *типологическій* характеръ, т. е., извѣстное отдаленное событіе, лице или дѣйствіе и пр. представляются подъ образомъ событія, лица, дѣйствія ближайшаго, на которое прямо указывается. Ближайшее будущее само въ этомъ случаѣ становится историческимъ субстратомъ для изображенія дальнѣйшаго будущаго. Это—не простое примѣненіе ближайшаго будущаго къ дальнѣйшему или наоборотъ, а духовное ясновидѣніе, на основаніи идеи ближайшаго факта, идеи факта отдаленнѣйшаго, не воображаемаго, но дѣйствительнаго. Само собою разумѣется, что этой типологіи нельзя искать въ каждой частной чертѣ, которою лишь образно обозначается пол-

нота идеи, нужно смотрѣть болѣе на общее, чѣмъ на частности; соотвѣтствія частностей нужно искать лишь тамъ, гдѣ сама исторія указала ихъ. И кромѣ того, во всякомъ типологическомъ изображеніи, точно также, какъ въ рѣчи приточной, многое относится лишь къ одному ближайшему указуемому предмету, характеризуетъ только его въ его извѣстной фактической обстановкѣ, и остается безъ существеннаго значенія въ отношеніи къ типологически изображаемому предмету. Въ разсматриваемой рѣчи, ближайшее изображенное историческое событіе—освобожденіе Евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго чрезъ посредство Кира. Пророкъ стоитъ духомъ среди этого событія и живыми красками изображаетъ его (45, 1—3. 5—7. 25—27. и м. др.), такими чертами изображаетъ, которыя идутъ только къ этому историческому событію. Но, на ряду съ подобными чертами, вдругъ встрѣчается цѣлый рядъ такихъ идеальныхъ чертъ, которыя рѣшительно не приложимы къ этому собственному событію, какъ бы его ни идеализировать (мы встрѣтимся съ такими мѣстами). Видно, что предъ духовнымъ взоромъ пророка, въ ясновидѣніи рисовалось другое событіе, другое освобожденіе или избавленіе, и пророкъ, изображая въ идеальныхъ чертахъ первое событіе, беретъ эти идеальныя черты собственно съ этого другаго событія и его изображаетъ, и въ то время, какъ эти черты, въ приложеніи къ первому событію, представляются идеальными, въ отношеніи ко второму они—дѣйствительныя, черты дѣйствительнаго историческаго событія, имѣющаго совершиться въ отдаленнѣйшемъ будущемъ. Эти послѣднія черты смѣняются въ рѣчи первыми или наоборотъ, по мѣрѣ преимущественнаго обращенія взора пророческаго то на ту, то на другую сторону картины, то къ ближайшему, то къ отдаленнѣйшему будущему событію, а иногда вмѣстѣ сопоставляются или сливаются такъ, что ихъ невозможно разграничить. Это послѣднее, напр., очень замѣтно тамъ, гдѣ пророкъ говоритъ о возстановленіи и славѣ теократіи непосредственно послѣ плѣна и въ отдаленномъ будущемъ. Это изображеніе другаго избавленія, кромѣ избавленія изъ плѣна Вавилонскаго, и котораго только образомъ было это послѣднее для пророка, по указанію Евангелистовъ и исторіи, есть духовное искупленіе человѣчества Іисусомъ Христомъ—Мессіею, и новое царство, образомъ котораго служило царство Іудейское теократическое послѣплѣннаго времени, есть царство Мессіи, т. е. Христово.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обращаемся къ болѣе подробному изложенію этой рѣчи.

Мы сказали, что первые 11 ст. составляютъ нѣчто въ родѣ вступленія во все это опредѣленіе книги, будучи въ то же время существенною составною частью первой части рѣчи пророка. Основная мысль цѣлаго перваго отдѣленія пророческой рѣчи (40—48), какъ мы сказали, есть—опредѣленіе Божіе объ избавленіи теократіи отъ тяготѣющаго надъ ней суда, основанное на милости Божіей и обращеніи народа. Частнѣйшее содержаніе этого отдѣленія слѣдующее. Мы видѣли, что оно раздѣляется на три части, какъ и пр. отдѣлы. Первая часть заключается въ 40-й, 41 гл. Призваніе къ обращенію народа и первый плодъ этого обращенія—освобожденіе изъ плѣна, какъ первое дѣйствіе Божія опредѣленія объ искупленіи народа отъ грѣха; въ ней—главный предметъ пророческаго созерцанія. Не низведеніе безконечнаго Бога въ кругъ конечнаго—твари, но возвышеніе къ Нему вотъ что можетъ привести Израиля къ спасенію, эта мысль въ величественныхъ образахъ раскрывается непосредственно за вступительными стихами. Израиль низводитъ теперь Бога своего Вѣчнаго и безконечнаго въ кругъ временнаго и конечнаго, такъ какъ онъ безумно приравниваетъ Его къ дѣламъ рукъ человѣческихъ (12—26). Можетъ ли изъ этого выйти что-либо для спасенія Израиля. Да не за это ли наведенъ на народъ и самый грозный судъ? Нѣтъ, только тогда, когда будутъ чтить Его какъ Истиннаго Бога, Онъ можетъ сдѣлать все для народа и сдѣлаетъ; и—вотъ начатокъ этого: царь Персидскій освободитъ народъ изъ плѣна. Вотъ общее содержаніе первой рѣчи.

Вступленіе. Рѣчь вообще типологическая. Ближайшій смыслъ —возвращеніе Евреевъ изъ плѣна. Но Евангелисты указываютъ здѣсь проповѣдь о явленіи въ міръ Мессіи. А такъ какъ все это отдѣленіе есть одно стройное цѣлое, съ одинаковымъ характеромъ, то и можно и должно все его объяснять какъ Мессіанское, и именно въ смыслѣ типологическомъ, гдѣ одно событіе служитъ образомъ другаго.

Послѣ этого общаго обозначенія предмета всего созерцанія, начинается частнѣйшее развитіе частныхъ чертъ этого созерцанія. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на частностяхъ и, слово за словомъ, идти за пророкомъ въ объясненіи его рѣчи; обозначимъ лишь ходъ постепеннаго развитія проро-

ческаго созерцанія, останавливаясь лишь на самыхъ важныхъ чертахъ его. Итакъ—

Обращеніе Израиля къ истинному Богу своему первое условіе избавленія его отъ тяготѣющаго надъ нимъ суда или кары Божіей. Чрезъ это слава Божія откроется во всемъ своемъ величіи, и предопредѣленное дѣло избавленія народа и всего человѣчества, дѣло, основанное на вѣчной и неизмѣнной милости Божіей къ народу Еврейскому и человѣчеству вообще, будетъ совершаться ясно и открыто во очію всѣхъ. Вотъ общая мысль перваго отдѣленія первой части книги, содержащагося въ 40, 41, 42 и первыхъ ст. 43-й гл. Не низведеніе безконечнаго Бога въ кругъ конечныхъ предметовъ, но духовное возвышеніе къ Нему, какъ безконечному,—вотъ что только можетъ привести Израиля къ искупленію и спасенію отъ суда и кары; этимъ возвышеннымъ созерцаніемъ начинаетъ пророкъ развитіе своей рѣчи, послѣ вступительныхъ стиховъ. Израиль низводилъ и теперь еще, можетъ быть, низводитъ безконечнаго Бога своего въ кругъ конечныхъ предметовъ, безумно приравнивая Его даже къ дѣламъ рукъ человѣческихъ. Можетъ ли изъ этого выйдти добро для народа? Можетъ ли черезъ это народъ хотя мало совершенствоваться нравственно и, такимъ образомъ, быть готовымъ и достойнымъ искупленія? Да и не за то ли бѣды постигаютъ его? Можетъ ли же народъ жаловаться на Него и сѣтовать, что Онъ не внимаетъ ему? Но вотъ Онъ обращается теперь къ Богу своему и—спасеніе его близко, идетъ и не замедлитъ. Это созерцаніе пророческое развивается, какъ и во всей рѣчи, чрезъ противоположенія: Богъ Вѣчный противополагается идоламъ—ничтожнымъ. „Кому уподобите Бога, и какой образъ поставите въ сходство съ Нимъ?"—такъ выражается мысль о противоположеніи. Богъ-Іегова безконечно великъ и—непостижимъ; все сравнительно съ Нимъ—ничтожно (12—17). Языческіе народы почитаютъ идоловъ за боговъ своихъ, къ чему склоненъ былъ и избранный народъ; можетъ ли быть какое либо сравненіе между ними и Богомъ вѣчнымъ? Нѣтъ, Онъ безконечно выше ихъ—такъ что не можетъ быть даже никакого сравненія: идола дѣлаетъ себѣ самъ человѣкъ, а Вѣчный—Творецъ міра и Владыка надъ всѣми народами, все отъ Него зависитъ (17—27). Вотъ утѣшеніе Израиля въ его бѣдѣ и надежда на избавленіе. Онъ всесиленъ и избавитъ его; только бы Израиль обратился къ Нему, увѣровалъ, всѣмъ

сердцемъ и—надѣялся на Него одного, а не на ничтожныхъ идоловъ (27—31).

Продолжая ту же рѣчь чрезъ противопоставленія, пророкъ указываетъ на предвѣдѣніе Іеговы и—на Его всемогущество въ томъ, что онъ воздвигъ великаго завоевателя, страшнаго для всѣхъ народовъ и благодѣтельнаго для Евреевъ, какъ на рѣшительный признакъ величія и истинности Іеговы сравнительно съ идолами языческими. „Кто сдѣлалъ это, кто предрекъ это? Не они, не идолы, а Я, говоритъ Іегова, а идолы всѣ—ничто, вѣтеръ и пустота". Дѣло представлено въ образѣ величественной прѝ Бога съ языческими народами, и суда съ ними и надъ ними (ст. 1). а) „Кто воздвигъ великаго завоевателя? Я Іегова, а не идолы". Живыми чертами изображается при этомъ побѣдоносный походъ Кира; характеръ его и его войска (2—7). Такъ, онъ страшенъ для царей и народовъ; но не для народа Еврейскаго: ибо Іегова съ нимъ, держитъ его за руку, оказываетъ ему видимую помощь, такъ что всѣ противники его, не смотря на слабость его, исчезнутъ и разсѣются, какъ прахъ, а бѣдный, угнетенный Израиль будетъ свободенъ, и, обратившись къ Богу своему, чудесно будетъ возвращенъ въ землю свою (8—20). б) Могутъ ли идолы что-либо предвидѣть и предсказать, или даже что-либо сдѣлать, по чему можно было бы судить, Боги ли они? Но, что и говорить, они—ничто. Вотъ, напримѣръ, явится великій завоеватель; кто предрекъ объ этомъ?—„Я первый сказалъ Сіону объ этомъ, а изъ нихъ—никто; итакъ, и сами они—ничто" (21—29). Здѣсь, прежде, чѣмъ будемъ излагать продолженіе пророческой рѣчи, намъ нужно остановиться нѣсколько на выясненіи одного новаго понятія, которое въ первый еще разъ встрѣчается намъ здѣсь и которое имѣетъ особенное значеніе для правильнаго пониманія многихъ очень важныхъ мѣстъ изъ разсмотрѣнныхъ рѣчей пророка. Это понятіе о Рабѣ Іеговы. Здѣсь, очевидно, этимъ именемъ называется Еврейскій народъ и называется такъ потому, что изъ всѣхъ народовъ онъ одинъ избранъ былъ для особенной цѣли, для особеннаго назначенія, народъ, которому назначено было исполнить особенную волю Божію о мірѣ. Это—почетное и почтенное названіе, котораго удостоивались особые избранники Божіи—Авраамъ, Моисей, Давидъ и др. приводившіе въ исполненіе особенную волю Божію. Этимъ именемъ называется народъ Еврейскій и во многихъ другихъ

мѣстахъ разсматриваемой пророческой рѣчи. Но въ то же время во многихъ также мѣстахъ этой рѣчи названіе Раба Іеговы никакъ не можетъ быть приложено къ народу Еврейскому; а означаетъ одну личность, стоящую въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ самому народу Еврейскому. Таковъ, напримѣръ, Рабъ Іеговы, изображенный въ 52-й и 53-й гл. Это одна личность, которая беретъ на себя грѣхи всего народа, страдаетъ, и этими страданіями его искупляется самъ народъ весь. Слѣдовательно, это не самъ народъ, но одна личность изъ народа. Таковъ же Рабъ Іеговы, избранный,—въ 49-й гл. Онъ долженъ быть орудіемъ въ возстановленіи колѣнъ Израилевыхъ и возвращеніи спасенныхъ сыновъ Израиля; слѣдовательно, опять это не народъ самъ называется такъ, а одно лице изъ народа. Точно таковъ же Рабъ Іеговы въ 42-й гл. По яснымъ указаніямъ Евангелистовъ этотъ Рабъ Іеговы есть Мессія, Христосъ. Одинаковое наименованіе народа Еврейскаго и его Мессіи даетъ видѣть типологическое отношеніе перваго къ послѣднему; оно и дѣйствительно встрѣчается во многихъ указаніяхъ новозавѣтныхъ писателей, въ приложеніи, напр., пророчества Осіи объ изведеніи народа Еврейскаго изъ Египта къ переселенію младенца Іисуса изъ Египта въ Назаретъ (Мѳ. 2, 15), во введеніи Первороднаго во вселенную, о которомъ говоритъ Апостолъ Павелъ въ первой главѣ посланія къ Евреямъ, заимствуя этотъ образъ отъ введенія Евреевъ Моисеемъ въ землю обѣтованную, какъ первороднаго сына, на историческое поприще среди другихъ народовъ, Дѣйствительность такого типологическаго отношенія народа Еврейскаго, какъ особенно избранника Божія къ Мессіи, какъ совершителю судебъ этого народа и чрезъ него всего человѣчества,—вообще—и въ частности—дѣйствительность типологическаго отношенія Раба-Іеговы—народа къ Рабу Іеговы Мессіи въ разсматриваемой рѣчи пророка Исаіи, прежде частію отвергавшаяся, частію перетолковывавшаяся, въ послѣднее время все болѣе и болѣе признается и въ Германской богословской литературѣ школъ. Приводимъ слова Бунзена, который въ настоящее время имѣетъ такое огромное значеніе въ дѣлѣ примиренія философскихъ воззрѣній школъ съ Библіею и—вліяніе. „Выраженіе—Рабъ Іеговы, говоритъ онъ въ объясненіе разсматриваемаго мѣста, здѣсь обозначаетъ безъ сомнѣнія Еврейскій народъ, какъ выдѣленный Богомъ изъ среды языческаго міра для исполненія осо-

бой воли его. А такъ какъ Еврейскій народъ потолику достойно можетъ носить имя Раба Іеговы, поколику дѣйствительно исполняетъ волю Бога своего: то это названіе можетъ означать или можетъ быть приложимо къ лучшей части народа, зерну, такъ сказать, или „сѣмени святому“ народа, въ противоположность худшей, безбожно настроенной массѣ народа, которая только при посредствѣ Раба Іеговы можетъ быть приведена къ истинному Боговѣдѣнію. Но нельзя не признать съ другой стороны, что пророческому взору предносилась здѣсь и одна личность ... Рабъ Іеговы, совершеннѣйшій праведникъ, который предаетъ душу свою въ искупленіе цѣлаго народа (53), понесъ одинъ лично наказаніе за грѣхи народа“. Въ слѣдствіе нѣкоторой особенности своего воззрѣнія Бунзенъ видитъ отношеніе этого названія Раба Іеговы, какъ одного лица, непосредственно къ пророку Іереміи, и посредственно уже, какъ типа, къ лицу Христа; но для насъ здѣсь собственно важно то, что и люди школы ясно выражаютъ убѣжденіе, что подъ Рабомъ Іеговы разумѣется въ разсмотрѣнныхъ рѣчахъ пророка не только народъ Еврейскій, но и одна опредѣленная личность. А эта личность, по указанію Евангелистовъ, есть Мессія, Христосъ. Этотъ типъ или образъ стоитъ иногда въ такой тѣсной связи въ рѣчи съ образуемымъ, что переходъ отъ перваго къ послѣднему совершается во внѣшнемъ ходѣ рѣчи вдругъ, чисто по внутренней связи отношенія ихъ, какъ это, напр., въ 49-й главѣ, иногда же этотъ образъ стоитъ отдѣльно, но въ ясной параллели съ образуемымъ, какъ въ разсмотрѣнной первой рѣчи пророка. Имѣя это въ виду, для раздѣльнаго, отчетливаго и правильнаго пониманія пророческой рѣчи, мы пойдемъ теперь за нею далѣе.

Рѣчь продолжается такъ: Чрезъ обращеніе Израиля отъ идоловъ, ничтожныхъ, къ Богу своему, истинному, совершится искупленіе отъ бѣды его, а черезъ него и всего человѣчества, что составляетъ основную задачу или цѣль исторической жизни народа. Первымъ видимымъ дѣйствіемъ сего будетъ избавленіе народа отъ тяготѣющаго надъ нимъ суда, т. е., освобожденіе изъ плѣна, которому народъ подвергся за рѣзкое уклоненіе свое отъ своей главной цѣли, за свое крайнее отступленіе отъ Бога и нечестіе. Болѣе подробное раскрытіе этого пророческаго созерцанія таково: опредѣливъ свой судъ объ идолахъ и идолопоклонникахъ, Іегова указываетъ на Раба Своего, который, вмѣсто идолослуженія или

язычества вообще, оснуетъ и утвердитъ истинную религію и распространитъ ее между язычниками, который будетъ посредникомъ между Богомъ и своимъ народомъ, и „свѣтомъ для язычниковъ" (42, 1—9). Очевидно, что это отдѣленіе имѣетъ Мессіанское значеніе.

Въ слѣдующихъ рѣчахъ пророкъ часто обращается къ изображенію освобожденія Евреевъ изъ плѣна, и въ пророческомъ созерцаніи онъ видитъ и изображаетъ живо и увлекательно побѣды великаго завоевателя персидскаго, паденіе Вавилонскаго царства, освобожденіе Евреевъ, обличая вмѣстѣ съ тѣмъ идолопоклонство. Но это изображеніе по мѣстамъ такого рода, такъ идеально, образы настолько шире изображаемаго предмета, что volens—nolens необходимо признать, что взоръ пророческій подъ этими образами прозрѣвалъ Мессіанскія времена. Такой характеръ имѣетъ, напримѣръ, призываніе пророка прославить Іегову (10—12). Конечно, освобожденіе Евреевъ изъ плѣна, по изображенію пророковъ и ходу исторіи теократическаго царства, событіе такого рода, которое, по значенію своему, достойно того, чтобы прославлять за него Іегову крѣпкаго и сильнаго (на ряду съ освобожденіемъ изъ Египта); но образъ, прославленіе Іеговы, не только народомъ избавленнымъ, но и всѣми другими народами, не только существами разумными, но и неразумными и не одушевленными, прославленіе всѣмъ міромъ, образъ такъ широкъ, что невольно видишь въ немъ указаніе на прославленіе Іеговы за другое избавленіе, за другое оскобожденіе, котораго освобожденіе изъ плѣна было само символомъ или типомъ. Къ этому собственно символу обращается вслѣдъ за тѣмъ пророкъ, указывая на первое дѣйствіе Іеговы, слѣдующее за обращеніемъ къ Нему народа и долженствующее быть знаменіемъ символически изображаемаго и выше уже изображеннаго искупленія, именно дѣйствіе избавленія изъ плѣна. Іегона, въ совершеніи этого дѣйствія, представляется въ образѣ великаго героя исполина, который, удерживая сначала гнѣвъ противъ враговъ своихъ и враговъ своего возлюбленнаго народа, вдругъ оакъ бы пробуждается и стремительно нападаетъ на нихъ, кбѣщая для освобожденія народа своего показать великія чудеса, сдѣлать невозможное ни для кого другаго, и тогда посрамятся идолопоклонники (13—17). Затѣмъ объясняется причина таготѣющаго суда надъ народомъ, отъ котораго обѣщается освобожденіе. Это объясненіе въ формѣ обращенія Бога какъ бы съ жалобою къ самому народу на него же са-

мого. Пророкъ частію отъ лица Божія, частію отъ себя или лучшей части народа, жалуется на слѣпоту народа, которому постоянно открывался въ великихъ дѣлахъ Іегова, Богъ его, но, не смотря на все то, что Богъ сдѣлалъ для народа Своего, не смотря на откровенія и благодѣянія, которыми Іегова осыпалъ народъ свой, онъ постоянно коснѣлъ въ своей слѣпотѣ, закрывалъ глаза, уши и сердце и, вотъ за это-то онъ терпитъ теперь наказаніе, отъ котораго обѣщается освобожденіе, при обращеніи народа къ Богу своему (17—25). Итакъ, въ наказаніе за все его нечестіе Богъ теперь предалъ народъ свой въ рабство; но не на—всегда; онъ все-таки народъ избранный, котораго Іегова совершенно не можетъ оставить пока; Онъ освободитъ его изъ рабства. Онъ выкупитъ его цѣною рабства другихъ народовъ; вмѣсто него Онъ предастъ рабству Вавилонскому другіе народы, а Евреевъ—любимый народъ, приведетъ въ Палестину изъ всѣхъ странъ, гдѣ только они разсѣяны (43, 1—8). Послѣ этого обѣтованія—новое обращеніе къ худшей части народа Еврейскаго, а равно и къ языческимъ народамъ: изображается всемогущество и всевѣдѣніе Іеговы, для вразумленія какъ Евреевъ, такъ и язычниковъ (9—13), въ томъ, что одинъ Іегова—истинный Богъ. Здѣсь оканчивается первая часть первой трилогіи пророческой рѣчи или пѣсни. Въ слѣдующей подробнѣе раскрывается это первое дѣйствіе Іеговы въ искупленіи своего народа по его обращеніи—дѣйствіе освобожденія народа изъ плѣна. Вкратцѣ ходъ изображенія таковъ.

Богъ вѣчный унизитъ Халдеевъ, у которыхъ въ плѣну Евреи, торжественно проведетъ ихъ пустынею въ свою землю, простивъ имъ грѣхи ихъ, и изліетъ Духа Своего на нихъ. Въ этомъ сознается и познается Онъ, какъ истинный Богъ, а идолы, какъ ничто. Чрезъ избранника своего Кира Онъ совершитъ это грозно и торжественно, и всѣ народы узнаютъ изъ этого, что только Онъ истинный Богъ и обратятся къ Нему, какъ истинному.

Прослѣдимъ частности,—униженіе Халдеевъ и освобожденіе изъ плѣна. Это освобожденіе изъ плѣна представляется какъ дѣло великое, предъ которымъ нужно забыть прежнее освобожденіе изъ рабства Египетскаго, и за которое все должно прославить Іегову, какъ сотворившаго великое, чудесное, невѣроятное (14—21). Чтобы народъ, слыша объ освобожденіи изъ будущаго рабства, не могъ придти къ мысли, что если Іегова за беззаконія накажетъ его рабствомъ; то избавитъ

его изъ этого рабства ради *будущихъ заслугъ* его, когда онъ обратится искренно къ Богу своему, пророкъ, отъ лица Божія, говоритъ, что единственно милосердію Іеговы народъ будетъ обязанъ облегченіемъ своей участи, а не дѣламъ своимъ,—не благоугожденію Богу. И прошедшее свидѣтельствуетъ, что народъ постоянно грѣшилъ противъ Бога своего, что не только внутренне, но и внѣшне отпадалъ отъ Него, оставлялъ не только духовное служеніе сердца, но и внѣшнее; о томъ свидѣтельствуетъ исторія. Что же скажетъ будущее? Итакъ, не за заслуги народа, а единственно по Своей милости, прощая все народу Своему, Іегова освободитъ его, и не только освободитъ, но и осчастливитъ его въ землѣ Своей (22—28. 44. 1—5). Въ этомъ послѣднемъ изображеніи облагодѣтельствованія народа, образъ видимо опять шире ближайшаго образуемаго и указываетъ на другое облагодѣтельствованіе человѣчества во времена Мессіи. По крайней мѣрѣ, изліяніе Духа и обращеніе язычниковъ всегда въ болѣе ясныхъ пророчествахъ относятся ко временамъ Мессіанскимъ.

Въ этомъ освобожденіи Іеговой народа Своего и обращеніи къ нему народа, онъ познается какъ единый истинный Богъ, ибо въ Немъ съ силою и для всякаго съ убѣдительной очевидностію являются всемогущество и всевѣдѣніе единаго истиннаго Бога, въ противоположность ничтожности и безумію идолослуженія, которыя указываются здѣсь особенно ясно съ особенной силой и иронiей (16—20). На этомъ безуміи идолопоклонства и на Божественности одного только Іеговы основывается предостереженіе народу, чтобы онъ былъ вѣренъ своему истинному Богу; а это предостереженіе подкрѣпляется новымъ возвѣщеніемъ освобожденія изъ плѣна, при чемъ въ первый разъ названъ по имени и самый освободитель Киръ (21—28), и показывается значеніе его, какъ орудія Божія въ совершеніи судебъ міра. Іегова называетъ Кира по имени, что показываетъ особенную близость, называетъ его въ томъ же смыслѣ своимъ помазанникомъ, обѣщаетъ ему побѣды и сокровища, хотя Киръ самъ и не зналъ Іегову, но чрезъ это самое и на востокѣ и на западѣ узнаютъ Бога Израилева, какъ единаго истиннаго и всесильнаго Бога (1—8). Если же такъ: то глупы и не извинимы тѣ языческіе народы, которые входятъ въ прю съ своимъ Создателемъ объ этомъ благословеніи избраннаго народа. Онъ, всесильный, сотворилъ небо и землю, Онъ показалъ всевѣдѣніе свое въ пророчествахъ, Онъ никому не отдаетъ отчета

въ своихъ дѣлахъ; Онъ по своимъ неиспытуемымъ судьбамъ воздвигъ Кира для освобожденія Евреевъ; въ Его волѣ осчастливить народъ свой и обогатить его богатствомъ другихъ народовъ; кто укажетъ ему (9—15)? Это избавленіе и облагодѣтельствованіе Израиля, предреченное Іеговой, должно посрамить всѣхъ идолопоклонниковъ. Изъ этого Іегова беретъ побужденіе обличить идолопоклонство, какъ безуміе, и торжественно возвѣщаетъ, что настанетъ время, когда познаніе и почитаніе истиннаго Бога распространится между всѣми народами и Іудеями, нынѣ отступниками (16—25). Этимъ оканчивается вторая часть первой трилогіи, и съ 46 гл. начинается ея послѣдняя часть, въ которой пророческое созерцаніе останавливается на окончаніи или полномъ совершеніи перваго Божественнаго дѣйствія въ отношеніи къ искупленію Израиля отъ суда, т. е. на совершеніи казни надъ Вавилономъ, притѣснителемъ Евреевъ.

Взоръ пророческій останавливается прежде всего на сокрушеніи идоловъ, т. е. поруганіи Вавилонскаго идолослуженія. Божества Вавилонскія будутъ повержены и взяты въ плѣнъ (1—2). Изъ этого выводятся наставленія и предостереженія Евреямъ и—а) всему народу: Израиль, котораго Іегова поддерживаетъ со дня рожденія, не какъ прочіе боги свои народы, Израиль долженъ изъ этого увидѣть и уразумѣть, какъ безумно идолопоклонство, котораго ничтожность усматривается и изъ того, какъ приготовляются эти боги языческіе (3—7); б) наставленія и предостереженія въ частности и дурной части народа—отступникамъ: та часть народа Еврейскаго, которая отпала отъ Іеговы и увлечена была идолопоклонствомъ, призывается теперь обратиться къ Нему, истинному Богу, Который въ прежней исторіи народа показалъ себя единымъ истиннымъ Богомъ, Который бу́дущее предвозвѣщалъ и приводилъ въ исполненіе, который предсказываетъ теперь о Кирѣ и выполнитъ слово Свое (8—12); в) указаніе вѣрнымъ и праведнымъ, что спасеніе близко (43). Отъ паденія боговъ Вавилонскихъ взоръ пророческій обращается къ паденію самого Вавилона и всего царства. Оно похоже на изображеніе того же въ 13 и 14-й глл.; тамъ мы изложили и историческое исполненіе пророчества. Здѣсь все это изображеніе—чистая аллегорія. По восточному обыкновенію города и земли изображаются подъ видомъ женъ и дѣвицъ, мужей и дѣтей. Вавилонъ—этотъ гордый и изнѣженный городъ долженъ лишиться своего величія и превратиться

въ прахъ (1—5. 8. 9. 11). Вавилонъ въ гордомъ самозабвеніи надѣялся на свои волхвованія и чародѣянія, но напрасно: мщеніе коснется и волхвовъ и чародѣевъ, все погибнетъ (9. 12—14). Причина, почему Вавилонянъ постигнетъ такой страшный судъ Божій,—та, что они жестоко обращаются съ народомъ избраннымъ, на который хотя и прогнѣвался Іегова, но не до конца (6), а равно и гордое самодовѣріе и оставленіе Бога, при чемъ они не вѣрили ни въ какую высшую власть и думали, что собственная ихъ сила—твердый, не сокрушимый оплотъ ихъ существованія (7—10).

Эта послѣдняя часть трилогіи заключается обращеніемъ Бога и пророка къ народу Еврейскому, и именно къ худшей части народа, которая внѣшне почитаетъ Іегову, а сердцемъ привязана къ богамъ. Богъ опять указываетъ народу на свое всевѣдѣніе и всемогущество, явленныя въ прежней исторіи народа и въ исполнившихся пророчествахъ (1—5). Новое доказательство, что Онъ одинъ есть истинный Богъ, Іегова указываетъ въ Своихъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ народу предсказаніяхъ, что народъ, за свои грѣхи, преданъ рабству, но по милости Іеговы будетъ освобожденъ изъ него, и даже прославленъ, и что могущественнымъ царемъ, котораго воздвигнетъ Онъ, всѣ враги народа будутъ посрамлены (7—16). Если бы Израиль послушенъ былъ своему Богу и Господу; то онъ былъ бы вполнѣ счастливъ и блаженъ (17—19); но вотъ нынѣ за грѣхи свои онъ бѣдствуетъ, впрочемъ, Богъ сжалится надъ нимъ и возвратитъ его въ землю свою и осчастливитъ; только нечестивые будутъ лишены участія въ этомъ послѣднемъ (20—22).

Съ 49-й главы начинается и продолжается до 58-й гл. книги новое отдѣленіе пророческой рѣчи или пѣсни, составляющее вторую трилогію ея. Къ предшествующей трилогіи она относится такъ, что въ ней—грѣхи Израиля, навлекшіе на него судъ Божій, а равно и обращеніе Израиля, условливающее его избавленіе отъ этого суда, опредѣляются глубже и шире, именно: грѣхи разсматриваются не какъ то или другое фактическое преступленіе *παραπτωμα* или *παραβασις*, но какъ вообще порча, зло грѣха—*αμαρτια*—присущій всему человѣчеству, отъ котораго оно можетъ быть освобождено только нарочитымъ посланникомъ Божіимъ—Рабомъ Іеговы, на котораго и возложены будутъ грѣхи народа и человѣчества, и который Своими страданіями и смертію изгладитъ ихъ предъ судомъ правды Божіей; обращеніе Израиля разсматривается,

какъ признаніе этого Раба Іеговы тѣмъ, что Онъ есть, и какъ символъ обращенія къ нему всѣхъ народовъ. Средоточный пунктъ созерцанія, раскрываемаго въ этой трилогіи—есть, такимъ образомъ, лице Раба Іеговы или Мессіи. Значитъ, эта трилогія отличается отъ предшествующей тѣмъ, что въ ней, яснѣе чѣмъ въ той, развивается идея духовнаго освобожденія человѣчества отъ грѣха путемъ страданій Раба Іеговы. Въ томъ отдѣленіи, какъ мы замѣчали, лишь по мѣстамъ встрѣчаются такія идеальныя изображенія, которыхъ нельзя приложить вполнѣ къ освобожденію Евреевъ изъ плѣна и которыя потому должно признать имѣющими Мессіанское значеніе; но главный фонъ всей картины все-таки остается—это освобожденіе Евреевъ изъ плѣна, служащее образомъ другаго освобожденія. Въ настоящемъ отдѣленіи—наоборотъ. Духовное освобожденіе человѣчества составляетъ главное, сущность всѣхъ рѣчей этого отдѣленія; освобожденіе изъ плѣна является однимъ только субстратомъ; первое имѣетъ совершенный перевѣсъ надъ послѣднимъ, тогда какъ въ предшествующемъ отдѣленіи наоборотъ. Посему это отдѣленіе или трилогія есть важнѣйшая во всей этой заключительной рѣчи или пѣсни пророка, и цитатами изъ нея особенно испещрены Новозавѣтныя книги.

Это отдѣленіе начинается рѣчью одного вводнаго лица. Это лице прежде всего требуетъ вниманія къ себѣ всѣхъ народовъ земли, не только народа избраннаго, и объясняетъ, что оно не само по себѣ, не своевольно приняло на себя дѣло учительства народовъ, но избрано и призвано къ тому самимъ Іеговою, надѣлено Имъ же нужными для того дарами, и наконьцъ, послѣ того, какъ оно сокровенно было у Іеговы нѣсколько времени, оно послано Имъ для совершенія этого дѣла, съ обѣтованіемъ, что Іегова прославится въ немъ, какъ своемъ избранномъ рабѣ (1- 3). Первые плоды этого дѣла, совершаемаго этимъ лицомъ, кажется, не соотвѣтствуютъ высказанному обѣтованію; кажется, какъ будто все, что совершаетъ этотъ Рабъ Іеговы, тщетно; но этимъ нисколько не колеблется его довѣріе къ Іеговѣ (4), и Іегова ободряетъ его въ этомъ довѣріи, увѣряя его, что онъ будетъ не только Спасителемъ Израиля, но и свѣтомъ языковъ, возвѣщающимъ имъ спасеніе, что и цари земли послушаютъ его, что Іегова во всемъ Самъ будетъ помогать ему, и сдѣлаетъ его посредникомъ Новаго Завѣта (5—9). Кто—это лице? Мы сказали уже общее объ этомъ наименованіи во второй части книги Про-

рока, насколько это нужно было для пониманія общаго обозрѣнія книги. Посмотримъ теперь на различныя рѣшенія этого вопроса, замѣтивъ, впрочемъ, предварительно, что все это мѣсто нужно разсматривать не отдѣльно само по себѣ, но въ связи съ параллельными мѣстами: 42-й, 50, 53 и 61 гл., и что по этому только то лицо по праву можно считать субъектомъ, вводимымъ здѣсь, къ которому можно приложить свойства и качества, приписываемыя ему во всѣхъ помянутыхъ мѣстахъ.

1) По однимъ здѣсь вводится говорящимъ народъ Израильскій; они думаютъ, что весь народъ олицетворяется здѣсь и представляется говорящимъ какъ одинъ человѣкъ, и основная мысль всего отдѣленія та, что народъ Израильскій будетъ нѣкогда, послѣ страданій различныхъ, вынесенныхъ имъ, учителемъ язычниковъ въ дѣлѣ Богознанія и распространитъ истинную религію на землѣ. Но противъ такого объясненія нужно прежде всего напомнить, что даже и тѣ изъ Іудейскихъ толкователей, которые параллельныя этому мѣста изъясняютъ о народѣ Іудейскомъ, въ разсматриваемомъ мѣстѣ не слѣдуютъ этому объясненію. Въ самомъ этомъ отдѣленіи противъ такого объясненія говорятъ, ст. 5, въ которомъ Рабъ Іеговы отличается отъ Израиля, т. е., народа Еврейскаго, ст. 6, по которому этотъ Рабъ долженъ возстановить колѣно Израилево и оставшихся сыновъ Израиля возвратить, ст. 8 и 9, по которымъ онъ долженъ быть посредникомъ Новаго Завѣта между Іеговою и Израильскимъ народомъ и узниковъ вывести изъ темницы.

Принужденныя толкованія этихъ стиховъ въ пользу противнаго мнѣнія не стоятъ вниманія. Далѣе, если признавать, что народъ выводится здѣсь говорящимъ, что будутъ означать слова 4 ст., что „Онъ напрасно трудился и истощалъ силу свою“ въ дѣлѣ обращенія язычниковъ, когда извѣстно, что народъ не дѣлалъ еще никакихъ попытокъ къ обращенію язычниковъ; прозелитизмъ въ то время почти вовсе не былъ развитъ. Единственное, по видимому, твердое основаніе для такого объясненія составляютъ слова 3 ст., гдѣ этотъ Рабъ Іеговы называется Израилемъ. Но—это основаніе на самомъ дѣлѣ вовсе не твердо. Въ общемъ введеніи въ пророческія книги мы довольно подробно раскрывали ту мысль, что въ Мессіанскихъ пророчествахъ, по свойству пророческаго созерцанія, не только образы для изображенія предметовъ и лицъ Новозавѣтныхъ заимствуются отъ предметовъ и лицъ

Ветхозавѣтныхъ, но лица Новозавѣтныя даже называются именами лицъ Ветхозавѣтныхъ, когда эти послѣднія были образами первыхъ. Враги Новозавѣтной теократіи называются Едомлянами, Моавомъ и т. д. Креститель называется именемъ Иліи, Мессія самъ называется Давидомъ, и у Исаіи называется онъ именемъ, принадлежащимъ Соломону— „Князя мира". Въ такомъ же смыслѣ и Мессія называется здѣсь именемъ Израиля. Мессія называется Давидомъ потому, что онъ совершеннѣйшій глава духовной теократіи, какъ и тотъ былъ совершеннѣйшимъ представителемъ теократіи Еврейской; и здѣсь Мессія называется Израилемъ, потому что онъ глава новаго Христіанскаго народа, призваннаго въ завѣтъ съ Богомъ, какъ и Израиль или Іаковъ былъ глава и родоначальникъ народа, призваннаго древле въ завѣтъ съ Іеговою. Такимъ образомъ, выходитъ, что въ лицѣ выведенномъ въ разсмотрѣнномъ мѣстѣ нельзя видѣть олицетворенія цѣлой массы народа, хотя не сомнѣнно, что образъ Раба Іеговы—народа предносился взору пророческому, какъ мы видѣли это; но это—образъ Раба Іеговы, какъ отдѣльной, единичной личности.

2) Точно такъ же нельзя разумѣть подъ этимъ лицомъ самого пророка, какъ думаютъ другіе толкователи. Не понятно при такомъ толкованіи, какъ пророкъ могъ имѣть такія ожиданія, какія приписываются здѣсь выведенному лицу, какъ онъ могъ питать такія надежды? Пророкъ самъ, какъ и всѣ другіе Еврейскіе пророки, посланъ былъ не къ язычникамъ, а къ Іудеямъ, а здѣсь призываются ко вниманію всѣ народы, говорится, что его дѣло не ограничивается Іудеями, что онъ долженъ быть свѣтомъ для народовъ отъ края до края земли, что цари и князи должны встать передъ нимъ и послушать его; наконецъ—къ пророку никакъ не идетъ имя Израиля, данное рабу Іеговы въ 3 ст.

3) Гезеній, который показалъ несостоятельность обоихъ приведенныхъ мнѣній о лицѣ, говорящемъ здѣсь, самъ думаетъ, что это выведенное лице не есть дѣйствительное лице, а есть олицетвореніе всего сословія пророковъ, какъ лучшей части народа. Но и это мнѣніе не имѣетъ твердыхъ основаній и противорѣчитъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ самому этому мѣсту. Текстъ убѣждаетъ, что здѣсь не олицетвореніе множества, а одинъ субъектъ; нѣтъ никакого измѣненія въ числахъ глаголовъ, вездѣ единственное число. Неудобоприложимы къ этому мнѣнію слова 1 ст.: „Іегова отъ чрева матери призвалъ меня, отъ утробы матерней нарекъ имя мое".

Собирательному понятію пророковъ не приложимо также имя Израиля ст. 3. Гезеній самъ чувствуетъ это и вопреки всякой критики отвергаетъ подлинность этого названія. Ст. 6-й также несогласимъ съ такимъ объясненіемъ; пророки не къ язычникамъ посылаемы были, но всегда ожидали обращенія язычниковъ Мессіею и въ его времена. Такимъ образомъ, и это мнѣніе о лицѣ говорящемъ здѣсь не можетъ быть принято

Остается одно объясненіе, что здѣсь представляется говорящимъ Мессія, и это объясненіе, основанное на свидѣтельствахъ Новозавѣтныхъ книгъ, принято было всею церковію первенствующею, и, конечно, есть истинное. Черты, здѣсь указанныя, въ такой ясности и полнотѣ осуществились въ Мессіи, что даже нѣтъ нужды подробно разбирать ихъ. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе: удивительно, что люди, отвергающіе Мессіанское значеніе этого мѣста, не выставляютъ основаній для отверженія этого значенія. Самый сильный изъ противниковъ, *Розенмиллеръ* говоритъ лишь голословно, что такое объясненіе чуждо тексту самому,—основаніе, которое онъ выставляетъ противъ Мессіанскаго значенія вообще всей второй части книги пророка Исаіи. Гезеній говоритъ только, что пророкъ не могъ здѣсь представить Мессію говорящимъ, а почему? молчаніе. Удивительно, что такъ могутъ говорить люди, которые сами же принимаютъ, что здѣсь олицетвореніе или народа Израильскаго, или сословія пророковъ. Если ту трудность, что дѣйствительное лице не можетъ быть выведено говорящимъ безъ всякаго предваренія, хотятъ устранить мнѣніемъ объ олицетвореніи: то можно спросить, на какомъ же основаніи признавать, что олицетворенное понятіе можетъ быть представлено говорящимъ безъ предваренія?... Впрочемъ, примѣры перваго есть въ Ветхозавѣтныхъ книгахъ напр. Пс. 2. Во всякомъ случаѣ это—не основаніе противъ, а другихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, не выставляютъ.

Послѣ этого изображенія Избавителя народа слѣдуетъ изображеніе самого избавленія и—чувственнаго и духовнаго; первое является лишь образомъ послѣдняго. Пророкъ въ одномъ созерцаніи видитъ то, что въ исторіи раздѣлено вѣками: возобновленіе государства послѣ плѣна и распространеніе и совершеніе теократіи Мессіею, ихъ преуспѣяніе онъ созерцаетъ на одной картинѣ, а равно и враждебныя отношенія къ нимъ другихъ. Это изображеніе простирается до 4 ст. 50 гл. Съ 4 ст. 50-й главы снова вводится говорящимъ посто-

роннее лице, въ которомъ такъ же, какъ и въ предшествующей главѣ, нельзя не видѣть Мессію. Говорящій здѣсь прежде всего возвѣщаетъ, что онъ явился не своевольно, но получилъ отъ Іеговы ученіе свое, равно, какъ и силу—возвѣщать это ученіе (4). Безпрекословно принялъ онъ эту должность учителя, и перенесъ изъ-за нея всѣ скорби и поруганія (5. 6). Силу къ перенесенію ихъ онъ нашелъ въ упованіи на Іегову, который помогаетъ ему и уничижаетъ враговъ его (7—9); онъ обращаетъ рѣчь свою къ богобоязненнымъ и увѣщаваетъ ихъ положить надежду на Бога, а безбожныхъ увѣряетъ, что они потерпятъ наказаніе (10—11). Мессіанское значеніе этого мѣста вполнѣ подтверждается Новымъ завѣтомъ, гдѣ прямо изъ него приводится мѣсто и прилагается къ Мессіи. Это пророческое изображеніе, сходное съ предъидущимъ отличается отъ нихъ только тѣмъ, что здѣсь Мессія является страждущимъ. тогда какъ въ предшествующихъ онъ является болѣе въ славѣ. Отдѣльныя черты этого пророческаго изображенія Мессіи подробнѣе изложены въ 53 главѣ.

Въ 51 и 52-й гл. содержится утѣшеніе лучшей части народа въ бѣдствіяхъ его и обѣтованіе помощи Божіей и лучшей участи. Пророкъ говоритъ то отъ лица Іеговы, то отъ своего, то отъ лица Мессіи. Это одно изъ самыхъ величественныхъ изображеній, образы въ немъ большею частію извѣстны, связь также не представляетъ затрудненій. За искупительныя страданія Раба Іеговы Богъ обѣщаетъ, что онъ наслѣдуетъ сѣмя, приметъ въ удѣлъ многихъ и сильныхъ будетъ дѣлить какъ добычу, что все образно обозначаетъ основаніе этимъ Рабомъ Іеговы и распространеніе новаго великаго общества вѣрующихъ и искупленныхъ. Къ этому-то обществу отъ изображенія страданій Раба Іеговы и обращается теперь пророческій взоръ, т. е., къ церкви Христовой, которую онъ стяжалъ кровію Своею (54). Но точно такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ типологическихъ изображеній, образуемое, т е., отдаленное будущее изображается чертами самаго образа, т. е., настоящаго или ближайшаго будущаго, Новозавѣтное описывается въ образѣ Ветхозавѣтнаго, послѣ-плѣннаго, а потому образъ и образуемое не строго отдѣляются въ рѣчи, образъ Сіона, напр., означаетъ и народъ Израильскій и искупленное человѣчество, точно такъ же и въ этомъ отдѣлѣ рѣчи. По видимости, кажется рѣчь обращена къ дщери Сіоновѣ—церкви Ветхозавѣтной, которой, по воз-

вращеніи изъ плѣна, обѣщается увеличеніе чадъ и милость Божія; но черты образа такъ широки въ своей полнотѣ, и такъ дѣйствительно вѣрны въ приложеніи къ царству Мессіи, что невольно подъ образомъ Ветхозавѣтнымъ видишь Новозавѣтное, хотя нѣкоторыя черты образа вполнѣ приложимы и къ Церкви Ветхозавѣтной послѣ-плѣннаго періода. Итакъ, рѣчь опять въ сущности типологическая. Мысль, что царство Мессіи отъ Евреевъ широко распространится между языческими народами, составляетъ сущность этой рѣчи и образно раскрывается она такъ: общество Божіе подъ древнимъ закономъ, ограниченное небольшимъ числомъ истинно вѣрныхъ, часто угнетаемое, казалось оставленнымъ Іеговою-Богомъ своимъ; такъ различныя казни, которыя Богъ посылалъ на народъ за нечестіе невѣрныхъ, часто неизбѣжно касались и общества вѣрныхъ, и—такимъ образомъ, весь народъ, казалось, оставляемъ былъ Богомъ. Это особенно ясно выразилось въ томъ, что Богъ отдалъ народъ Свой въ рабство—въ плѣнъ Вавилонскій. Богъ оставилъ народъ Свой, какъ оставляетъ мужъ жену, давши ей письмо разводное. Но Онъ снова возметъ народъ Свой къ Себѣ и—этимъ начинается пророческая рѣчь разсматриваемой главы. Народъ представляется подъ образомъ безплодной жены (это въ плѣнѣ), у которой (послѣ плѣна) явится многочисленное потомство, и которая потому призывается къ торжеству, такъ какъ многочисленность потомства означала благословеніе Іеговы; причина умноженія та, что Богъ, представленный здѣсь мужемъ вѣрной церкви, который оставилъ было ее, снова принялъ ее къ себѣ, и умножилъ семейство ея присоединеніемъ къ ней язычниковъ, и теперь уже не оставитъ ея (1—10); призываніе язычниковъ и вѣчное пребываніе Бога въ своей церкви, вотъ двѣ черты, которыя не приложимы къ церкви Ветхозавѣтной послѣплѣннаго времени и вполнѣ осуществились только въ церкви Новозавѣтной. Увеличившееся, такимъ образомъ, общество Іеговы, многочисленное, будетъ прославлено, и внутренно и внѣшне будетъ облагодѣтельствовано Богомъ; всѣ члены его будутъ научены и руководимы Богомъ, и противъ всѣхъ враговъ его Іегова защититъ его (11—17). Видно, что хотя освобожденіе Евреевъ изъ плѣна здѣсь предносится очамъ пророка, но, впрочемъ, на него здѣсь лишь слабыя указанія и только образы взяты съ него. Пророкъ, прозрѣваетъ здѣсь первые начатки царства Мессіи и его рас-

пространеніе и возвеличеніе и побѣды надъ врагами. Замѣчательно здѣсь сходство изображенія царства Мессіи съ изображеніемъ его въ Апокалипсисѣ Іоанна (21, 18—21). Но продолжимъ разборъ изображенія. Всѣмъ желающимъ участія въ этомъ новомъ обществѣ Божіемъ и особенно язычникамъ совѣтуется, вмѣсто того, чтобы продолжать ходить по собственнымъ путямъ, пользоваться благодатными дарами Божіими, которые драгоцѣннѣе всякихъ земныхъ благъ, и пользоваться ими невозбранно и безпрепятственно (1—2). Іегова заключаетъ съ ними чрезъ Давида, т. е., потомка его Мессію, новый завѣтъ, завѣтъ вѣчный, имѣющій даровать призваннымъ въ этотъ завѣтъ—спасеніе. Этотъ вторый Давидъ, не какъ первый, будетъ господствовать не надъ однимъ небольшимъ народомъ; но всѣ языческіе народы Іегова покоритъ его власти, и они всѣ примкнутъ къ обществу Израиля (3—5). Впрочемъ, только тотъ будетъ имѣть участіе въ этомъ новомъ царствѣ, кто прославляетъ Іегову истиною и правдою своей жизни. Всѣ безбожники могутъ обратиться къ Нему, который такъ богатъ милостію и состраданіемъ къ тѣмъ, которые ищутъ прощенія грѣховъ (6—7). Угнетенному въ плѣнѣ и малому по числу обществу Іеговы могло показаться невѣроятнымъ, что оно будетъ такъ прославлено и распространится чрезъ присоединеніе язычниковъ, и что каждый, оставившій путь свой и обратившійся къ Богу, будетъ непремѣнно принятъ Имъ, кто бы онъ ни былъ. Это сомнѣніе Іегова разрѣшаетъ указаніемъ на то, какъ Его опредѣленія и мысли далеко выше опредѣленій и мыслей людскихъ, какъ для Него легко совершить то, что трудно и не возможно для людей; какъ потому дѣла Его не могутъ быть объяты человѣческою мудростію и проницательностію (8—9). Божественныя благодатныя обѣтованія не могутъ не придти въ исполненіе и не быть плодотворными, подобно тому, какъ дождь и снѣгъ дѣлаютъ плодотворною землю (10—11).

И вотъ знаменіе и доказательство: народъ выйдетъ изъ Вавилона и съ торжествомъ возвратится въ землю свою (12—13). Но и со стороны призываемыхъ нужно достойное приготовленіе къ явленію благодати, приготовленіе истинною правдою жизни и исполненіемъ Божественныхъ заповѣдей. По обыкновенію пророка—общее представлять въ частномъ примѣрѣ—здѣсь указывается только на исполненіе предписаній, касающихся субботы (56, 1—2). Царство Божіе не должно ограничиваться внѣшнимъ, такъ какъ и принятіе въ него не бу-

детъ зависѣть отъ внѣшнихъ условій, но отъ чисто внутреннихъ, отъ совершенной преданности Божіей волѣ и отъ исполненія Божественныхъ заповѣдей (3—5). Язычники взойдутъ въ теократію и будутъ участниками всѣхъ правъ, какими пользуются члены ея, если они только будутъ исполнять обязанности членовъ ея (6—7). Образъ—Іегова не только соберетъ разсѣянныхъ сыновъ Израиля, но и увеличитъ теократическое царство принятіемъ язычниковъ (8).

Съ 9 ст. этой главы начинается и продолжается до конца 57 гл. заключительное отдѣленіе этой второй части трилогіи общей пророческой пѣсни, и имѣетъ оно тотъ же характеръ, какой—и заключительное отдѣленіе первой трилогіи, увѣщательно-обличительный.

Въ предшествующемъ отдѣленіи, какъ мы видѣли, пророкъ предвозвѣщаетъ великое прославленіе теократіи и принятіе въ нѣдра ея языческихъ народовъ, съ выразительнымъ замѣчаніемъ, что только богобоязненные будутъ принимать участіе въ божественныхъ благословеніяхъ, которыя въ изобиліи изліетъ Іегова на новое теократическое царство Свое. Въ заключительной же рѣчи этого отдѣла пророкъ начертываетъ картину заблужденій и печальнаго религіозно-нравственнаго состоянія народа, чтобы показать, что большая часть этого народа, если будетъ коснѣть въ заблужденіяхъ своихъ и не исправится, не должна имѣть никакой надежды на участіе въ благахъ, которыя имѣетъ даровать Богъ. Удивительно, съ какой вѣрностью даже въ нѣкоторыхъ частностяхъ прилагается это изображеніе къ состоянію народа въ первые дни открытія новаго общества Божія, Новозавѣтной Церкви. Содержаніе всего этого изображенія таково; чуждые народы, внѣшніе враги призываются къ опустошенію земли Еврейской. Эти враги представлены подъ образомъ дикихъ звѣрей, а Израиль—подъ образомъ худо оберегаемаго стада, котораго приставники—псы нѣмые, лѣнивые, своекорыстные, пьяные (9—12), которые не исполняютъ своихъ обязанностей, какъ должно, не брегутъ ни о чемъ, которые не понимаютъ совершающихся предъ ихъ глазами событій; затѣмъ пророкъ указываетъ на историческіе факты нечестія народа (57. 1—2). Идолослуженіе, представленное здѣсь подъ обычнымъ образомъ прелюбодѣянія, невѣрности Іеговѣ, по изображенію пророка, совершалось народомъ и тайно, и открыто (3—8); вмѣсто того, чтобы прибѣгать за помощію къ Іеговѣ, своему Богу, всегда готовому спасти и помочь народу Своему, онъ

искалъ помощи у Молоха, у другихъ чужихъ царей, и когда это оказывалось тщетнымъ, онъ надѣялся на себя, а все-таки не на Бога своего (9—10); а между тѣмъ и страхъ-то этотъ предъ обстоятельствами, страхъ, заставившій народъ забыть Бога своего, былъ страхъ ложный (11). За все это Іегова грозитъ худшей части народа казнію, несчастіемъ, отъ котораго никто не освободитъ его; а спасеніемъ, которое обѣщается здѣсь Іудеямъ и язычникамъ, воспользуется только лучшая часть народа; нечестивые не умиротворятся въ новомъ мирномъ царствѣ Божіемъ (13—21).

Съ слѣдующей главы начинается и продолжается до конца книги послѣдняя - третья часть пророческой трилогіи. Основная мысль ея—слава новаго, имѣющаго устроиться искупительной жертвой Раба Іеговы, царства, т. е., Церкви Новозавѣтной. Мысль въ общемъ развивается такъ: это отъ вѣчности предопредѣленное и тысячелѣтіями приготовляемое новое всеобщее царство Божіе на землѣ состоитъ въ сущности не во внѣшнихъ дѣлахъ и церемоніяхъ, какъ доселѣшній законъ Іудейскій, но во внутренней святости духа, и—правдѣ. Это не народъ, какъ отдѣльная масса, который долженъ быть спасенъ, но безсмертная душа каждаго человѣка; не главный городъ Іудейскаго царства долженъ быть возстановленъ и прославленъ, но все общество Божіе на землѣ въ единеніи его духа и жизни; не о чувственномъ и временномъ дѣло, но о духовномъ, вѣчномъ: Богъ самъ есть свѣтъ и просвѣщеніе непосредственное для новаго общества, которое и должно достигать въ мѣру полноты его. Когда люди познаютъ это, а они познаютъ непремѣнно, тогда нечестіе будетъ истреблено изъ царства Божія совершенно и—„будетъ Богъ всяческая и во всѣхъ“ (дополнимъ рѣчь пророка словомъ Апостола). Само собою разумѣется, что эти новыя вдохновенныя идеи раскрываются подъ образами древняго царства Божія на землѣ, Ветхозавѣтной теократіи, послѣ-плѣнной, въ приложеніи къ которой изображеніе во многихъ чертахъ имѣетъ свой полный историческій смыслъ. Напомнимъ еще разъ ту особенность пророческихъ рѣчей, по которой они изображаютъ событія не въ исторической ихъ преемственности, а въ сущности, въ совершеніи, въ полномъ осуществленіи идеи, и обратимся къ болѣе подробному обозрѣнію.

а) Царство Божіе на землѣ должно стоять не внѣшними только дѣлами и исполненіемъ церемоній. Для раскрытія этой мысли пророкъ беретъ черты и краски изъ обычной народной

жизни и чрезъ нихъ опредѣляетъ—какова должна быть жизнь новаго общества, именно, сперва обращается онъ къ тѣмъ изъ народа, которые внѣшне держатся отеческой религіи законовъ и церемоній ея, и въ томъ полагаютъ всю силу и важность и коснѣютъ въ томъ заблужденіи, что можно ограничиваться лишь внѣшнимъ Богослуженіемъ, безъ внутренняго очищенія и самоусовершенствованія, которые служатъ Богу внѣшнимъ пощеніемъ и внѣшне строгимъ сохраненіемъ законовъ, напримѣръ, закона о постѣ и субботѣ. Пророкъ, отъ лица Божія, изрекаетъ народу, что только внутренне обрѣзаніе сердца, соединенное со внѣшнимъ исполненіемъ законовъ, есть истинное благоугожденіе Богу; при этомъ, только Іегова услышитъ гласъ народа Своего и во время бѣдствій, которыя навлечетъ на землю обѣтованную нечестіе народа (58 гл.).

Люди вообще, какъ и народъ Еврейскій, склонны—вину своего несчастія приписывать не себѣ, но Богу. Вопреки этому, нророкъ показываетъ, что Божественное всемогущество и всевѣдѣніе всегда одно и то же, но что Онъ не посылаетъ спасенія и не избавляетъ отъ бѣдъ за неправды насилія и другія беззаконія, которыхъ не должно быть въ новомъ обществѣ, при новомъ завѣтѣ (1—19). Когда явится Искупитель народа и человѣчества, заключенъ будетъ новый вѣчный завѣтъ, и Духъ Іеговы не оскудѣетъ (20—21). Это созерцаніе Избавителя приводитъ въ восторгъ пророка, и онъ набрасываетъ свѣтлую картину новаго царства. Въ величественныхъ образахъ, заимствованныхъ отъ древней теократіи, изображается слава и величіе новой теократіи, новаго царства Божія, духовнаго, всеобъемлющаго. На освобожденіе Евреевъ изъ плѣна во всей этой рѣчи—лишь легкія указанія. Пророческая рѣчь обращена къ вѣрной части народа, составлявшей сѣмя древней и новой теократіи. Изображеніе это таково: тогда какъ мракъ объемлетъ землю; надъ обществомъ Израиля сіяетъ свѣтъ и слава Іеговы (60, 4—2). Языческіе народы съ своими царями спѣшатъ къ этому свѣту, чтобы почтить Іегову: вотъ всѣ они приближаются въ великомъ множествѣ, приводятъ съ собою разсѣянныхъ сыновъ Израиля; съ востока и запада придутъ они съ богатыми дарами, каждый—съ лучшими произведеніями земли своей (4—11. 13).

Едва ли нужно замѣчать здѣсь, что все это изображеніе должно принимать въ переносномъ смыслѣ; принятіе язычниковъ въ новое царство представлено здѣсь подъ образомъ

путешествія ихъ въ Іерусалимъ, средоточіе древней теократіи; дары, это—символъ почтенія. Безъ образа мысль изображенія такова: языческіе народы будутъ приняты въ царство Божіе и прославятъ Іегову за Его великія дѣла. Слава и величіе теократіи будутъ таковы, что ея прежніе враги покорятся; мѣсто прежняго презрѣнія и вражды заступитъ всеобщее почтеніе и любовь (12. 14—16). Это будетъ царство правды, мира, счастія; Іегова самъ будетъ постоянно среди народа своего и свѣтъ его благодати разгонитъ всякую тьму (17—22). Пророчество, начавши приходить въ исполненіе со времени явленія Мессіи, совершенно исполнится, когда царство Мессіи явится во всей полнотѣ, при концѣ (Апок. 21. 22 и дал.).

Далѣе въ 61 гл. представляется говорящимъ самъ началовождь этого новаго царства—Мессія; онъ возвѣщаетъ истинному обществу Іеговы между Израильтянами, что Іегова призвалъ его не только возвѣстить имъ искупленіе изъ бѣдственнаго состоянія, проповѣдать правду, миръ и радость, но—вмѣстѣ осуществить исполненіе того и другаго, для совершенія чего на немъ и пребываетъ Духъ Іеговы (1—3). Что все это относится къ Мессіи, нѣтъ нужды и доказывать, когда самъ Мессія—Христосъ, прочитавъ въ Назаретской Синагогѣ эти слова Исаіи, сказалъ, что они исполнились на Немъ (Лук. 4, 21). Падшая теократія будетъ тогда возстановлена и возвеличена призваніемъ язычниковъ: ибо Іегова, по своей правдѣ, вступитъ съ нею въ завѣтъ вѣчный (4—9). Общество отвѣчаетъ выраженіемъ живѣйшей радости объ этомъ обѣтованіи, равно какъ и полнаго своего довѣрія къ исполненію этого обѣтованія (10—11). Образы и здѣсь, очевидно, заимствованы отъ земной теократіи, именно—возстановленія государства Еврейскаго послѣ плѣна; но эти образы шире этого содержанія и указываютъ на Мессіанскія времена.

Далѣе въ 62 гл. пророкъ, съ которымъ должны соединиться всѣ вѣрные, не престаетъ взывать къ Іеговѣ объ избавленіи своего общества, ближайшимъ образомъ, чрезъ освобожденіе изъ плѣна, но главнымъ образомъ чрезъ посланіе Мессіи. Общество будетъ облагодатствовано и прославлено, и ни одинъ врагъ не долженъ безпокоить его (1—9). Освобожденный отъ рабства и возвращенный въ свою землю народъ образуетъ собою святой и избранный народъ (10—12). Соединяя съ этимъ предвозвѣщеніе побѣды надъ врагами,

пророкъ изображаетъ эту побѣду особеннымъ образомъ: онъ видитъ идущаго изъ Едома могучаго героя въ окровавленной одеждѣ и спрашиваетъ его—кто онъ? Вопрошаемый отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, и въ этомъ отвѣтѣ показывается Его Божественность (1). Пророкъ снова спрашиваетъ—отчего одежда его такъ красна, какъ будто онъ топталъ въ точилѣ, т. е., выжималъ вино? (2). Тотъ отвѣчаетъ, что одежда его красна отъ крови враговъ, которыхъ онъ уничтожилъ своею Божественною силою, когда настало время (3—6). Что исполненіе этого пророчества еще въ будущемъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ сравненіе его съ Апокалипсисомъ, въ которомъ оно повторяется почти до слова (14, 18—слѣд. 19, 12—слѣд.).

Послѣдняя рѣчь отъ 7 ст. 63 гл. до конца книги есть покаянное исповѣданіе и молитва пророка отъ лица народа о милости и избавленіи, и—отвѣтъ Божій на эту молитву. Это образъ всей исторіи отношеній народа Еврейскаго къ истинному царству Божію на землѣ, отношеній и въ Ветхозавѣтное и Новозавѣтное время. Печально воспоминаетъ онъ великія дѣла Божіи, явленныя среди него и имѣвшія цѣлію благосостояніе его (7—9). Онъ сознаетъ и исповѣдуетъ, что за свои тяжкіе грѣхи, за свое гнусное отпаденіе онъ лишился милостей Іеговы; со умиленіемъ приводитъ онъ себѣ на память то время, когда Богъ чрезъ Моисея прославлялъ избранный народъ свой и показывалъ ему всегда мощную десницу помощи, и проситъ его во имя древнихъ милостей сжалиться надъ народомъ—оставленнымъ и находящимся въ бѣдственномъ положеніи (10—19). Онъ проситъ Іегову помочь ему своимъ всемогуществомъ, какъ помогалъ ему древле, показывая великія чудеса (64, 1—3). Не въ Іеговѣ, но въ народѣ одномъ лежитъ причина его несчастнаго положенія; святый и праведный, Онъ можетъ внимать только тому, кто исполняетъ заповѣди Его; а народъ погруженъ во грѣхи и пороки, которые могли привлечь только казнь Божію на него (4—6). Но потому, что народъ исповѣдуется во грѣхахъ, онъ проситъ Бога, чтобы Онъ не забывалъ Своей прежней любви къ народу и простилъ ему грѣхи его (7—8). Изобразивъ снова свое бѣдственное положеніе, народъ спрашиваетъ, долго ли еще Іегова продлитъ гнѣвъ Свой? (9—11).

Слѣдующая глава (65-я) содержитъ отвѣтъ Іеговы на эту жалобную молитву народа и оправданіе своихъ дѣйствій. Свое милосердіе Іегова указываетъ въ томъ, что Онъ опре-

дѣлилъ призвать въ общеніе свое язычниковъ, не искавшихъ его и безъ особенныхъ заслугъ съ ихъ стороны (1). Что здѣсь рѣчь идетъ о язычникахъ, это ясно указываетъ Апостолъ языковъ, когда въ Посланіи къ Римлянамъ относитъ этотъ стихъ къ язычникамъ, а слѣдующіе къ Іудеямъ (Рим. 10, 20—21). Далѣе, Свою милость Богъ указываетъ въ многочисленныхъ попыткахъ привлечь къ Себѣ народъ Израильскій Но когда онъ не слушался голоса Бога своего, обращался къ идоламъ и воображалъ, что чрезъ это дѣлается еще святѣе, тогда правда Божія требовала, чтобы народъ былъ наказанъ за свои грѣхи и за грѣхи отцевъ своихъ, мѣру коихъ онъ исполнилъ (2—7). Впрочемъ, Богъ не отвергнетъ всего народа, но лучшую его часть избавитъ отъ бѣдствій (8—10). Но беззаконниковъ, не послушавшихъ гласа Божія, Онъ подвергнетъ еще большему наказанію, и это наказаніе еще сильнѣе будетъ чувствоваться отъ того, что они будутъ свидѣтелями блаженства лучшихъ братій своихъ (11—15). Сіи послѣдніе будутъ наслаждаться великимъ благословеніемъ Божіимъ; для нихъ наступитъ совершенно другое состояніе вещей, представленное пророкомъ въ величественныхъ образахъ грѣховъ съ ихъ слѣдствіями—болѣзнію, преждевременною смертію, разстройствомъ въ неразумной природѣ; вообще всякаго зла не будетъ тамъ; Іегова соединится съ Своимъ народомъ тѣснѣйшимъ образомъ (16—25).

Послѣдняя глава книги (66-я)—такого же содержанія. Отверженіе и наказаніе богоотступной части народа, равно какъ и всѣхъ враговъ Божественнаго царства, облагодѣтельствованіе благочестивой части народа и ея соединеніе съ языческими народами въ одно царство Божіе, въ одинъ священный народъ Іеговы: вотъ содержаніе этой главы. Іудеи, современники пророка, полагались особенно на законныя дѣла свои и гордились своимъ храмомъ и своимъ богослуженіемъ, не совершая его должнымъ образомъ. Пророкъ возвѣщаетъ, что Іегова—Господь неба и земли, храма и богослуженія, установленнаго только по снисхожденію, ради немощи человѣка, можетъ обойтись безъ всего этого; Онъ смотритъ на внутреннюю жертву сердца и ее цѣнитъ, а внѣшняя жертва безъ внутренней только гнѣвъ Его возбуждаетъ (1—3), какъ и богоотступничество. Онъ возвѣщаетъ этой богоотступной части народа, презирающей благочестивыхъ, тяжкія наказанія (4—6). Напротивъ, общество Божіе, представленное здѣсь подъ образомъ жены, легко—безъ мученій раждающей, будетъ

возрастать чудеснымъ образомъ, и возвеличится и будетъ радостію для всѣхъ богобоязненныхъ, а враги его всѣ погибнутъ (7—18). Тогда Іегова пошлетъ вѣстниковъ въ дальніе народы языческіе для обращенія ихъ; они обратятся къ Іеговѣ, будутъ приняты въ Его царство со всѣми преимуществами древнихъ членовъ царства Божія; плотскихъ преимуществъ уже не будетъ (18—21). И доколѣ будутъ стоять новыя небеса и новая земля, которыя сотворитъ Іегова, дотолѣ будетъ стоять и почитающее Іегову общество вѣрныхъ, или новое царство Божіе. Напротивъ, вѣчныя муки будутъ удѣломъ отступниковъ (22—24).

Тула. 15 Октября 1901 года. Дозволено цензурою.
Цензоръ Протоіерей *Георгій Пановъ*.

Типографія И. Д. Фортунатова, въ Тулѣ.

КАФЕДРА БИБЛЕИСТИКИ МОСКОВСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

www.bible-mda.ru



Кафедра библеистики — учебное и научное подразделение Московской православной духовной академии (www.mpda.ru), обеспечивающее преподавание более 20 дисциплин. Заведующий кафедрой — доцент протоиерей Леонид Грилихес. Основное научное направление кафедры — разработка углубленного курса святоотеческой экзегетики с привлечением широкого контекста всех современных библейских исследований.

Проект по созданию электронных книг

Проект осуществляется совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим». В подготовке книг принимают участие студенты кафедры. Куратор проекта — преподаватель священник Димитрий Юревич. Электронные книги распространяются на компакт-дисках в формате pdf и размещаются на сайте в формате djvu.

На сайте кафедры

www.bible-mda.ru

- ✔ электронные книги для свободной загрузки
- ✔ информация о кафедре, ее преподавателях, новостях, учебном процессе
- ✔ информация об издаваемых кафедрой новых книгах
- ✔ методические материалы по библеистике
- ✔ пособия и источники для изучения Священного Писания